

**Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Институт славяноведения РАН
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского**

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ X–XXI вв.**

**XXXVI СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Брянск, 24–28 сентября 2018 г.

**Москва
2018**

ББК 63.3(2)

И 93

**XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы
проводится при финансовой поддержке РФФИ
Проект № 18-09-20036**

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (отв. ред.), В.А. Ильных, А.И. Комиссаренко,
М.Д. Карпачев, В.Д. Назаров, В.Н. Никулин, Н.В. Соколова

**И 93 Итоги и перспективы исследования аграрной истории
России X–XXI вв. : XXXVI сессия Симпозиума по аграрной
истории Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений :
Брянск, 24–28 сентября 2018 г. – М.: ИСл РАН, 2018. – 236 с.**

ISBN 978-5-7576-0416-9

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7576-0416-9

© Коллектив авторов, 2018

© Программный комитет Симпозиума по
аграрной истории Восточной Европы, 2018

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ
Киевская Русь – середина XIX в.

Е.А. Шинаков¹

**О «внешних» источниках пополнения населения
частновладельческих сельских поселений Древней Руси:
комплексный анализ источников по Деснинскому региону**

Главной демографической проблемой Древней Руси была нехватка населения, точнее, некоторых его категорий, при достаточном количестве земли, особенно на первоначальных «межкняжеских» пограничьях.

Вопрос решался по-разному: первоначально, пока частновладельческими были только села правящей династии, причем неподалеку от столиц – как государства в целом, так и отдельных его «земель» – было достаточно естественного прироста населения, дополняемого периодическими поступлениями военнопленных – «челядинов», которые, скорее всего, выполняли роль слуг, а не землепашцев.

Однако с развитием боярского землевладения, начавшегося во второй половине XI в., потребность в зависимых земледельцах стала возрастать, достигнув максимума в начале XII в.

Причины этого не ясны, скорее всего, они были результатом стечения комплекса факторов. Первым фактором, явно недооцененным в историографии и, предположительно, начавшим ранее всего действовать, мог стать приток болгарской военно-служилой знати – «боляр», появившийся после византийской оккупации страны и особенно в результате подавления двух болгарских восстаний – 1040-х и 1070-х гг. Для Подесенья он зафиксирован архе-

¹ *Шинаков Евгений Александрович*, доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, shinakov@mail.ru, Россия, г. Брянск.

ологией и эмблематикой. Отмечают и болгарское религиозное влияние (богомилы) во второй половине XI в. «Боляре» могли оказать влияние как на верхи русской дружины, так и на самих князей, которым с этим слоем надо было по-новому выстраивать отношения, в т.ч. и финансово-экономические.

Второй фактор – развитие товарно-денежных отношений, отмечаемое как так называемым «Введением к Начальному Своду» и летописной статьей 1093 г. (она посвящена осуждению Всеволода Святославича), так и «Уставом» Владимира Мономаха 1113 г. и летописными известиями о причинах его приглашения на киевский стол. О возросшей товарности хозяйства, дальнейшем развитии «монетарной» экономики свидетельствует и археология, и нумизматика – в XII в. наступает «безмонетный», но отнюдь не «безденежный» период.

Для пополнения населения частновладельческих сельских поселений (вотчин, сел), конечно, вроде бы мог быть задействован «старый» источник и способ – «полон», в данном случае половецкий. Первое десятилетие XII в. – период серии регулярных походов объединенных русских войск в степи, взятия, разграбления и разгрома нескольких половецких городов. Однако кочевники непригодны для землевладельческого труда: часть из них была превращена в «своих поганых» – контингенты военных поселенцев-федератов Руси. Часть, возможно, стала источником тех самых средств для военно-политической элиты Руси: женщин и детей тюркских кочевников могли продавать мусульманам для пополнения гаремов и войск рабов-мамелюков. Упоминаний об этом в летописях быть не могло в эпоху общехристианских походов на мусульман, когда «рекламировать» контакты с ними было нежелательно. Именно в эти годы (1106–1108) игумен Даниил посетил короля Иерусалимского Балдуина I, был ласково принят им, поставил в храме Гроба Господнего свечу за «всю Русскую землю». Б.А. Рыбаков даже называл вышеупомянутые походы в Степь «крестовыми», сравнивая их с походами в Палестину и Сирию.

О возможном составе сельского зависимого населения свидетельствуют различные составные части и редакции «Русской Прав-

ды». Прежде всего, это «ролейные холопы», купленные или иным способом приобретенные рабы, занимавшиеся обработкой земли.

«Похолопливание» за долги и иные «прегрешения» перед хозяевами временно зависимых работников – закупов, рядовичей, наймитов, изгоев – стало, вероятно, на рубеже XI–XII вв. основным источником пополнения категории зависимого населения частновладельческих сел. Владимир Мономах в «Уставе» ограничил эти возможности – как из-за социального протеста (восстание 1113 г.), так, возможно, и по меркантильно-фискальным соображениям (сокращение количества «налогоплательщиков», ибо холопы таковыми уже не являлись).

В связи с такими ограничениями в боярских селах могли использоваться вольнонаемные работники (наймиты, возможно, изгой), временно зависимые (закупы, рядовичи), рабы наследственные, купленные или ставшие таковыми добровольно (продавшие себя) или за долги (в случае нарушения долговых обязательств даже с учетом сокращения таковых в соответствие с «Уставом» 1113 г.).

Третьим источником продолжали оставаться «полоняники». Но теперь это не бывшие кочевники, а, как показывает сочетание данных письменных источников (не только русских, но и немецких и польских), археологии и топонимики, выходцы из Прибалтики: галинды, «литва», латгалы, ятвяги. Они были привычны к тяжелому труду земледельцев и, будучи пленными, не имели по «варварскому» обычаю никаких прав. Милостью было уже то, что их не убили в качестве жертв богам. С другой стороны, для начала XIII в. это могли быть и те жители Прибалтики (прежде всего, Латгалии), которые предпочли спастись на Руси от немецкой агрессии. Обо всем этом свидетельствуют как топонимы сел Подесенья (Голяжье, Голешовка, Глаженка, Глажево; впрочем, есть и иные версии их появления), так и находки украшений XI в. из Прибалтики в княжеских загородных резиденциях (Кветунь), а в XII–XIII вв. – и в княжеских, и в боярских селах (Яковск, Любожичи) Трубчевской волости.

Их появление связано с пленением литовцев как в ходе их походов на Русь, в т.ч. даже в Черниговскую землю (в 1263 г. кон-

кретно в Подесенье, под Брянск), так и в целенаправленных походах русских князей в Прибалтику с целью угона населения.

В целом формирование зависимого сельскохозяйственного населения частновладельческих поселений Руси конца XI – XII в. носило многофакторный, гетерогенный характер, что полностью соответствовало многоукладности и товарному, «монетарному», характеру ее экономики в это время. Внешние источники пополнения населения играли при этом немаловажную роль, особенно с учетом социальной и юридической ограниченности внутренних (в эпоху «феодальной раздробленности» – внутрикняжеских) демографических ресурсов.

М.Б. Свердлов¹

**Соседская сельская община на Руси X–XII вв.,
ее земельная собственность, платежи и повинности**

Изучение сельской общины на Руси X–XII вв. возможно только при комплексном анализе археологических, а также письменных, нарративных и юридических, источников.

Как доказал И.И. Ляпушкин еще в 1950–1960-е гг. на основании системных археологических исследований сельских поселений, у восточных славян к концу IX в. определяющим типом семейной организации стала малая семья, что предопределило формирование в это время соседской общины как основного вида. Об этом свидетельствуют комплексы небольших по площади домов (12–20 кв. м.) и прилегающих к ним хозяйственных сооружений (погребов, зерновые ямы, кладовки и т. п.), а также находящийся в этих комплексах хозяйственный и бытовой инвентарь.

Основные виды хозяйствования таких восточнославянских соседских общин – пашенное земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, бортничество. Женщины занимались также прядением, ткачеством, мужчины – изготовлением изделий из дерева и кости, земледельческих орудий, транспортных средств (телеги,

¹ *Свердлов Михаил Борисович*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, sverdlovmb@mail.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

лодки). Коллективное производство, хранение и потребление продуктов земледелия не прослеживаются. Обращает на себя внимание различие состава зерновых культур на Новотроицком городище на р. Псел, которое погибло в результате неожиданного нападения печенегов в конце IX в. Оно, хотя и разграбленное нападавшими, было впоследствии полностью раскопано и изучено и является ценным историческим источником. В его обособленных четырех жилищах найдена из зерновых хлебных культур только пшеница, тогда как в одном жилище и двух хозяйственных сооружениях – только рожь, что может указывать на различия хозяйственных предпочтений их владельцев. На некоторых сельских поселениях этого времени существовали ремесленные мастерские по производству изделий из железа и цветных металлов, бронзы и серебра (ювелирное производство). Восточные дирхемы в таких мастерских переплавлялись в украшения или они становились составной частью женских украшений. Гончарная керамика была как восточнославянского, так и иноземного производства. На сельских поселениях IX–X вв. найдены также предметы неместного производства, восточнославянского и импортного. На основании материалов Новотроицкого городища Ляпушкин пришел к выводу, что большая часть его жителей занималась сельским хозяйством, меньшая – ремеслами (кузнечное, ювелирное дело). Ученый допускал отделение таких ремесленников от системы сельскохозяйственного производства, но предполагал их сельскохозяйственные занятия для домашних нужд.

Формирование к X в. восточнославянской малой семьи и соседской общины как основных видов семейной и общинной организации в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы подразумевает появление в это время неразделенных семей в больших и малодворных селениях при индивидуальной и малосемейной юридической ответственности за правонарушение в соответствии в Правдой Русской. Ее нормы были учтены при составлении русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Это наблюдение подтверждается указанием только индивидуальной юридической ответственности и коллективной правовой ответственности общи-

ны-верви в Краткой Правде Русской (далее – КПР, первая половина – середина XI в.), а также малосемейной ответственности (муж, жена, дети) в Пространной Правде Русской (далее ППР, 10–20-е гг. XII в.; ст. 7, вероятно, к смердам – земледельцам, владельцам хозяйств, могли относиться также правовые нормы ст. 90, 92–95; здесь и далее номера статей указаны по древнейшей Синодально-Троицкой группе списков).

Свобода участия в коллективной («дикий») вире общины-верви (ППР, ст. 8) также свидетельствует о соседском характере сельской общины. На такое ее свойство указывает возможность попадания в зависимость от господина смерда и закупа, которые владели своим хозяйством, но нуждались для его поддержки в купе (деньги или натуральная подмога). Автономное в составе соседской общины ведение хозяйства малой семьи, различия таких семей в структуре их хозяйствования, их свобода участия в «дикий» вире, существование собственного хозяйства у смерда и закупа в составе господского хозяйства позволяют характеризовать древнерусскую общину X–XII вв. как непередельную.

Существование малой семьи в составе общины-верви как автономного семейно-хозяйственного комплекса при индивидуальной и в редких случаях малосемейной юридической ответственности перед государственным законом (Правда Русская) объясняет, почему в Начальном своде (1093–1095) и в Повести временных лет (далее – ПВЛ, 1113–1116), а годы их написания дискутируются, в качестве единицы обложения в X в. указан «дым» – хозяйство малой семьи, а ко времени княжения Святослава отнесен также «плуг» – земля, распаханная одним плугом. Сельское хозяйство малой семьи и индивидуальное положение его владельца учтены в определении социально-правового положения закупа в его отношениях с господином (ППР, ст. 56–62, 64; так называемый «устав о закупках», конец XI – первая треть XII в.). Как владелец малого семейного хозяйства указан смерд в ПВЛ при изложении речи Владимира Мономаха на Долобском княжеском съезде в 1103 г.: «<...> а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смерд, и, приехав, половчин ударить и стрелою, а лошадь его поиметь, а в

село его ехав иметь жену его и дети его и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?» (по Лаврентьевскому списку ПВЛ; текст приведен в упрощенной транскрипции).

Государственные подати свободного сельского населения заключались со второй половины IX – начала X в. в ежегодной фиксированной подати «подымного» от хозяйства малой семьи, а позднее, вероятно, с XI в., от плуга или сохи – единицы пахотной земли. Его повинности – воинская и/или мобилизация лошадей смердов, а также «повоз» княжих людей по сухопутным и речным путям.

В.Д. Назаров¹

К истории светской вотчины «первой генерации» в Северо-Восточной Руси

Под светской вотчиной «первой генерации» мы понимаем вотчинную форму земельной собственности представителей привилегированных групп общества, военнотружеников прежде всего. Она была главным видом недвижимости светских лиц в аграрной сфере во второй половине XIV – первой трети XVI в., а затем постепенно утрачивала свои позиции. В годы Смуты начала XVII в. она модифицировалась в «выслуженную» вотчину, соединившую традиционные правовые нормы с новациями.

Объект исследования – светская вотчина Северо-Восточной Руси в середине XV – первой четверти XVI в. (вотчина в Новгороде и Пскове требуют особого рассмотрения). Это определяется уцелевшими источниками и результатами предшествующих исследований. Серийные публикации актов в 1940-х – 1960-х гг., издания последующего времени ввели почти полностью в научный оборот документы по 1505 г. и значительную часть источников за XVI в. Выводы малоутешительны. Во-первых, подавляющая часть

¹ Назаров Владислав Дмитриевич, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, ezis08@gmail.com, Россия, г. Москва.

актов дошла до нас в составе монастырских и иных церковных архивов. Фамильно-родовые комплексы владельческой документации светских лиц уцелели почти исключительно в церковных архивах. Во-вторых, на всю территорию тогдашней России приходится около 2000 актов по 1505 г. Вот почему концепционные построения разных уровней могут быть аргументированы только той или иной суммой примеров.

На сессиях Симпозиума обсуждался ряд вопросов, связанных с историей светской вотчины. Имеем в виду доклады В.Б. Кобрин (1971 г.), В.И. Корецкого (1980 г.), наши выступления (2002 г., 2012 г.). Сохранили исследовательскую актуальность работы по данной проблематике Л.В. Черепнина, Ю.Г. Алексеева, А.И. Копанева, Л.И. Ивиной, С.В. Стрельникова. Но, конечно, первенствующее значение в понимании сложных процессов развития светской вотчины имеют исследования С.Б. Веселовского. Мы постараемся развить и уточнив наблюдения названных ученых.

Золотой век русской пашни пришелся на 1450–1550-е годы. Тогда внутри страны не велись масштабные военные действия, не было и общероссийских эпидемий. Пустоши вытесняются в актах починками, деревнями, селами и слободами. Экономический подъем сопровождался резким демографическим ростом населения, в том числе привилегированных групп. Родословные источники дают возможность сравнительно системно оценить эти процессы. Так, в трех коленах Стародубских Рюриковичей фиксируется около 15 фамилий, а три поколения кн. Ромодановских (от родоначальника кн. Василия Федоровича) насчитывают 26 человек. Еще более впечатляющие цифры дают родословия Ярославских Рюриковичей, кн. Оболенских и других титулованных родов. Не уступала им, если не превосходила, нетитулованная старомосковская знать: Морозовы, 8 фамилий от Федора Кошки, потомки Акинфа Великого, Александра Плещея. Случай Плещеевых особенно интересен. В архиве Троице-Сергиевой обители уцелела владельческая документация более 10 представителей клана. Показательны завещания Андрея и Петра Михайловичей, их брата троицкого инока Ионы, праправнуков А. Плещея.

Акты анализировались С.Б. Веселовским, а затем Ю.Г. Алексеевым. Но необходимы, во-первых, поправки, а во-вторых, новый подход к оценке ряда важных характеристик вотчинных владений. Иноку Ионе к лету 1482 г. принадлежали два села в Московском у., доставшиеся ему от отца. Здесь показательны наличие вотчин у инока общежитийного монастыря. Духовная Андрея Михайловича от августа 1491 г. говорит о семи владельческих комплексах (крупных и средних по размерам) в 4-х уездах (Переяславском, Московском, Дмитровском и Ростовском). Из них два наследственных, один был приданым, а четыре – его купли. К ним прибавим еще семь приобретений не крупных объектов. Итак, наследственные вотчины составляли не более 30% его владений, он же наделил ими четырех сыновей и жену. Уже в поколении внуков А.М. Плещеева его владельческие комплексы пошли в долевым раздел.

В завещании Петр Михайлович (умер в 1517 г., дата духовной – 1510 г.) делит восемь или девять владельческих комплексов в четырех уездах (Переяславском, Московском, Вереysком, Звенигородском) между тремя сыновьями. Только один комплекс был наследственным, еще три он купил у близких родственников. Его купли не ограничивались крупными, он приобретал отдельные деревни, починки и угодья (8 случаев). Кроме того, он менялся с великим князем, получил вотчину и от удельного князя. Раздел комплексов пришелся на время жизни его внуков.

Итак, конфигурация владений братьев была сложной. Родовые земли (в т.ч. приобретенные у родственников) располагались в Московском, Переяславском и отчасти Дмитровском уездах, купли в трех других были связаны с государственно-политическими переменами. Владения братьев в тексте завещаний – целостные совокупности хозяйственно-владельческих комплексов, сложившихся за годы их социальной зрелости. Их приобретательская сверхактивность, диктуемая родовыми традициями и семейными потребностями, была результативной в силу их социального статуса (оба были в думных чинах великих и удельных князей) и значительных материальных возможностей. Эволюция светской вотчины в облике братьев Плещеевых динамична, но вряд ли неиз-

менно стабильна. Отсутствие права майората (делили примерно равными долями) разрушало целостность сложившихся вотчинных совокупностей в каждом следующем поколении. Наследники вынужденно вновь приступали к делу отцов.

Схожие черты в эволюции вотчин светских лиц фиксируются применительно к разным группам и слоям. Трое или четверо сыновей служилых людей невысокого статуса делят между собой не крупные вотчины (порой с разделом до пахотных полос) в Дмитровском, Московском, Кашинском, Ростовском уездах. Но налицо и приобретательская активность, причем в разных уездах. В принципе схожа с владениями Плещеевых история вотчин кн. И.В. Ромодановского, принадлежавшего к верхам общества. Князь пережил двух своих сыновей и свои весьма обширные владения поделил между близкими родственникам (более 10 чел., 3 больших родовых села) и снохой (одно село). Купли же кн. Ивана в Коломенском у. (большое село и сельцо с деревнями) и Московском у. (два сельца) отдавались в московский Богоявленский монастырь. Итак, налицо владения в трех уездах, сочетание наследственных, а они преобладали, и купленных вотчин (в т.ч. в родовых землях), приобретательская активность и разрушение сложившейся целостной совокупности хозяйственно-владельческих комплексов. В XVI в. никто из Ромодановских не отмечен в крупных вотчинниках.

Показательную параллель динамике оборота вотчин дают практики великих князей и их жен – неустанными приобретениями именно отдельных хозяйственно-владельческих комплексов на территориях собственно Московского великого княжения, домена великокняжеского стола во Владимире (включая сместные владения с Великим Новгородом) и даже на землях иных стольных княжеств. Особенно активными были, к примеру, Василий I и его супруга Софья Витовтовна. Во второй половине XV в. на смену пришли иные процессы.

Традиционное право родового выкупа способствовало большей стабильности хозяйственно-владельческих комплексов в семейно-родовом формате. Но нормы этого права были отнюдь не идентичны в разных княжествах и регионах (прежде всего сроки

выкупных операций). А главное, в практике вотчинного оборота складывались и превращались в традиционные эффективные ограничения права родового выкупа.

Вообще государственно-политические и социальные факторы были нередко первенствующими в определении темпов и региональных особенностей в развитии светской вотчины. Границы стольных и удельных княжеств в XIV–XV вв. во многом определяли пределы земельной экспансии «инокняжцев». В правление Ивана III эти процессы получили правовое оформление по целому ряду направлений: запрет на любые операции с землей для «иногогородцев» на сельских территориях в шести городах; обособление родовых вотчин служивых князей («кланово-территориального» типа) в большинстве княжеских домов Рюриковичей от нетитулованных вотчинников того же региона и с запретом или ограничением земельных операций с такими владениями для «инокняжцев» и церковных корпораций; становление дворцового землевладения на базе территорий путей, подклетных сел, предшествующих приобретений и части конфискованных при ликвидации «стольных» княжеств домениальных земель. К рубежу XV–XVI вв. в процессах развития светской вотчины стали накапливаться критические явления, связанные с земельным обеспечением военной службы основной массы рядовых уездных детей боярских и с контролем великокняжеской власти за оборотом вотчин. В свою очередь это привело к возникновению поместного землевладения как системы, восходящей к предшествующим формам условной поземельной собственности.

А.В. Кузьмин¹

Судьба поместья в Верхнем Поднепровье в XV – первой четверти XVI в.

В отечественной историографии традиционно изучаются общие проблемы эволюции и развития поместной системы. При этом

¹ *Кузьмин Андрей Валентинович*, кандидат исторических наук, Государственный академический университета гуманитарных наук (ГАУГН), kuzmin_av73@mail.ru, Россия, г. Москва.

большое внимание уделяется истории, темпам роста и дробления поместий конца XV – начала XVIII в. в сравнении с вотчинами светских землевладельцев по отдельным уездам и регионам Русского государства (далее – РГ). Поместье упоминается в актах с 1482 г. Оно несколько древнее, чем производный от поместья термин помещик.

Становление поместной системы в РГ в конце XV – первой половине XVI в. часто рассматривается на примере коренной смены вотчинного землевладения – ведущей формы собственности в северо-западных регионах страны (прежде всего, в Новгородской и Псковской землях), а в менее радикальных масштабах – в верхневолжских уездах РГ (Тверском, Ярославском и Нижегородском).

Анализ сохранившихся источников указывает на неравномерность формирования поместной системы в центральных уездах РГ (например, в Московском, Дмитровском, Суздальском, Ростовском, Боровском, Муромском и др. уездах) в конце XV в., когда она уже перестала быть чисто новгородским явлением. В Северо-Восточной Руси за счет освоения черных и дворцовых земель были испомещены преимущественно переведенные сюда новгородцы, вятчане и псковичи, выезжие на службу в РГ отдельные лица и группы семей разной степени знатности из Орды и Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Помимо этих разнообразных по составу и численности групп людей вблизи от столицы поместья также получали служилые люди, занятые прежде всего на работе в нарождавшемся бюрократическом аппарате страны и дворцовом хозяйстве.

На примере помещиков первой половины XVI в. Вяземского, Смоленского и Торопецкого уездов установлено, что здесь произошла почти полная замена состава землевладельцев, ранее служивших в ВКЛ. Исключением стали лишь 2% бояр (новых помещиков Вяземского у.), проживавших в этом регионе до его вхождения в РГ. В лучшем случае ряд прежних вотчинников из вяземских и смоленских волостей был испомещен в Медынском у. (его территория до последней четверти XIV в. входила в состав Смоленского великого княжества), а также в уездах Верхнего Поочья.

Почему же так быстро и органично в конце XV – начале XVI в. в Верхнем Поднепровье в составе РГ произошла смена прежних вотчинников на помещиков?

К сожалению, исследователи редко задаются этим вопросом, отмечая лишь целенаправленную политику великих князей Ивана III Васильевича и Василия III Ивановича, стремившихся за счет помещиков утвердить свою власть в новоприсоединенных землях Руси. Известно, что во всех ее регионах, включая Московское великое княжение, еще задолго до появления поместий действовал сложный институт держания – условного землевладения. «Данные и служний земли» нередко фигурируют в источниках, включая и Новгородскую землю, власти которой также привлекали к себе на службу бояр и вольных слуг из других княжений Руси. Однако в отношении русских волостей и земель ВКЛ таких наблюдений пока недостаточно. Известно, что в начале XV в. отсюда в Северо-Восточную Русь попал институт «служебных» (служилых) князей, терявших свои владения при отъезде к другому сюзерену. Эта процедура вскоре распространилась и на удельных князей, впрочем, имевших в XV в. шанс вернуть утраченные отчины и держания иногда даже в полном объеме при обратном возвращении и заключении нового dokonчания со своим «отцом» или «старейшим братом».

Данные Литовской Метрики (далее – ЛМ) позволяют сделать вывод, что не только институт «служебных» князей, но и поместье также было творчески заимствовано правителями Москвы из ВКЛ. По крайней мере, в 1440-е гг. на Смоленщине уже использовался этот термин. Вряд ли это случайно, ибо в Верхнем Поднепровье были многочисленные владения удельных и «служебных» князей ВКЛ, нередко граничившие с порубежными волостями уездов и уделов РГ.

Два случая использования в 1442–1447 гг. термина поместье в ВКЛ есть в книгах, «кому король именья роздал». Этот источник сохранился в составе Третьей книги записей ЛМ (1440–1498) в списке 1597 г. В первом случае, в 1447 г. Мунча по приказу великого князя Казимира IV Ягеллончика и при содействии его писаря Семена Сапеги получил «на отмену под Микитькою Дасуговичомъ боярское поместье; ажъ будеть изгожо – ино дати». В этой

книге ЛМ фигурируют два Мунчи: первый – боярин Мунча Селеменевич (или Мунчиса Леменевич), получивший в 1448 г. от польского короля в держание волость «Ръжавескъ у Смоленску»; второй – также смоленский землевладелец князь Мунча. Осенью 1440–1447 гг. при поддержке фактического регента ВКЛ пана И.А. Гаштольда он получил Давидово «дворище» в Мстиславском княжении, которое было конфисковано после неудачного Смоленского восстания у бежавшего в Москву князя Юрия Лугвеньевича.

Во втором случае отмечается, что между 1442–1447 гг. Тишку Ревячичу дали «поместье, что Сава держал». В Третьей книге записей ЛМ фигурируют всего два Саввы – виленский местич и сокольник. Первый из них в 1440-е гг. еще был жив, а о втором было известно, что Савве ранее давали «сельцо Остапъково», но он «вымер деи без наследька, а соколник же был». Это владение находилось за пределами Смоленщины и вряд ли могло относиться к тем владениям, которые здесь «Сава держал».

Возможно, с деятельностью смольянина Саввы следует связывать «Савино сельцо». В 1440-е гг. это владение и «конюшее» получил Матей Моклокович. До него «Савино сельцо... Вацковиц держал». Известно, что 27 марта 1486 г. в Вильно смоленский боярин Ивашка Савинич за службу получил жеребца, а 21 июля 1486 г. в Троках – «4 копы грошей из мыта смоленьского». Его отец мог быть тем самым Саввой, державшим в Смоленщине поместье, которое между 1442–1447 гг. получил Тишка Ревячич.

Данные источников показывают, что, по крайней мере, в Верхнем Поднепровье поместье появляется еще в 1440-е гг. В это время в ВКЛ использование этого термина еще также редко, как и в Северо-Восточной Руси, в 1490-е гг. Тем не менее, в XV в. на Смоленщине разные виды условного землевладения часто соседствуют с вотчинным. Вслед за Вяземским и Торопецким уездами местная система получает новый импульс развития в 1514/1515 г. Она была органичным явлением для местного населения и связана со «стариной». В отличие от РГ, термин поместье так и не получил широкого развития в ВКЛ, где пошел процесс усиления вотчинного землевладения.

А.Л. Грязнов¹

Трансформация статуса княжеских владений на Белоозере в XIV–XV вв.²

Отсутствие специальных законодательных актов или договоров, регулирующих правовой статус владений Белозерских князей, затрудняет выяснение содержания и направленности трансформации правового статуса княжеских земельных владений на Белоозере в XIV–XVI вв. Исключение составляют указы середины XVI в., в которых Белозерские князья или их владения фигурируют наравне с другими княжескими династиями Северо-Восточной Руси. За ранний период для анализа остаются только сообщения актовых источников, фиксирующих положение дел де факто или же не менее красноречивые умолчания источников.

На общей картине трансформации княжеских уделов в родовое землевладение на Белоозере, рисуемой в историографии (в частности, в трудах А.И. Копанева, В.Б. Кобрин и В.А. Кучкина), не улавливается каких-либо особенностей, характерных именно для этого региона. Возможно, их удастся уловить, если более детально разобрать наличный корпус источников.

Свидетельство, относящее к началу XIV в., содержится в родословной Монастыревых. По легенде основатель рода получил земельные владения на Белоозере в результате покупки у князей Федора и Романа. Они оставались в руках Монастыревых до опричных переселений, и над ними сохранялась юрисдикция князя, правившего на Белоозере.

Возможность продажи представителем белозерской княжеской династии земельного владения в вотчину нетитулованному землевладельцу демонстрирует и купчая новгородского посадника Андреяна Захарынича, купившего у вдовой белозерской княгини Федосьи пустошь на Волоке Славенском.

¹ Грязнов Анатолий Леонидович, НП «Научно-исследовательский центр «Древности», rubicon-2@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00073 «Родовое землевладение Белозерских князей в XV – XVI вв.».

Возможны были и княжеские пожалования своим приближенным или слугам. Во всяком случае, именно с таким актом, скорее всего, связано возникновение вотчины Кормилицыных в Федосьином Городке, неподалеку от резиденции княгини Федосьи. Из духовной Дмитрия Донского следует, что в ее владении находилось не менее пяти волостей. Они располагались в двух разных районах Белозерья. Федосья свободно распоряжалась этими землями, передав одну часть московскому князю, а другую – его жене. Источник прав Федосьи на эти волости находился вне рамок ее взаимоотношений с великокняжеской семьей, а сама она имела право распоряжения этими волостями.

До середины XV в. Белозерские князья получали фамилии по своим владениям-волостям, что свидетельствует о полноте их власти над этими территориями. В двух случаях волости, в которых располагались резиденции соответствующих князей, получили дополнительное название по имени своего владельца (Федосьин Городок, Углеца Константинова).

Распоряжение традиционными княжескими правами (суд и дань) в пределах своих владений находились в руках Карголомских и Кемских. Скорее всего, эти прерогативы были в руках и других ветвей Белозерских князей. В грамотах Карголомских в середине XV в. на земли в Карголоме не было послухов. Затем послухи появляются.

Из-за своего специфического положения в ближайшей округе Старого и Нового Белоозера серьезному давлению на протяжении всего XV в. подвергалось землевладение Карголомских. Уже в начале XV в. часть земель продается, в первой половине века в Карголоме уже есть вотчины мелких землевладельцев, а во второй половине XV в. основной массив земель в пригороде уже принадлежал нетитулованным землевладельцам (в том числе и горожанам), белозерскому удельному князю Михаилу Андреевичу, а затем великим князьям и местным монастырям. Землевладение Карголомских прослеживается в незначительных масштабах, хотя не исключено, что часть их владений не попала в поле зрения источников.

На протяжении XIV–XV вв. крайне мала доля вотчин Белозерских князей, проданных или переданных в монастыри. В XV в. с родовыми землями, да и то в очень незначительных масштабах, расстались только Карголомские. Утрата родового гнезда Белосельскими вряд ли была добровольной и, скорее всего, связана с конфискацией. С начала XVI в., наоборот, прослеживаются заклады, вклады в монастыри, перераспределение владений внутри фамилий или рода Белозерских князей.

В XV в. на территории княжеских отчин было возможно существование владений нетитулованных землевладельцев, а сами эти землевладельцы могли быть не связаны служебными отношениями с соответствующими княжескими фамилиями. Такие вкрапления прослеживаются в Карголоме и Кеме. В юридическом плане княжеские отчины обладали автономией, и жалованные грамоты на владения в этих волостях не выдавались ни при Михаиле Андреевиче, ни при Иване III. Исключение два боярских владения. В грамотах Алеше Внукову на вотчину в Карголоме и Кеме его деревни освобождаются от уплаты рыбного за ловлю в Белом озере, но сами деревни никакого иммунитета не получают. Монастырские деревни в Карголоме также остаются без иммунитетных пожалований, хотя вотчины в других волостях были включены в общую жалованную грамоту Михаила Андреевича и получали индивидуальные грамоты.

В XIV–XV в. в рамках княжеских владений прослеживается два типа земельной собственности. Первый – княжеская «отчина», т.е. наследственное владение, образовавшееся путем дробления уделов XIV в., в котором князь обладал политическими правами («судом и данью») и на территории которого могли располагаться вотчины нетитулованных землевладельцев (как вольных слуг соответствующего князя, так и вассалов других князей). Второй тип землевладения – вотчина, где существовало собственное княжеское хозяйство (обрабатываемое холопами и, скорее всего, свободными крестьянами).

В правление Василия III землевладение первого типа уже не прослеживается. Суд-дань оказываются вне юрисдикции Белозерских князей, а землевладение в границах княжеских волостей ста-

новится гомогенным (вотчин нетитулованных землевладельцев уже нет даже в тех местах, где они существовали в XV в.). Исключение составляет Карголома. Здесь местная княжеская династия пресеклась и в XVI в. структура землевладения была самой пестрой из всех белозерских волостей.

А.А. Фролов¹

**К вопросу о необходимости кодикологического
и палеографического исследования писцовых книг**

Техника кодикологического и палеографического анализа, прочно вошедшая в арсенал отечественных исследователей славяно-русских, греческих и латинских рукописей, до сих пор не получила широкого распространения среди историков, изучающих памятники деловой письменности, в том числе кадастровую документацию и, прежде всего, писцовые книги. Опыт применения этой техники, полученный в начале XX в. А.М. Андрияшевым, до работ С.Н. Кистерева 1990-х и Л.В. Мошковой начала 2000-х гг. почти не был востребован. Часто от специалистов по аграрной истории приходится слышать сомнения в целесообразности тратить в архиве несколько недель на изучение нумерации тетрадей, пагинации, филиграней, почерков книги, если главная ценность ее заключается в сведениях о крестьянском хозяйстве. Трудно дать точный и однозначный ответ на вопрос о целесообразности. Возможно, автору этих строк просто не везло, и ему попадались в основном такие рукописи, для которых подобные исследовательские процедуры оказывались необходимы (каждый раз он стремился избежать их, но тщетно). Но хотелось бы привести ряд примеров из личного опыта, демонстрирующих, насколько существенно может поменяться представление об источнике после его анализа методами кодикологии и палеографии.

Дело под современным шифром: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород, № 6а опубликовано Археографической комиссией в серии «Новгородские писцовые книги» как писцовая книга Ше-

¹ *Фролов Алексей Анатольевич*, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, npkfrolov@gmail.com, Россия, г. Москва.

лонской пятины 1576 г. письма Владимира Матвеевича Безобразова (НПК. Том V). Из этой атрибуции исходили и исследователи аграрной истории Северо-Запада. Один ее лист оказался в архиве СПБИН РАН. Позднее К.В. Барановым был идентифицирован и опубликован другой фрагмент книги В.М. Безобразова, но вопрос о принадлежности его к той же рукописи или к другой редакции той же книги поставлен не был. Исследователи отмечали некоторые лакуны в тексте.

Анализ рукописи позволяет реконструировать первоначальный состав двух книг В.М. Безобразова (буквами обозначены архивные дела: А – РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород, № 6а; Б – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17146; В – Архив СПБИН РАН. Ф. 115. № 901):

Книга I. Порхов и Порховский уезд (без дворцовых сел): А – [утрачены 3–5 листов], 3–29, [утрачен 1 пустой лист], 30–34, [лакуна ок. 300 листов], 117–215, 362, 216–311, [утрачен 1 пустой лист], 312–335, [лакуна 1 лист], 336–357, [утрачено неизвестное число листов], л. 359, [лакуна 1 лист], л. 360, [утрачено неизвестное число листов]. Не установлено положение в тексте л. 361.

Книга II. Новоустроенные дворцовые села Порховского уезда: В, л. 1; А, лл. 37–42, 36, 43–116; [лакуна ок. 32 листов]; Б, лл. 241–296 (с лакуной в протографе между л. 288 и л. 288 об., л. 289 и л. 290), [утрачено неизвестное число листов].

Сделанный в результате вывод о том, что Ркп. 2 Новг. 6а и Ркп. 7 Пом. 17146 – это фрагменты одной рукописи, заставляет задуматься об обстоятельствах и времени ее разделения, в результате которого эти части оказались не просто в разных фондах, а вообще в разных архивах.

Книга письма и меры, хранящаяся в РГАДА в ф. 1209 (оп. 1, кн. 24, чч. I и II), является одним из самых ранних сохранившихся к настоящему времени писцовых описаний Бежецкого Верха. Научная ценность ее во многом определяется тем, что она содержит описание огромного числа пустошей (более 4000), которые предметом описания в более поздних книгах, переписных, уже не являлись. Для выяснения владельческой принадлежности всех объектов и возможной локализации их на карте необхо-

димо иметь уверенность в непрерывности текста, наличии лакун и перебивок. По результатам анализа установлен первоначальный состав книги и утраты в ней:

I:I-VIII (листы разрозненные, представляют собой остатки шести полных тетрадей и двух первых листов тетради 7), I:1-187, I:189-289, II:974, I:290-513, II:977, II:975, II:978, II:976, I:923-945, II:843-881, лакуна 1 лист, II:883-946, I:844-886, II:979-1005, II:947-973, II:1077-1127, I:771-843, I:514-521, I:582-603, лакуна 1 лист, I:604-747, утрачен 1 пустой лист, I:748-770, лакуна 1 лист, II:1006-1076, I:887-922, II:1227-1273, лакуна (тетрадь 162 без первого листа, тетради 163-165 целиком), II:1274-1303, II:1128-1226, утрачен 1 пустой лист, II:1304-1377, лакуна 1 лист, II:1378-1516, лакуна 1 лист, II:1517-1704.

Последний пример – платежная книга Деревской пятины 1543 г. Структура документа состоит из двух базовых элементов. 1) «титульный» владелец (не обязательно владевший землей на момент составления книги), иногда его предшественник(и), оклад в сохах, наличие у него владений в других погостах; 2) сведения о внесенных примете и других сборах (в основном – за хлеб и за оброк), имя уплатившего. Эти два элемента структуры принципиально отличаются друг от друга по способу внесения в рукопись. Первый («окладчик») составлял шаблон документа, подготовленный заранее, второй («приметчик») продолжал текст шаблона в том же абзаце, и это происходило в непосредственной связи с внесением платежей, отражая действие реальных механизмов функционирования этой системы. Распределение текста между этими двумя акторами не универсально, а потому является ценнейшим источником, который позволяет судить о происхождении конкретной информации, включенной в книгу: о наличии льготы на те или иные обжи, истечении ее срока, доступности сведений о поместье из «новых» писцовых книг. Кроме того, выделение в тексте этих двух «ролей» объясняет и многие пометы и записи, сделанные в ходе эксплуатации платежной книги. Поэтому без изучения палеографии и кодикологии источник остается «немым» наполовину.

*Л.Г. Степанова*¹

**Материалы земельных кадастров эпохи Средневековья
и Нового времени о качестве земли и расселении крестьян:
полнота и репрезентативность сведений**²

Дошедшие до нашего времени первые земельные кадастры Российского государства – писцовые книги и материалы Генерального межевания – представляют собой уникальные источники, позволяющие оценить количество и качество земли, являвшейся объектом налогообложения. Земельные кадастры содержат сведения о местоположении и принадлежности земель, их количественные и качественные характеристики, описание природных и хозяйственных особенностей конкретной территории.

Государственный земельный кадастр позволял более рационально использовать земельные ресурсы, поскольку земля являлась одним из важнейших источников государственных доходов. Еще в первых российских кадастрах были заложены основы сравнительной оценки земли, облагающейся налогами. Именно с таким явлением мы сталкиваемся в новгородских писцовых книгах конца XV – начала XVI в., в которых в неявном виде проявляется применение при налогообложении принципа «одабривания» земли. В конце XIX в. принцип бонитировки почв, учитывающий их природные свойства с учетом урожайности сельскохозяйственных культур, стал активно применяться в земском кадастре.

Однако в течение веков изменялись параметры оценки плодородия земли. В свою очередь от плодородия земли зависело и освоение территории, и расселение крестьян. В этом отношении значительный интерес представляют сравнительные характеристики почв, описания которых содержатся в первых земельных ка-

¹ *Степанова Лилия Геннадьевна*, кандидат исторических наук, Краснодарский государственный институт культуры, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Экологические аспекты крестьянского землепользования и освоения окружающей среды по материалам русских земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени», № 16-01-00283.

дастрах. Нами была предпринята попытка оценить на их основе крестьянское землепользование и освоение окружающей среды, в том числе степень вовлеченности в сельскохозяйственный оборот в различные исторические эпохи земель, отличающихся по своему качеству. Для решений поставленной задачи на основании сведений приправочных писцовых книг середины XVI в. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию конца XVIII в. были созданы электронные базы данных о качестве земли по различным уездам Новгородской губернии, территории которых ранее входили в новгородские пятины. В исследовании использовался метод сплошной выборки, когда в базу данных включались сведения о качестве или плодородии земли по мере их встречаемости в источнике. Эти данные были дополнены сведениями, извлеченными из материалов почвенных исследований первых русских почвоведов конца XIX – начала XX в. Благодаря работе с материалами земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени были получены данные о качестве земельных угодий на сопоставимых территориях в окрестностях деревень, судьбу которых удалось проследить на протяжении нескольких веков.

Наиболее полные сведения имеются по Крестецкому уезду. Из приправочных писцовых книг были извлечены данные об оценке качества земли в 89 отдельно описанных поселениях середины XVI в., расположенных в погостах Деревской пятины Новгородской земли. В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию были обнаружены 50 поселений из этого числа. Однако 20 поселений, встречавшихся в приправочных писцовых книгах XVI в, к этому времени стали пустошами. В то же время в материалах почвенных исследований конца XIX – начала XX в. удалось найти сведения о 19 селениях, известных с XVI в.

В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию по Боровичскому уезду было выявлено 101 из 180 поселений XVI в., благодаря чему удалось сопоставить сведения писцового описания и данные межевания. В то же время в силу особенностей полевых исследований, проведенных почвоведом в конце XIX в., мы располагаем сведениями о почве только в окрестностях 19 дере-

вень, судьба которых прослеживается в материалах Генерального межевания. Из этих поселений только две деревни упоминаются в переписных писцовых книгах середины XVI в.

В целом у нас имеются сведения о качестве земли в середине XVI в. в погостах Боровичского, Валдайского и Крестецкого уездов. Однако, даже по соседним уездам Новгородской губернии имеются определенные лакуны, не в полной мере обеспеченными источниками. В первую очередь это связано с плохой сохранностью приправочных писцовых книг, поэтому мы не располагаем в полной мере сведениями о качестве земли во всех погостах. Кроме этого, в некоторых погостах не выделяется качество земли в окрестностях отдельных деревень, что не позволяет выявить особенности плодородия земли на конкретной территории. В то же время, несмотря на плохую сохранность Камеральных и Полных экономических примечаний, Краткие экономические примечания к Генеральному межеванию земель позволяют выявить особенности грунта на конкретных дачах. Свою особенность имеют и материалы полевых исследований русских почвоведов конца XIX – начала XX в. Наиболее ранние материалы являются описаниями почв лишь в окрестностях отдельных деревень, более поздние материалы – результатом совместной работы с земскими статистиками, поэтому представляют собой массовые данные.

Несмотря на разную информативность, материалы земских кадастров предоставляют достаточные данные для изучения качества земли и расселения крестьян, поскольку на микроуровне отдельных поселений позволяют выявить определенные закономерности в ее оценке, проявляющиеся в объективных признаках.

Н.В. Соколова¹

**Полвека на сломе эпох: дворцовые земли
как инструмент «большой политики» (1578–1628)**

В исследовании предпринята попытка проследить полувековую историю дворцовых владений Нижегородского у., выя-

¹ *Соколова Наталья Викторовна*, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН, natalia_sokolova@outlook.com, Россия, г. Москва.

вить этапы раздачи дворцовых земель, оценить влияние этой практики на структуру землевладения в уезде, проанализировать общее и особенности использования данного инструмента в Нижегородском Поволжье. Первый более или менее пространный перечень дворцовых владениях на изучаемой территории может быть составлен на основе сведений «старых книг письма и дозору Петра Бурунова 86-го году», которые использовались в качестве приправочных во время дозора В.Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова 1587/1588 г. В сохранившемся списке дозорных книг Василия Борисова имеется 12 однотипных по структуре записей о том или ином дворцовом селе или группе бортных деревень со ссылкой на предыдущий дозор. Таким образом, все дворцовые комплексы за исключением «бортников заволжских» и «мордовских сел» существовали, как минимум, десятилетием ранее.

В опубликованной С.К. Богоявленским «Росписи Новгородские четверти всяким делам, которые остались после пожару, как во 134 году мая в 3 день в Кремле городе горели приказы...» зафиксирован «Список с нижегородских с писцовых книг села Покровского и мордовских деревень Василья Борисова 96 году за приписью дьяка Василья Семенова, в коже». Нет сомнений, что это ни что иное, как единственный известный список дозорных книг из РГАДА (с ошибкой в названии с. Поповское). Следующую позицию в описи занимает «Список с книг Василья ж Борисова села Павлова 96 году за его ж Васильевою приписью», в котором можно угадать другую часть тех же дозорных книг. Некоторые наблюдения об употреблении выражений «павловские села» и «березопольские села» в актах 1560-х гг., анализ нижегородских приходных книг 1607/1608 и 1611/1612 гг., дозорных книг С.И. Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева (1613/1614 г.) позволили предложить реконструкцию состава и структуры «дворцовой» части дозорных книг 1587/1588 г.

Важнейшими источниками являются также кадастровые документы 1620-х гг.: подлинные писцовые книги Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова; списки описания той

же комиссией нижегородских дворцовых земель, выявленные автором; подлинные окладные книги писцов от 9 ноября 1627 г. В работе использованы акты (главным образом, жалованные грамоты на вотчины), делопроизводственная документация (указные памяти, отписки, челобитные, судные списки и др.); хозяйственные книги учетно-статического и учетно-динамического характера (приходные книги, сметные списки, окладные росписи, записные книги Печатного приказа, пошленные и беспошленные, и др.); картографические материалы XVIII в. Верхняя хронологическая граница исследования определена датой приходных книг (1628/1629 г.), позволяющих установить дальнейшую судьбу «перехожих четвертей», выявленных писцами в поместьях и вотчинах на бывших дворцовых землях и отписанных «на государя».

Наиболее ранним упоминанием в качестве частновладельческого дворцового комплекса, известного по дозорным книгам 1577/1578 г., является запись под 26 июля в нижегородской приходной книге 1607/1608 г. о сборе налогов «Ивана Михайловича Воротынсково с вотчины села Княинина з деревнями». Вопреки господствующему в историографии представлению, в первые годы правления Михаила Федоровича в поместные раздачи шли дворцовые земли как Закудемского, так и Березопольского стана. Так, согласно приходным книгам Нижегородской четверти 1614/1615 г., деньги собирались «с помесных же земель, что были прежде сего в дворцовых селех, с села Шахманова да с села Слободцкого» (оба – в Закудемском стане). Кузьме Минину были пожалованы в поместье два березопольских села – Богородское и Ворсма; позднее одно из них стало вотчинной (1615 г.) и принадлежало его сыну Нефеду, а второе – было передано, также в поместье, И.Б. Черкасскому. Прежде всего в раздачу шли села, в которых уже существовало развитое земледелие (в том числе – все посопные села дозора 1587/1588 г.). Бортные села и деревни начинают активно вовлекаться в этот процесс чуть позднее. Дробление ранее единых дворцовых комплексов прослеживается как в «бортных», так и в «посопных» владениях (Лукинская соха, села Поповское, Вельдеманово, Шахманово, Сосновское, Давыдово).

Поместья, полученные из дворцовых владений, нередко обращались в выслуженные вотчины. Подобная практика в Нижегородском у. становится массовой примерно с середины 1619 г. Следует подчеркнуть, что в таких случаях не всегда удастся точно датировать выход земель из ведения дворцового ведомства, поскольку это событие как бы «перекрывается» обретением ими вотчинного статуса (в представлениях современников, и, как следствие, в источниках). При этом «в вотчину» могла быть пожалована лишь часть поместной земли. Исследование не подтверждает – за отдельными исключениями – тезис о формировании в уезде в рассматриваемый период действительно крупного вотчинного землевладения за счет раздачи дворцовых земель.

Состав владений, оставшихся к 1620/1621 г. дворцовыми, можно установить по приходной книге Новгородской четверти: «А на нынешней на 129-й год Нижегородцково уезда з государева з дворцового села Павлова и с павловских и с мордовских деревень... помечено взяти...». Впрочем, уже в сметном списке 1623/1624 г. хозяйственный комплекс, состоявший из села Павлова и «павловских деревень», назван вотчиной И.Б. Черкасского. Это было наиболее существенное изменение в составе дворцовых владений в период проведения писцового описания 1620-х гг., после которого «старые» дворцовые владения дозорных книг Василия Борисова сохранялись лишь на землях «мордовских сел». Последние, в основной своей массе, не были затронуты раздачами ни при Василии Шуйском, ни в начале правления Михаила Федоровича. Во второй половине 1610-х гг. изменился статус лишь села Пумра и двух деревень, описанных в дозоре 1587/1588 г. как «мордва Синбилейская». Дворцовые земли Нижегородского у. были описаны той же писцовой комиссией Дмитрия Лодыгина.

Закрепление в кадастре новой структуры землевладения в Нижегородском у. сопровождалось некоторыми коррективами персонального состава владельцев сел и деревень, ранее бывших дворцовыми, – например, при наследовании (А.И. Воротынский, Б.И. и И.И. Троекуровы) или при обменах земель. Для изучения истории дворцовых владений такого рода информация (как и ито-

ги проводившегося писцами межевания) имеют значение в том случае, если позднее они вновь окажутся в дворцовом ведомстве – как выморочные (И.А. и И.И. Воротынские) или в результате конфискации (Н.А. Зюзин). По итогам валового письма в базу данных нами внесено/подтверждено 44 имени, включая указанных в источниках наряду с основными владельцами вотчин и поместий их младших братьев или детей.

Второй тренд связан с выявлением писцами «перехожих четвертей», которые либо жаловались царем тому же лицу (в вотчину или в поместье), либо были отписаны «на государя». Последние в Нижегородском у. практически сразу же оказались в раздаче. Приходные книги 1628/1629 г. позволяют установить дальнейшую судьбу всех 15 объектов (за единицу учета принята «запись» в писцовых книгах о «перехожих четвертях» того или иного владельца, взятых «на государя»). Имена 17 служилых «иноземцев» и «немчинов», которым отданы эти земли, внесены в общую базу данных и включены в итоговый анализ состава «получателей» дворцовых земель.

А.И. Акманов, И.З. Фаткуллин¹

Добровольное вхождение башкир в состав Русского государства и решение земельного вопроса во второй половине XVI века

Во второй половине XVI в. произошло добровольное вхождение башкир в состав Русского государства. Представляется важным рассмотрение вопроса об условиях этого союза. Ряд башкирских шежере (родословных) свидетельствует о том, что правительство царя Ивана IV признало необходимым сохранить традиционную систему самоуправления и признало вотчинное право на землю за башкирами. В

¹ Акманов Айтуган Ирекович, доктор исторических наук, Академия наук Республики Башкортостан, aytuganakmanov@gmail.com, Россия, г. Уфа; Фаткуллин Ильгам Зуфарович, кандидат исторических наук, Управление по государственной охране объектов историко-культурного наследия Республики Башкортостан, Fatkullin.I@bashkortostan.ru, Россия, г. Уфа.

свою очередь, башкиры взяли обязательства военной службы по охране юго-восточных границ Русского государства за свой счет и уплаты ясака в царскую казну шкурами пушных зверей и продукцией бортничества. Вышеуказанные договоренности были отражены в текстах царских жалованных грамот.

Важное значение имеют сведения, содержащиеся в коллективном шежере башкир племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян. В нем говорится следующее: «...царь Иван Васильевич обещал повинностями без нашего согласия не причинять башкирскому народу страданий. Составили указную (в смысле: договорную) грамоту, в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию, и чтобы мы, башкирские роды, стали нести искреннюю службу; (согласившись) на эти оговоренные между нами условия, взяв друг у друга подписи, нашу грамоту записали в книгу (дословно тетрадь). Записанная в эту же книгу указная [т.е. договорная] грамота все еще у нас на руках».

Как видно, в тексте шежере говорится о составлении документа (царской грамоты) между башкирами и Русским государством, характеризуется основное содержание предмета переговоров. Далее перечисляются наиболее важные взаимные обязательства и то, что обе стороны обязались без согласия другой стороны, односторонне, не изменять содержание документа (грамоты). Необходимо подчеркнуть, что этот документ подписан обоими участниками переговоров в лице как представителей Русского государства, так и башкирами. Оригиналы текста, по одному экземпляру для хранения, получили официальные участники переговоров – и представители Русского государства, и башкирские послы. В шежере также отмечается, что этот привезенный башкирскими послами документ находится у них на руках. Другими словами, стороны в ходе переговоров заключили по существу договор о взаимоотношениях между Русским государством и башкирами, хотя по форме он назван жалованной грамотой русского царя башкирам.

В условиях середины XVI в. в тяжелом положении находились не только политически раздробленные башкиры, но и Рос-

сийское государство, в котором еще шел процесс укрепления центральной власти и сложились непростые отношения с соседними странами. В этой ситуации русское правительство ради мирного присоединения страны башкир с богатыми природными и земельными ресурсами решилось на беспрецедентные взаимоотношения с последними, согласилось предоставить им в составе своего государства автономию и пошло на заключение договора с ними.

Таким образом, содержание жалованных грамот царя Ивана IV для башкир фактически является договорами между русским правительством и жителями обширного края. В последующее время руководители страны в лице царей, императоров XVII–XIX вв. неоднократно подтверждали основные условия вхождения башкир в состав Русского государства. Таким образом, башкиры во второй половине XVI в. добровольно и на договорной основе приняли русское подданство.

С.С. Кутаков¹

**Крупные села как хозяйственно-экономические центры
сельских территорий в XVI–XVII вв.
(на примере Тверского уезда)²**

Материалы писцовых описаний XVI–XVII вв. характеризуют несколько типов населенных пунктов: села, сельца, деревни, починки. Села – основные наиболее крупные владельческие центры, вокруг которых сосредотачивались более мелкие сельские поселения – деревни и починки, а также угодья и пустоши. В настоящем исследовании использованы писцовые описания Тверского уезда 1539/40 г., 1580 г. (опубликованные), 1626 г. и 1677/78 г. (неопубликованные).

Населенные пункты различных типов и их дворность рассматривались на примере писцовых материалов Тверского уезда XVI в.

¹ Кутаков Сергей Сергеевич, старший научный сотрудник, Старицкий краеведческий музей, k_sergei_s@mail.ru, Россия, г. Старица.

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-31-01074 «Историческая география феодального землевладения в Тверском уезде XVI века»).

И.И. Лаппо, Н.Н. Ворониным. А.Я. Дегтяревым была прослежена динамика расселения в Тверском уезде XVI–XVII вв.

Писцовые описания позволяют определить размеры сел в Тверском уезде в XVI и XVII вв. Подсчет числа дворов показывает, что это населенные пункты размерами от 2 до 95 дворов. Среди них можно выделить категорию крупных сел. Для первой половины XVI в. это села, число дворов в которых составляет от 15 до 41 (насчитывается 5 таких сел). В писцовой книге владений великого князя Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде 1580 г. к категории крупных можно отнести села с числом дворов от 40 до 91 (всего 7 сел). В 1620-х гг. в Тверском уезде насчитывалось примерно 8 крупных сел размерами от 15 до 45 дворов. Во второй половине XVII в. насчитывалось около 10 крупных сел, насчитывавших от 40 до 65 дворов.

Таким образом, крупные села – это относительно немногочисленная категория населенных пунктов, численность дворов в которых имела максимальные значения во второй половине XVI и во второй половине XVII в. Они отличаются от остальных населенных пунктов небольшого размера, прежде всего, помимо пашенных крестьянских дворов наличием и непашенных дворов, в которых проживали ремесленники. Так, в с. Княж Владимирово Городище во второй половине XVI в. имелись дворы кузнецов, епанечников, смычника, овчинников, портного мастера. В с. Лотошино в этот же период имелись дворы кузнецов и портных, сапожника и т.д. В с. Новое Константиново во второй половине XVI в. находилась хатмовная слобода, перенесенная в Москву в начале XVII в.

Крупные села являлись также центрами промыслового хозяйства. Так, в с. Городня по данным описания 1677/78 г. располагался «рыбный сад» и дворы «рыбных ловцов». Писцовые материалы свидетельствуют и о разведении садов. Так, в с. Княж Владимирово Городище во второй половине XVI в. существовал фруктовый сад. Отдельные крупные села являлись центрами торговли. Так, в с. Княж Владимирово Городище был торг, состоявший из 21 лавки, который функционировал еженедельно.

Среди крупных сел Тверского уезда XVI–XVII вв. выделяется ряд бывших городских поселений и центров Тверской земли

удельного периода. К ним относятся с. Городня (Вертязин), с. Княж Владимирово Городище (центр вотчины князя Владимира Андреевича Микулинского во второй половине XV – начале XVI в.), с. Бели (центр тверского владения князей Дорогобужских), с. Микулино городище (центр Микулинского удельного княжества). Некоторые городские центры могли потерять статус города после вхождения в состав Московского государства (с. Княж Владимирово Городище), другие – после разорения в период Смутного времени (Микулино городище, Городня). В то же время, эти населенные пункты сохраняли свое значение крупных торгово-ремесленных центров. После перехода в категорию дворцовых сел в них сохранялось и промысловое хозяйство, ранее обеспечивавшее удельных князей.

З.В. Дмитриева¹

**Фискальная система Московской Руси:
от посощного к подворному налогообложению²**

Система налогообложения в России, сложившаяся в середине XVI в., эволюционировала под воздействием внешних, внутривнутриполитических и социально-экономических факторов. В начале 1550-х гг. государство осуществило ряд фискальных новаций, определенных Г.В. Абрамовичем как своеобразная податная реформа. Отныне была введена новая единица обложения – большая соха, величина которой зависела от качества земли и социальной принадлежности землевладельца. Составной частью сохи, мелкой единицей обложения и мирской раскладки повинностей на местах, выступала фиксированная обжа (выть), равная, как правило, 10–12 четвертям земли. Введение нормированной большой сохи как единицы обложения было обусловлено потребностями русской армии и необходимостью обеспечения служилых людей земельными

¹ *Дмитриева Зоя Васильевна*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, zvdmitr@rambler.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00066 «Налоги и войны в истории России XVI–XVIII вв.».

угодьями. Согласно Уложению о службе 1555– 1556 гг., с 10 беж (100 четвертей «доброй земли») должен был быть выставлен конный воин в полном вооружении. Введение нормированной сохи не исключало колебаний ее размеров в разных уездах.

«Основным принципом посошного обложения, как и мирского оклада, – по определению С.Б. Веселовского, – была его посильность, посильность в смысле соответствия тягла всем важнейшим обстоятельствам, влиявшим на зажиточность и тяглоспособность людей». «Выявление связи между ними и происходившего с течением времени разрыва» автор считает основным вопросом истории сошного письма (Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. С. 357, 362).

Более ста лет тяглое население платило с сохи основные прямые налоги. Вместе с тем, уже со второй половины XVI в. «полоняничные деньги» (полоняникам на окуп, немцам на корм) собирали подворно, а в XVII в. этот вид налога вносили не только тяглецы, но другие категории населения (бобыли, монастырские люди (слути, служебники, мастеровые), священники, церковные причетники и пр.).

В 1570-х гг., в условиях кризиса, проявившегося в запустении больших массивов ранее обрабатываемых земель и резком сокращении численности тяглового населения, московские власти с целью облегчения налогового пресса пошли на исключение пустых земель из сошного обложения и обеление господской пашни. Итогом этих мероприятий стало заметное «оживление» заброшенных земель и стабилизация экономического состояния населения.

Смута начала XVII в. нанесла значительный урон не только экономическому и демографическому развитию общества, но и системе налогообложения. На «воеванных» территориях происходило дальнейшее сокращение площадей обрабатываемой земли и измельчание крестьянских тяглых наделов, а, следовательно, и объемов собранных налогов. Польско-литовские и казачьи отряды ограбили и разорили население центральных и северо-западных уездов, а после 1613 г. – города, села, деревни и монастыри Русского Севера.

На северо-западе в новгородских пятинах в условиях постоянного разорения крестьянского и городского населения «бродячими» литовскими и казачьими отрядами шведские оккупационные власти в 1611–1617 гг. пытались на основе московской системы налогообложения собирать налоги, необходимые для содержания армии. В эти годы для выявления реального положения в регионе проводились переписи (дозоры), в которых активное участие принимала мирская община. Сокращение крестьянских наделов и общей площади тяглой земли, равное распределение тягла происходило по инициативе мира. Как явствует из сохранившихся дозорных книг, тяглые наделы часто составляли менее половины четверти пашни (1/12, 1/24, 1/16, 1/24, 1/32 обжи). Власти, учитывая степень разорения в деревнях и стремясь «полюготить» отдельных помещиков, начинают разрушать поземельно-посошную систему обложения и класть на обжу не 10 четвертей земли, а 20 и более крестьянских дворов. В Заонежских погостах во время шведской оккупации большая часть пашенных земель была переведена на оброк, размер которого был значительно ниже тяглых платежей. На этих же землях впоследствии введена «живущая выть», при расчетах которой также отдельно учитывали выти «за указным числом».

В 1620–1630-е гг. государство идет на снижение налогового пресса и вводит новую единицу взимания платежей – «живущую четь». Сохранив соху как единицу налогообложения (на помещечно-вотчинных землях), был изменен принцип определения ее размера: отныне в соху клали не количество обрабатываемой земли, а число крестьянских и бобыльских дворов, что привело к резкому уменьшению числа сох. Это новшество не было переходом от посошного к подворному обложению, но изменив систему в ее основе, сделало процесс отказа от поземельного обложения необратимым. Эту соху можно назвать как подворно-посошную.

До перехода к подворному обложению (1670-е гг.) с сохи взимали «стрелецкий хлеб», с «живущей чети» – стрелецкие и ямские деньги. На жалованье служилым людям деньги также могли брать с «живущей чети», а в годы русско-польской войны (1654–1667) –

с дворов (крестьян и бобылей). В начале правления Михаила Федоровича даточных людей брали с сохи, а в 1650–1660-е гг. крестьянский мир собирал деньги и довольствие на содержание даточных людей с определенного числа дворов.

Как видим, на протяжении почти двух столетий московские власти искали пути эффективного пополнения казны, но были вынуждены учитывать противодействие крестьянской и посадской общин сборам налогов в полном объеме. Таким образом, посильность несения государева тягла была важнейшим рычагом регулирования налогово-финансовых отношений. Принципиальные изменения (введение подворного, затем подушного обложения) произошли после Соборного уложения 1649 г. и прикрепления населения к государеву тяглу.

А.Я. Дегтярев¹

**Альбом Мейерберга как свидетельство эволюции
податной системы России в XVII веке**

История податной системы средневековой России давно и основательно изучается в отечественной историографии. Можно констатировать, что ее эволюция достаточно полно изучена во многих конкретных проявлениях, однако имеется немало расхождений в концептуальных оценках этого важнейшего государственного института.

Государственное наследие Ивана III присутствует в России до сих пор, и в лице самого российского государства, конечно, не разменявшего свои формы, и даже в образе государственного герба. Иной была судьба учрежденной им податной системы Русского централизованного государства. На рубеже 80-х годов XV в. он спрашивал у обитателей присоединенных к Москве новгородских земель – «Что такое обжа?». Термин был неизвестен в московской округе, и новгородцы доходчиво объяснили великому князю: «Обжа, это когда один человек на одной лошади пашет». Этот по-

¹ Дегтярев Александр Якимович, доктор исторических наук, советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, AYDegtyarev@senat.gov.ru, Россия, г. Москва.

земельный принцип, определяемый производительной возможностью однолошадного крестьянского хозяйства, был положен в основу обложения (в других землях его обозначала знаменитая «выть») и довольно долго, как и многие иные новации великого князя, исправно работал в государственной системе.

Разрушение системы поземельного обложения началось во время кризиса второй половины XVI века. Чудовищное запустение земель (до 80–90% во многих регионах страны), с которых власть тем не менее стремилась получить прежние платежи, не могло продолжаться бесконечно. В новгородских землях облагаемые крестьянские наделы за два-три десятилетия стремительно уменьшились до 1/8, 1/16, 1/32, 1/64 и даже рекордной 1/128 обжи. То есть теоретически на нормальном для середины века наделе теперь виртуально умещались десятки хозяйств. Главным инструментом уменьшения облагаемых наделов являлись крестьянские переходы с больших на все более мелкие облагаемые наделы. Многочисленные свидетельства об этом, причем с указанием причин, рассыпаны в переписных книгах: «Крестьяне разбрелись от государева тягла, от городского дела и хлебного недороду» (Шелонская пятина, 1588 год).

В этих условиях власть обратилась к поиску экстренных мер. Главной из них стало введение в середине 80-х гг. злосчастных для русского крестьянства «заповедных лет». Запрет переходов должен был по мысли законодателя остановить стремительный процесс уменьшения облагаемой податями земли. Однако желаемый результат достигнут не был. Поземельная система обложения быстро шла к вырождению, которое окончательно состоялось в годы Смуты.

Введение в 1620 г. «живущей чети» явилось по сути паллиативным соглашением между государством и землевладельцами. Власть согласилась с тем, что в условиях тотальной разрухи нельзя уничтожать последнее, заставляя подданных платить с пустующих земель. Правда, при этом она тут же попыталась взять свое за счет конкретных норм «живущей чети» в разных районах страны. По первым указам диапазон норм «живущей чети» составлял (для

поместных земель) от 2 крестьянских и 2 бобыльских до 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов на четь. После этого началось многолетнее «перетягивание каната». И землевладельцы, и крестьянство активно выступали против тяжелых окладов первых разрядов «чети» и, в конечном счете, добились отмены первых шести ее разрядов. Остались для поместных земель всех регионов два «щадающих» разряда – 7-й и 8-й: 8 крестьянских и 4 бобыльских двора (VII разряд) и 12 крестьянских и 8 бобыльских (VIII разряд). Таким образом, землевладельцы в начале 1630-х гг. добились серьезных уступок в понижении размеров обложения своих владений. Естественно, что такое облегчение сказалось и на положении зависимого населения.

Довольно скоро обнаружилось, что изобретенная правительством «живущая четь» несет в себе не только тот смысл и содержание, который вложил в нее законодатель. Она начала жить еще и особой внутренней жизнью, главной целью которой оставалось естественное стремление всячески снижать налоги.

Центральным вопросом в этой борьбе стало толкование понятия «двор». Вводя «четь» власть подразумевала существующий состав и структуру крестьянского двора. Но «четь» стала активно развиваться и деформировать ее. Резко сократилось отделение новых хозяйств от семейных очагов – «от отцов детей и от дядь племянников», бывшее ведущей формой освоения территорий и развития сетей расселения в первой половине XVI в. Теперь постройки новых хозяйств – взрослых женатых сыновей, племянников, наймитов и т.п. вплотную примыкают к старым, формально обозначая одно дворовое хозяйство. Такое изменение структуры крестьянского двора было скоро осознано властью. Теперь у писцов появилась новая обязанность – анализировать, что представляет из себя каждый крестьянский двор, поскольку за формально соблюденной нормой «чети» могло скрываться ее двойное-тройное наполнение. В переписи 1678 г. встречаются частые замечания писцов о разделении таких конгломератов на несколько самостоятельных дворов хозяйств: «...да в том же дворе записаны с ним, Яшкой, крестьяне ... а жи-

вут оне в особых избах, а не с ним, Яшкою, вместе. А по осмотру пригорожены дворы их ныне вновь» (ЦГАДА. Ф. 1209. К. № 8570. Л. 368 (об)).

Внутреннее усложнение структуры крестьянского двора имело, с одной стороны, естественный характер вследствие оставления «за одними воротами» молодых семей, но, с другой стороны, часто и искусственное происхождение посредством пригораживания соседей и размещением построек неродственников за одними воротами. Это самым серьезным образом меняло структуру двора и типа расселения. А большая инерционность форм расселения обозначила для жизни этой новации довольно длительную перспективу. Такая скученность несла и новые проблемы. При пожарах такие конгломераты выгорали полностью, а в случае эпидемий их обитатели подвергались гораздо большей опасности, нежели при рассредоточенном расселении.

Насколько масштабен был процесс очерченного перестроения русской деревни? Весьма ярким его свидетельством, являются материалы одного из самых замечательных иностранных свидетельств о позднесредневековой России – альбома Мейерберга, составленного в 1661–1662 гг.

По крайней мере 20 рисунков альбома, относящихся к новгородским и тверским землям, которые мы хотим представить и, разумеется, прокомментировать участникам симпозиума (в связи со строгими требованиями к форме тезисов их копии не могут быть предъявлены), на наш взгляд, убедительно свидетельствуют, что очерченное выше явление в годы путешествия Мейерберга имело повсеместный и масштабный характер. Уязвимость подворной системы обложения со всей очевидностью начала развиваться сразу со времени появления «живущей чети», а ко времени окончательного утверждения принципа подворного обложения в 1679 г. уже имела вполне сложившийся характер. Именно поэтому идеи отказа от него начали бродить во властных кругах уже во времена царевны Софьи и в конце концов привели к рождению подушной подати.

Д.А. Хитров¹

**Изучение писцовых и переписных книг
Московского государства на сессиях
Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы**

Не нуждается в доказательствах мысль, что писцовые и переписные книги являются ключевыми источниками для аграрной истории России XVI–XVII вв. Характер имеющейся источниковой базы таков, что изучение вопросов численности населения, его состава, истории землевладения и землепользования эпохи Московского государства практически невозможно без обращения к ним. Кроме того, для XVII в. ученые располагают цельными комплексами описаний, охватывающих всю территорию страны и достаточно хорошо сохранившимися, что дает возможность для изучения процессов аграрной истории в динамике. Вместе с тем объем и внутреннее единство этих документальных комплексов требовали координации усилий многих специалистов, а следовательно – существования общей площадки, в рамках которой обсуждались бы подходы к работе и ее результаты.

Такой площадкой, вполне закономерно, с самого своего основания стал Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, и в его материалах находится подавляющее большинство заметных исследовательских проектов за более чем полстолетия. В частности, на каждой сессии было по несколько докладов, так или иначе связанных с использованием данных писцового делопроизводства. Их систематический обзор представляет, таким образом, значительный историографический интерес.

В 60-летней истории Симпозиума ясно выделяются несколько этапов. На первом из них (1959–1971) он собирался ежегодно, итоги сессий подводились во влиятельном издании «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Советская наука этого времени переживала подъем, число исследований и их общий уровень сильно выросли, а изучение проблем социально-экономической истории от-

¹ *Хитров Дмитрий Алексеевич*, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, dkhitr@yandex.ru, Россия, г. Москва.

носились к числу приоритетных. Симпозиум в это время был широким межреспубликанским форумом, большинство сессий были проведены за пределами РСФСР, однако число работ, использовавших писцовые материалы, было значительным. В то же время базовая парадигма советской науки, фокусирующая внимание на противоречиях общественного развития, а не на достигаемых в его ходе результатах, ставила в центр внимания такие проблемы, как история крепостнического режима, земельной ренты (В.И. Корецкий, Н.А. Бакланова, Ю.А. Тихонов, И.М. Складар, А.Я. Дегтярев), социального расслоения (Я.Е. Водарский, А.Л. Шапиро, Р.Б. Мюллер, Л.Г. Дубинская), формы протеста. Большое внимание уделялось также вопросам истории урожайности, определению общей продуктивности сельского хозяйства (Н.А. Горская, Л.В. Милов, В.Д. Назаров и Ю.А. Тихонов). С точки зрения этой проблематики данные писцовых книг представляются достаточно бедными, и во многих работах этого времени они находятся на втором плане, дополняя вотчинную документацию и узко специализированные государственные учетные документы (такие, как сыски беглых или отписные книги). Второй заметной группой исследований стали работы по истории окраин, территорий со специфическим землевладением и сложным в национальном и социальном отношении составом населения (Н.Ф. Демидова, В.П. Загоровский, И.Г. Акманов, Е.А. Швецова, Л.Г. Заничева и др.).

На втором этапе (1972–1991) Симпозиум стал собираться один раз в два года, Ежегодник был заменен публикацией Материалов сессий под разными названиями, а тематика сессий формулировалась очень обобщенно. Характерной чертой этого этапа стало обсуждение и публикация рядом ученых серий статей, которые позже легли в основание известных монографий. К ним следует отнести исследования группы ленинградских ученых под руководством А.Л. Шапиро, обсуждавшей в рамках Симпозиума многие проблемные аспекты будущей «Аграрной истории Северо-Запада России»; труды П.А. Колесникова, Я.Е. Водарского, Л.В. Милова и его соавторов (М.Б. Булгаков и И.М. Гарскова), Е.Н. Швейковской, М.С. Черкасовой, З.В. Дмитриевой и других. Обращение исследователей к систематической, с помощью количественных методов разработке писцовой

документации привело к активной дискуссии, призванной уточнить источниковедческие особенности этих документов.

Начиная с 1991 г., когда Симпозиум возглавил Л.В. Милов, сессии снова стали остро проблемными, что позволяло постепенно нащупать общие очертания новых подходов к аграрной истории, пути преодоления кризиса, в котором оказалась историческая наука. Несмотря на сложные условия последнего десятилетия XX в., Л.В. Милов существенно расширил контакты с научными школами в региональных университетах, что позволило сохранить широкий, представительный состав форума в условиях ослабления связей с республиками бывшего СССР. Новым трендом становится обработка больших массивов писцовых книг, разработка электронных карт, сопоставление данных по различным регионам. Эта работа впервые охватывает центральные густонаселенные уезды, причем тематическая направленность секций показала, что статистический подход позволяет пользоваться материалом писцовых книг для решения тех новых вопросов, которые встают перед историками.

В течение последнего десятилетия, когда во главе Оргкомитета встала Е.Н. Швейковская, эти тенденции получили дальнейшее развитие. Есть основания думать, что мы движемся в сторону системного исследования огромных комплексов писцовых и переписных книг как цельных массивов данных, для чего, конечно, необходим соответствующий инструментарий и координация усилий многих ученых и групп, работающих в разных регионах. Роль Симпозиума, как традиционной площадки для взаимодействия историков-аграрников, в этом деле трудно переоценить.

М.С. Черкасова¹

**Сельское духовенство на севере России в контексте
аграрной и социальной истории XVII в.**

В трудах участников аграрного Симпозиума разных поколений (А.Л. Шапино, Л.В. Милов, Е.Н. Швейковская, А.В. Камкин,

¹ Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, Вологодский государственный университета, mscherkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

З.В. Дмитриева, Н.В. Соколова и многие другие) были глубоко разработаны теоретические, типологические, сравнительно-исторические проблемы крестьянской общины на землях различных форм собственности, организации мирского самоуправления, разверстки и взимания налогов. Проблематика общины являлась сквозной на нескольких сессиях Симпозиума: Рижской 1970 г., Гродненской 1972 г., Вологодской 1974 г. Слабее рассмотрены аграрные характеристики сельских священно- и церковнослужителей. Тесно связанные с традиционными крестьянскими сообществами, они одновременно являлись низовым звеном епархиальной организации и белого духовенства. В челобитных, обращенных к общине, они называли себя «сиротами, мирскими убогими скорлennenниками», а к владыкам – «святительскими богомольцами».

Отразилось это и в актах разного происхождения: переходных памятниках от архиереев попам и мирских приговорах-порядках, по которым священники и причетники принимались к храму. Переходными регулировались переходы попов и диаконов «от церкви ко иной», пошлины за них учитывались архиерейскими казначеями. Удалось выявить несколько переходных за конец XVII в. по Великоустюжско-Тотемской епархии. Для более раннего времени о церковных переходах говорится в ст. 88 (О христианском отказе) Судебника 1550 г. «А попу пожилого нет и ходити ему вон безсрочно воля». Включение этой клаузулы в ст. 88 дает основания для сопоставления социально-правового статуса крестьян и сельского духовенства.

Упомянутые в переходных памятниках «отказы» попов и причетников совершались: 1) «по своей воле»; 2) «по указу» архиерея; 3) по требованию общины («за его к нам непослушание/озорничество/непокорство», «он нам не люб»). Вологодские владыки запрещали мирянам без архиерейского указа «от церковью отказывать попов». В устюжских переходных была стандартная фраза «А церковным доходом, хлебным и денежным, и пашенною землею, и санными покосы владеть ему, чем прежней поп/дьякон владел».

Мирские порядные с попами, дьяконами и причетниками составлялись от имени церковного старосты, сотского, целовальни-

ков и «всех того приходу православных крестьян, бобылей и половников от мала до велика». В них поименно перечислялись крестьяне-дворовладельцы, иногда даже с отчеством на –вич и определением «господа». По аналогии с распространенными на севере половничьими порядными, в мирских указывались сроки исполнения причетниками службы (1–3 года, с упоминанием «выходного/выездного», «ряд и выряд – Георгиев день осенний») и виды хозяйственных работ. Это пахота, сев и уборка парового, ярового и озимого полей, раздел «приполонного хлеба («дьячку с попом и его половником пополам»), вывоз ржаной соломы и навоза, «приряд» («в избе новой нутро доспеть во всем своем готовом лесу и затворы, и окна, и двери, и дымник»). Интересны бытовые детали: «трапезнику спать в трапезе, топить ее своими дровами»; «просвирице (были и мужчины-просвирики) хлебы петчи из казенной ржаной и пшенишной муки». Допускалось совмещение должностей: 1) трапезника и пономаря, 2) церковного и земского дьячка; указывался годовой «найм» им от мира (1 руб.).

Помимо полученной от общины «на кормлю» церковной/казенной деревни, попы и причетники имели от крестьян ругу «хто сколько даст, и перепечи, и хлеб» плюс плата за требоисправление («сорокоустные деньги» и прочее). Земельные, натуральные и денежные компоненты в их обеспечении переплетались, постоянны ссылки на старину, в чем отразились нормы обычного права и элементы кормленной системы на уровне церковно-приходской общины.

В рентных взиманиях в архиерейскую казну заметно корпоративное начало: «дань (по данным окладным книгам), казначейские деньги, протопопу с братьею, певчим дьяком и подьяком, и истопником, и подвойским». К этому добавлялись государственные «полонянничные деньги по 8 ден. со двора, да на провоз и на отдачу». В длинных перечнях взиманий (церковных, волостных, государственных) несомненны архаичные элементы: дань и подымные деньги, и всякие архиерейские и великих государей запросы платить и подводы возить, и оброк великих государей с пожни платить в волость по писцовой сотной книге, а на старосте и на приходских людех тех денег не отыскивать». В Вологодской епархии

владычные наместники, тиуны и заказчики при объездах приходов и «заказов» брали с попов и причетников по 1–2 подводы «под себя и людей от храма и до храма, от попа до попа, с санми и с хомуты и проводники». Пошлина за «езд» архиерейских назначенцев составляла 10 ден. с прихода, а с попов-«огурщиков» (так и провинившихся крестьян называли) – по 1 ден. на версту. И если переходы попов на смысловом хотя бы уровне сопоставимы с крестьянскими, то в номенклатуре и порядке выплат слышны отголоски разных эпох – древнерусской, удельной с ее зависимостью от Орды («царевы запросы») и московской.

Тенденция к наследственности статуса причетников отражается в челобитных («прародительство мое искони вечные церковники»). Поп жил у церкви по 20–30 лет, а когда «престарел», просил и общину, и архиерея принять «сынишку своего» в пономари или дьячки. У попов сыновья и племянники «дьячили, пономарили и трапезничали» в том же приходе. Удивительны факты поставления общиной священно- и церковнослужителей, что побуждало наиболее энергичных святителей новообразованных северных епархий (Афанасия Холмогорского, Александра Устюжского) к противодействию подобным нарушениям канонического права. И все же налицо сословная рыхлость сельского духовенства, неполная размежеванность от крестьянства, отмеченная в литературе замедленность сословной консолидации духовенства в допетровской Руси (Б.Н. Флоря, В.Д. Назаров).

Е.В. Камараули¹

**Проблема колонизации южных уездов России в трудах
Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы²**

Обращение к трудам аграрного Симпозиума, сложившегося как научное сообщество ученых из разных регионов Советского и

¹ Камараули Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, kamarauli@bk.ru, Россия, г. Воронеж.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в Воронежском государственном университете, проект № 16-01-00058а.

Российского государства, выявило устойчивый интерес исследователей к региональной проблематике, связанный с характером Симпозиума. Цель настоящей работы – проследить, под каким углом зрения изучались разные аспекты колонизации южных уездов России в опубликованных трудах Симпозиума. В центре внимания оказалась работа научных секций, освещавших периоды Средневековья и раннего Нового времени. Задачей исследования стала попытка рассмотреть, какие сюжеты, связанные с экономическим развитием южных окраин, привлекали внимание историков-аграрников в разные периоды работы Симпозиума, какая проблематика была наиболее востребованной.

В 60-е гг. XX в., в связи с юбилеем отмены крепостного права в России, научные изыскания развивались в русле изучения проблем крепостничества, в частности, в трудах В.И. Корецкого и А.Г. Манькова. Обратившись к материалам южных уездов, исследователи установили, что складывание крепостного права в этом регионе имело специфические черты и особенности. Исследуя на елецких материалах экономическое и правовое положение крестьянства в конце XVI в., В.И. Корецкий пришел к выводу об ускоренном характере закрепощения южного русского крестьянства, предопределившем массовые социальные движения в регионе. А.Г. Маньков уделил основное внимание правительственному законодательству о сыске крестьян, бежавших во второй половине XVII в. из городов Белгородской черты. Было установлено, что в период строительства оборонительной линии (до 1653 г.) потребность в заселении крепостей и формировании гарнизонов вынуждала правительство смягчить законодательство в отношении беглых, игнорируя интересы сообщества землевладельцев. Правительство пересмотрело свою позицию и ужесточило крепостническое законодательство, когда нужда в поспешном заселении городов отпала, а крестьянские побегі на южные рубежи государства приняли организованный и массовый характер.

История утверждения крепостничества на южном пограничье стала важной, но не единственной исследовательской проблемой, получившей развитие на страницах аграрных ежегодников. Колонизационные процессы и формы земледельческого освоения края

надолго привлекли внимание историков. В.И. Корецкий обратил внимание на особую роль перелога как формы земледельческого освоения на юге. Значительный вклад в изучение колонизационных процессов на разных участках Центрального Черноземья внесли историки воронежской и тамбовской школы. В 1960-е гг. в работе Симпозиума участвовал В.П. Загоровский, основатель современной воронежской исследовательской школы. Изучая процесс хозяйственного освоения южного русского «Поля», В.П. Загоровский пришел к выводу о том, что в сочетании государственной и народной колонизации, вольное крестьянское освоение края опережало соответствующие правительственные мероприятия. Ученый уделил внимание разнообразным способам хозяйственного освоения новых земель. В частности, его интересовала такая форма промысловой деятельности как эксплуатация природных богатств края в виде откупных ухажьев, ставшая ведущей формой хозяйственного проникновения на опасное левобережье «воронежского» Дона, где татарская угроза служила большим препятствием для формирования постоянных поселений.

Разные аспекты социально-экономической истории Тамбовского края представлены в трудах участников Симпозиума. В 1960-е гг. Е.А. Швецова, исследуя ход колонизации в Тамбовском уезде и положение крестьянства, наглядно продемонстрировала, как строительство Тамбовской укрепленной черты изменило хозяйственный облик края, сократив объемы промысловой деятельности, охоты и бортничества и создав возможности для земледельческого освоения в уезде.

Постоянными участниками сессий Симпозиума стали представители тамбовской научной школы Ю.А. Мизис, В.В. Канищев и др. На рубеже 1980–1990-х гг. в центре внимания аграрников оказываются явления, связанные с формированием общероссийского рынка. Региональные исследования были нацелены на выявление местных особенностей, специфики втягивания регионов в орбиту областных и межобластных рынков. В ряде исследований Ю.А. Мизиса прослежена эволюция развития сельских промыслов, а также сельских и городских торгов Центрального Черно-

земья в XVII – первой половине XVIII в. Было установлено, что вовлечение региона в рыночные отношения началось в промышленной сфере. До 70–80-х гг. XVII в. только промысловики, крестьяне и служилые люди, эпизодически обращались к рынку, реализуя мед, рыбу, меха, кожи и иную продукцию, полученную в ходе эксплуатации угодий. Вовлечение Центрального Черноземья в межрегиональные рыночные связи усилилось в последующий период благодаря хозяйственному развитию и демографическому росту населения, в том числе крестьянского. В начале XVIII в. быстро выросшие сельские и городские торги при посредничестве купцов-оптовиков сосредоточились на рыночной торговле зерном.

На современном этапе в деятельности Симпозиум при сохранении аграрной тематики явно видны новые тенденции, формируются новые научные направления. Отметим возросший интерес к положению южнорусского служилого человека в его ипостасях воина и помещика. В центре внимания исследователей находятся особенности: социального статуса южных служилых людей, обусловленного колонизационной политикой правительства на юге России, землевладения и хозяйствования разных групп военизированного населения, специфика их менталитета и психологии (В.Н. Глазьев, Ю.А. Мизис, Е.В. Камараули). Заметной тенденцией в развитии тамбовской школы следует считать возросшую популярность «сквозных» региональных исследований, проводимых научными коллективами и охватывающих значительные исторические периоды (А.Л. Аврех, С.А. Еси́ков, В.В. Канищев, Ю.А. Мизис, Л.Г. Протасов).

А.И. Папков¹

Церковное землевладение на южной окраине России в первой половине XVII в.

Церковь, как любой общественный институт, для осуществления своей деятельности нуждается в материальных средствах. В России XVII в. основным источником получения дохода была экс-

¹ Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, parkov@bsu.edu.ru, Россия, г. Белгород.

плуатация земли. Данное обстоятельство диктует необходимость изучения вопросов, связанных с церковным землевладением в рассматриваемый период, так как не учитывая их трудно понять принципы взаимодействия государства и Церкви на южной окраине страны, активно осваивавшейся в ходе колонизации «Поля».

Церковные земли – это земли, с древних времен обеспечивавшие содержание русского духовенства. До патриаршества Филарета отвод церковных земель считался необязательным. Филарет впервые в 20-х гг. XVII в. сделал непрочные традиции правилом. Во время государственного описания земель, проводившегося правительством царя Михаила Федоровича, началось отведение церквям пашни, сенных покосов и других угодий, которое фиксировалось в писцовых книгах.

После образования единого Российского государства его южные земли, в церковном отношении, подчинялись трем епископам: Рязанскому и Муромскому, Сарскому и Подонскому (Крутицкому), Смоленскому и Брянскому. Точные границы епархий того времени неизвестны. По различным причинам отдельные территории, города или церковные учреждения могли вестись не в самой ближайшей к ним епархии. Земли, отвоеванные у Речи Посполитой, и новые южные территории, осваивавшиеся Российским государством в это время, в церковном отношении включались в состав Патриаршей области.

Исключительное значение для изучения истории Церкви на Юге России рассматриваемого периода имеют документы кадастрового учета, прежде всего материалы поземельных описаний. Эти документы позволяют проследить процесс отвода земли храмам и монастырям. Видовой состав данных источников представлен книгами: писцовыми, дозорными, отдельными и переписными. Указанные книги сохранились не полностью, часть дошла до настоящего времени в копиях XVII в. Писцовые книги Юга России конца XVI в. практически не сохранились, исключение составляет писцовая книга Путивльского уезда 1594 г., дошедшая в копии. Больше сведений имеется в дозорных книгах, составленных после Смуты для определения реальной платежеспособности разорен-

ных земель. Дозоры южных уездов в основном были проведены в 1616 г. В частности, известны дозорные книги следующих городов и уездов: Белгородского, Оскольского (список), Воронежского (список) и Ливенского (список). В списке сохранилась дозорная книга Ельца и уезда 1620 г.

Широкомасштабные работы по описанию были проведены во второй половине 20-х гг. XVII в. Известен подлинник писцовой книги Рыльского уезда 1625 г. В копиях сохранились писцовые книги Белгородского, а также Валуйского города и уезда. Имеются подлинная писцовая и межевая книги Лебедяни 1627 и 1628 гг., ряд подлинны писцовых книг: Михайлова (1626 г.), Рыльска и Путивля (1626 и 1627 гг.). В 1628–1630 гг. был описан ряд посадов южных городов и их уездов, часть книг сохранилось в подлинниках: Воронежская, Ливенская и Новосильская, а писцовая книга Рыльского уезда дошла в списке середины XVII в.

Гораздо больше материалов содержится в результатах описаний 1646 г. Несомненный интерес представляют подлинные переписные книги 1645/1646 г. Белгорода и уезда, Воронежского, Елецкого, Ливенского, Оскольского (Старооскольского) уездов, переписная книга города Корочи и Стариковского стана Корочанского уезда 1645/1646 г., а также копии соответствующих книг Путивльского и Рыльского уездов. Этот комплекс дополняется подлинной писцовой книгой Карповского уезда 1650 г., писцовой и межевой книгой Оскольского уезда 1642/1643 г. Следует также обратить внимание на писцовые и межевые книги поместных и монастырских земель, составлявшие для отделения земель и угодий служилых людей от выделенных храмам и монастырям. Например, такая книга была составлена по Оскольскому уезду в 1644 г.

Изучение указанных писцовых материалов позволяет оценить земельные владения духовенства, которые находились в южных уездах страны в первой половине XVII в. Например, церкви сел Белгородского уезда имели каждая от 7 до 20 четвертей земли. В Воронежском уезде в 1615 г. нормой земельного участка для церквей было 15 четвертей. При этом первые храмы Оскола в начале XVII в. получили довольно внушительные по размерам земли. Так,

владения оскольской церкви Николая Чудотворца составляли 130 четвертей пашни, лесных угодий и «дикого поля», а Оскольского Преображенского собора – 120 четвертей земли в поле.

Практически все церкви и духовенство обеспечивались землей, им также отводилось определенное количество сенокосов, предоставлялось право пользования лесом и рыбными ловлями. Сравнение размеров земельных владений духовенства и прихожан не свидетельствует о сословной привилегированности священнослужителей. По данным писцовых описаний первой половины XVII в. земельные участки, находившиеся в распоряжении священнослужителей, имели как правило, размеры от 8 до 20 четвертей, что делает их сопоставимыми с размерами земель, отводимых стрельцам (8–12 четвертей) и казакам – 20 четвертей в поле, при том, что станичники имели участки в 50 четвертей, а дети боярские – 100–150 четвертей в поле.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что государственная политика первой половины XVII в. на южной окраине России не имела цели ограничения церковного землевладения, поскольку изначально оно в данном регионе не составляло значительной части освоенной пашни.

А.И. Раздорский¹

**Крестьянская оптовая товарная торговля
по материалам таможенных книг городов
юга и запада европейской части России XVII века**

Таможенные книги (далее – ТК), являющиеся основными массовыми источниками о развитии торговли России XVII столетия, содержат также немало ценной информации по аграрной истории страны. Эти документы дают возможность, в частности, определить степень участия крестьян в оптовой товарной торговле, а также позволяют проследить ассортимент товаров, которые крестьяне доставляли на оптовые региональные рынки и установить, в

¹ *Раздорский Алексей Игоревич*, кандидат исторических наук, Российская национальная библиотека, razdor@nlr.ru., Россия, г. Санкт-Петербург.

частности, долю и состав аграрной продукции в общей массе товарных поставок. При этом необходимо сделать важную оговорку: в ТК персонифицированы лишь данные о товарных партиях стоимостью 1 руб. и выше. (Для XVII в. эта сумма была довольно значительна: 3–4 руб. стоила лошадь, а дневной продовольственный прожиточный минимум составлял около 0,5 коп.). Пошлины с товаров совокупной стоимостью менее 1 руб. записывались в ТК в обобщенном виде. В этом случае ни имена торговцев, ни названия товаров, ни их количество, объем и стоимость в документы не вносились. Именно по этой причине ТК не могут служить сколько-нибудь полным источником сведений о мелкооптовой и розничной торговле, в которой крестьяне играли, как известно, весьма заметную роль. К сказанному следует также добавить, что рассматриваемые документы не отличаются исчерпывающей полнотой и в отношении сведений о социальном статусе зарегистрированных в них торговцев. О многих лицах, записанных в ТК, на этот счет нет никакой информации.

Нами были подробным образом изучены 62 ТК двух южнорусских городов (Курска и Белгорода) и двух городов, расположенных к западу от Москвы (Вязьмы и Можайска), в том числе по Курску – 18 ТК с 1619 по 1677/1678 г.; по Белгороду – 15 ТК с 1641/1642 по 1677/1678 г.; по Вязьме – 17 ТК с 1649/1650 по 1679/1680 г.; по Можайску – 12 ТК с 1627/1628 по 1673/1674 г. На основе этих источников проанализировано количество оптовых таможенных явок, сделанных крестьянами, и рассмотрен ассортимент товаров, регистрировавшихся ими в таможенных указанных городов.

В курских ТК отмечено 35 явок, сделанных крестьянами (в это число не входят явки, совершенные крестьянами курских обельных монастырских слобод, которые фактически являлись городскими жителями и в ходе «посадского строения» в середине XVII в. были переписаны в посад). Всего в указанных документах отмечено 2137 таможенных явок, т.е. на долю крестьян их пришлось всего 1,6 %. Фактически это число было несколько больше, так как в ряде случаев принадлежность к крестьянскому сословию в источниках не обозначена, но в любом случае надо признать, что крестьяне на кур-

ском оптовом рынке занимали более чем скромное место. Из 35 явок 32 приходится на 1620-е и 1640-е гг., тогда как оставшиеся три – на конец 1660 – начало 1670-х гг. В курских таможенных записях фигурируют в основном частновладельческие крестьяне (калужских вотчин бояр И.Н. и Н.И. Романовых, князя И.Б. Черкасского, а также алексинских, белгородских, карачевских, мценских, курских, тульских служилых людей). Среди поставлявшихся ими товаров в 1620–1640-е гг. преобладала продукция солеваренной и металлургической промышленности (пермская соль, тульское железо), а также так называемые «москательные товары» (в это понятие помимо собственно москаты входили самые разнообразные предметы галантереи, обуви, одежды). Из товаров аграрного происхождения в крестьянских явках упоминается исключительно хмель. Интересно отметить, что в Курск его привозили чаще всего туляки, а также крестьяне Комарицкой волости (ныне ее территория расположена в Брянской области, являющейся по сию пору одним из центров отечественного хмелеводства). Помимо продажи товаров крестьяне производили на курском рынке и их скупку (8 явок из 35 – денежные), но состав скупленных товаров в источниках не показан. Отметим также, что в сохранившихся курских ТК XVII в. не отмечено ни одной оптовой явки хлеба.

В белгородских ТК зафиксировано всего четыре таможенные явки, сделанные крестьянами: одна денежная на товарную покупку в июле 1658 г. (нижегородским крестьянином боярина Я.К. Черкасского) и три товарные в январе 1665 г. (волостными крестьянами Белгородского уезда). В записях о товарных явках употреблено обобщенное понятие «хлебная продажа». Объем привезенного хлеба при этом не указан, но судя по стоимости товарных партий (8 руб., 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 80 коп.), он был невелик.

Гораздо чаще в качестве торговцев-оптовиков встречаются крестьяне в вяземских ТК. Они упоминаются во всех 17 дошедших до нашего времени местных источниках данного типа. Из 4097 явок продавцов или покупателей оптовых партий товаров, предназначенных для реализации в Вязьме, крестьяне зафиксированы в 255 (6,2 %). Кроме того, отмечена одна транзитная

явка и две отъязки (когда непроданный товар был повезен назад). Крестьяне (монастырские, частновладельческие и дворцовые), сравнительно редко появлявшиеся на вяземском оптовом рынке в 1650-е гг., существенно активизировали свою торговую деятельность начиная со второй половины 1660-х гг. Среди крестьян, торговавших в Вязьме, преобладали местные жители. Приезжие представляли различные уезды, преимущественно западнорусские: Боровский, Зубцовский, Дорогобужский, Можайский, Мосальский, Ржевский, Серпейский, Смоленский, Старицкий и др. В ассортименте товаров, привозившихся крестьянами в Вязьму, важное место (наряду с солью и рыбой) занимала пенька, являвшаяся продуктом аграрной специализации западнорусских уездов. В 1660–1670-е гг. крестьяне в сравнительно небольшом объеме сбывали оптовые партии хлеба (преимущественно рожь и овес), продавали хмель. Отмечены также единичные случаи регистрации ими крупного рогатого скота, свинины, лука и чеснока, яблок и груш.

В можайских ТК содержится 259 записей об оптовых товарных и денежных явках, крестьяне упоминаются в 18 (6,9 %). В социальном плане крестьяне принадлежали к частновладельческим и монастырским, по месту жительства представляли Можайский, Верейский, Волоцкий, Суздальский, Владимирский и Вологодский уезды. Наряду с солью, рыбой и лесом они привозили в Можайск пеньку. Отмечена также явка крестьянином с. Вышгород Верейского уезда пшеницы и пшеничной муки.

Таким образом, доля крестьян в оптовой товарной торговле как в южнорусских, так и в западнорусских городах была в целом небольшой. При этом в Вязьме и Можайске они выходили на оптовый рынок существенно чаще, чем в Курске и Белгороде. В ассортименте товаров, сбывавшихся крестьянами оптом, в рассматриваемый период преобладала промышленная, а не аграрная продукция. Лишь на западнорусских рынках важное значение во второй половине XVII в. приобрела продажа пеньки. Хлебная оптовая торговля как на юге, так и на западе была весьма незначительна.

А.И. Савинова, Ю.В. Степанова¹

Правовой статус и хозяйственные практики карельских переселенцев в Верхневолжье в XVII – начале XVIII в.²

История формирования субэтнической группы верхневолжских карел неоднократно становилась предметом исследования. Изучались направления миграции, характер размещения выходцев «из-за шведского рубежа» на территории Новгородской земли и Бежецкого Верха, история карельской диаспоры в Верхневолжье на поздних этапах ее существования (XVIII–XX вв.) (работы Ю.В. Готье, А.Н. Вершинского, А.С. Жербина, В. Салохеймо, А.Н. Головкина). Недостаточно изученными остаются характер и динамика размещения, правовой статус и особенности ведения хозяйства на новых землях (особенно на поместных и монастырских) карельских переселенцев на раннем этапе их расселения в Верхневолжье в XVII в. (исследования в этом направлении ведутся А.И. Комиссаренко, Н.Ю. Болотиной и А.Ю. Кононовой). Переписные книги в комплексе с актовым материалом позволяют не только локализовать населенные пункты с «корелянами», но и выявить направления и причины их миграций уже на территории Верхневолжья, особенности их взаимоотношений с землевладельцами и государственной властью, процесса формирования крестьянского хозяйства на новых землях.

Основными источниками настоящего исследования являются переписные книги Бежецкого Верха 1646 и 1677/1678 гг., Тверского уезда 1677/1678 г., переписи Тверского и Бежецкого уездов 1710 г.

Переписные книги поместных и монастырских земель содержат указания на то, что в 1640–1670-х гг. «кореляне» были «новоприходцами», а их хозяйство в этот период находилось в началь-

¹ Савинова Анна Игоревна, аспирант, Тверской государственный университет, nuta_savinova@mail.ru, Россия, г. Тверь; Степанова Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, m000142@mail.ru, Россия, г. Тверь.

² Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00429.

ной стадии формирования. Эти сведения совпадают и с данными актового материала 1640-х гг., фиксирующими случаи перехода выходцев из Корельского уезда на поместные земли Верхневолжья. Процесс переселения продолжался на протяжении 1640-х – 1670-х гг. Так, в Бежецком Верхе по данным описания 1646 г. насчитывалось 43 поселения и около 370 «корелян» мужского пола, тогда как в 1677/1678 г. там же было зафиксировано уже 82 пункта и около 660 карельских переселенцев.

Переписные книги 1640-х и 1670-х гг. Бежецкого Верха и Тверского уезда отражают свободное переселение «корелян» на эти территории. Вероятнее всего, первоначально карелы переселялись на поместные и монастырские земли. В 1660-х гг. произошло формирование дворцовых волостей, в которые началось целенаправленное переселение крестьян государственной властью. В том числе туда перемещали карел, уже поселившихся за монастырями или помещиками. Наиболее показательный пример – переселение 161 двора карел из земель Краснохолмского Никольского Антониева монастыря в Бежецком Верхе в дворцовую волость в 1663 г.

Основным стимулом для миграций внутри Верхневолжского региона являлось изменение в правовом статусе переселенцев и политика переселения на дворцовые земли. Очевидна тенденция к перемещению из поместных и монастырских земель в дворцовые волости, что привело к формированию компактных территорий, заселенных «корелянами» в Бежецком уезде и южной части Бежецкой и Деревской пятин Новгородской земли в XVIII в.

Переселение происходило небольшими группами, включавшими одну или несколько семей. Переписная книга Бежецкого Верха 1646 г. зафиксировала момент основания карелами своих дворохозяйств. Первоначально на новых землях ставились избы, затем происходило размежевание дворов. Первоначально в одном вновь организованном дворохозяйстве могли проживать несколько семей, в том числе не родственников.

Траектории переселения карел в Верхневолжье зачастую были индивидуальными. Местами исхода переписи называют погосты Заонежья, отдельные волости Новгородского и Бело-

зерского уездов. Иногда очевидна роль землевладельцев, приглашавших карел для поселения на своих землях и освоения пустошей. На это указывают как данные актов и переписей XVII в., так и сведения переписей 1710 г., зафиксировавшие дату поселения (например, «тому лет с тридцать») и роль помещиков, «принимавших» и поселявших на своих землях «выходцев из-за рубежа». Могли переселяться небольшие семейные коллективы или отдельные люди, впоследствии перевозившие свои семьи на новые места (аналогичный характер переселения выявлен А.А. Бландовым в ходе изучения истории формирования диаспоры валдайских карел).

При переселении «кореляне» заявляли о своем статусе свободных людей. В писцовых материалах и актах как 1640-х, так и 1670-х гг. они характеризуются как свободные арендаторы, которые «наимуют землю» у помещика. Из актового материала известно о свободном найме «корелян» в батраки. Данные переписей 1710 г. свидетельствуют о том, что «кореляне» в поместьях и вотчинах проживали «на оброке» наравне с русским населением.

Перемещения карел по инициативе помещиков внутри отдельных землевладений фиксируют переписи 1710 г. Есть указания на отправку «корелян» помещиками в «работники» в Санкт-Петербург и Вышний Волочек.

Помещики и вотчинники нередко утаивали при проведении переписи крестьян-карел, отработывавших на них повинности, в то же время, удерживая их «за собою» без уплаты податей государству. Сами «кореляне» в некоторых случаях сопротивлялись переселению на дворцовые земли (в частности, из монастырских). В то же время, известны многочисленные случаи бегства карел из поместий и вотчин в дворцовые волости на рубеже XVII–XVIII вв. В результате, во второй половине XVIII в. карелы проживали, в основном, в дворцовых волостях, и лишь небольшая доля оставалась на поместных и монастырских (до секуляризации) землях.

С.В. Черников¹

Правящая элита России 1700–1762 гг.: влияние демографических факторов на развитие родовой собственности²

Развитию дворянской собственности в первой половине XVIII в. посвящено множество работ. Подробно изучены численность и размещение помещичьих крестьян, общие размеры и структура землевладения (В.И. Семевский, Н.М. Шепукова, В.М. Кабузан, Я.Е. Водарский, А.Я. Дегтярев, М.Ф. Прохоров, О.А. Шватченко и др.). Гораздо хуже известно, кому именно эта собственность принадлежала. Общие сведения о родовом составе помещиков и вотчинников России, количестве крестьян, принадлежавших каждой дворянской фамилии, есть лишь на начало XVIII в. (Я.Е. Водарский, О.А. Шватченко). Сопоставимые массивы данных по более позднему времени были введены в научный оборот лишь частично, а вопрос о влиянии демографических факторов на развитие родовой собственности, из-за фрагментарности сведений о структуре дворянских фамилий, даже не ставился.

Настоящая работа посвящена изучению этой проблемы на примере правящего слоя России 1700–1762 гг. Основными источниками для анализа стали Алфавиты к сказкам Генерального двора 1699–1700 гг. и материалы III ревизии (86 % и 76 % данных по Европейской России, соответственно).

По моим подсчетам, в 1700–1762 гг. населенными имениями владели представители 5588 фамилий. Среди них, 40 % родов являлись «устойчивыми» и владели собственностью на протяжении всего изучаемого периода; остальные 60 % фамилий были не в состоянии сохранить имения даже на протяжении двух-трех поколений. Преемственность родового состава владельцев из разных социальных групп была неодинакова. У думных фамилий она являлась самой высокой: собственность смогли сохранить 90 % родов.

¹ Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, zserg72@gmail.com, Россия, г. Липецк.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 16-01-00001(а).

Состав помещиков из «новых» фамилий, представители которых вошли в правящий слой в первой половине XVIII в., был менее устойчив – 71 %. У основной массы дворян показатель и вовсе являлся низким – 35 %.

Каким образом численность дворянской фамилии влияла на развитие родового вотчинного фонда? При «дробном наследовании», количество собственников и численность рода – взаимосвязанные показатели. Поэтому для анализа воспользуемся сведениями о владельцах имений из Алфавитов 1699–1700 гг. Фамилии с одним-двумя владельцами будем рассматривать как мелкие, а с шестью и более – как крупные. Сразу подчеркну, что общие размеры родовой собственности (численность крестьян) и количество владельцев имений связаны друг с другом лишь у малосостоятельных фамилий, среди богатых – такой взаимосвязи нет.

По моим данным, в 1700 г. крупными являлись 30 % дворянских фамилий, а мелкими – 48 % (в том числе, с одним владельцем – 33 %). Среди фамилий, владевших в 1700 г. от 1 до 80 душ крестьян, было 5 % крупных и 75 % мелких. Состав фамилий, разорившихся ко времени III ревизии, являлся схожим – 2 % крупных и 85 % мелких. Численность «устойчивых» родов значительно отличалась – 41 % и 34 %, соответственно. Еще более разительным оказывается контраст с думными фамилиями: 75 % крупных и 10 % мелких. Интересно, что «новые» фамилии, представители которых вошли в правящий слой в 1700–1762 гг., уже в начале столетия имели очень близкую структуру: крупных – 66 % родов, мелких – 18 %. В среднем, на одну дворянскую фамилию в 1700 г. приходилось 5,5 владельцев имений (медиана – 3), на «устойчивую» – 7,0 (4), на разорившуюся – 1,6 (1). У думных и у «новых» фамилий эти показатели гораздо выше – 13,9 (10) и 12,3 (9), соответственно.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов. Как видим, бедность и малочисленность дворянской фамилии обычно сопутствовали друг другу. Вероятно, именно сочетание этих двух факторов было главной причиной неустойчивости родового состава российских помещиков (28 % фамилий 1700 г. спустя 60 лет потеряли всю собственность, а 53 % фамилий 1762 г. не имели

собственности в 1700 г.). На противоположном «социальном полюсе» наблюдалась иная картина. Многочисленность рода и дробление вотчин не мешали устойчивому развитию собственности у фамилий причастных к власти. Очевидно, в отличие от Петра I, который считал, что разделы имений могут привести к исчезновению «славных и великих домов» и их превращению в «поселян», представители элиты оценивали факторы риска совсем иначе. Богатство в этой среде являлось следствием социального статуса, поэтому важнейшей задачей становилось удержание власти. Значительное число единокровцев позволяло расширить сеть брачных связей с другими влиятельными фамилиями. Одновременно снижалась вероятность пресечения рода и повышались шансы на сохранение вотчин и их передачу потомкам. Демографический фактор здесь играл важнейшую роль, а многочисленность фамилии превращалась из «помехи» в преимущество.

З.А. Тимошенкова¹

**К вопросу о характере землепользования
крестьян Старорусского уезда в начале XVIII в.**

Одним из важных источников для характеристики не только монастырского, но и крестьянского хозяйства являются ужинно-умолотные книги XVI–XVIII вв., которые прочно вошли в отечественную историографию. Крестьяне старорусской вотчины Иверского монастыря в XVII в. платили договорные оброки. Пятинный хлеб взимался только с оброчных пустошей. В 1712 г. они были переведены на пятинный хлеб. В архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН сохранились несколько ужинно-умолотных книг. Наиболее информативна из них книга 1720 г., содержащая сведения о том, «сколко в котором погосте и у кого имяны земляного тягла и в посеве всякого хлеба, и с того посевного хлеба с монастырских домовых запасек и со всех 11 погостов ужину выдел и умолот, а сколко с которого погоста какого хлеба и

¹ Тимошенкова Зоя Александровна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, zoyatim67@mail.ru, Россия, г. Псков.

у кого имяны в нынешнем 1720 г. явилось. И то писано ниже сего порознь и по статьям».

Погосты делились на «целовальничества» из 12–16 селений. Формуляр книги содержит название погоста, селения, имена крестьян, данные о размере тягла каждого двора, посевах в четях и четвериках по отдельным культурам, о расположении посевов, совместном использовании крестьянами земельных угодий. Так, у Устина Никитина из дер. Звоз Петровского пог. (тягло 0,75 восьмерика) было посеяно 1 четь 7 четвериков ржи «вопче с бобылем Тимофеем Ивановым в поле и на участке вдовы Дарьи Тимофеевой». Ее посевов не отмечено, но нет указаний и на льготы. Возможно, полевая пашня ею не обрабатывалась, или тягло с нее было снято. У его односельчанина овес был посеян в ржаном и яровом поле. У Мирона Ермолина из дер. Внучково (тягло 4,5 осьминки) рожь высевалась в поле и в дер. Устье на пометном участке, а овес – «в поле и в деревнях Устье, Подтополье, Жилино». У крестьянина из дер. Симановщина Семена Иванова овес был посеян в ржаном, яровом полях и на паренине. Рожь и овес высевались не только в озимом и яровом поле деревни, но в других деревнях на пометных участках, «в поле и на пустоши, на новорасчистных суках», «в поле и в запольных трех нивушках старых годов и на новоросчистой ниве и в деревне Медникове на пустых участках». Посевы овса у Аниты Леонтьева из дер. Липовицы Петровского пог. (8 четвертей с четвериком) размещались «в поле и в монастырских двух пасеках, новой расчистки в двух нивушках и в новоросчистных двух нивушках, которые под пус. Гостежем». Такое расположение посевов, хотя не позволяет вычислить площадь деревенских крестьянских полей, однако дает возможность учесть все посевы крестьянского двора, определить степень удаленности обрабатываемых земель от местожительства, активность крестьян в приращении посевных площадей. В 1678 г. в старорусской вотчине Иверского монастыря было более 1660 дворов. В 1720 г. – 1475 дворов крестьянских, бобыльских и вдовьих, но все пустующие участки обрабатывались. Нормой при выделе хлеба была пядина, в отдельных случаях взи-

мался 6 и 7 сноп пшеницы, 6 сноп ячменя (Славитинский погост). Допускалась замена культур: «взято гороху за тот боб за плохостию», «за ячмень за плохостью овсом».

В книге отмечены случаи утайки хлеба при его выделе на монастырь и наказания за это. Так, Фадей Козмин «за утайку его, что сверх выделу явилось по розыску и по учиненной выписке» кроме пятины в размере 2 четей и 0,25 четверика с утаенного сбора овса уплатил «штрафу столько же».

Указания на льготу в пятинном хлебе зачастую не содержат обоснований, а в случае их наличия основным является пожарный случай (Снежский погост). В Дретенском пог. в деревне Бородино отмечено 4 двора родных братьев Лукиных. При этом размеры тягла указаны только для двух, а остальные «тяглом и посевом написаны с вышеписанными братьями». Но пятина с них взята только с посевов овса, ячменя и гороха в поле, пус. Гнилки и других деревнях. Кроме того общее тягло могло быть с племянником и зятем, с отцом, а также с крестьянином на родство с которым указаний нет. В дер. Онуфриево Воскресенского пог. у Захара «тягло и посев всякому хлебу писан вместе с родственником его Никифором Евдокимовым для того, что при подании сказок оные крестьяне жили в одном дворе вместе, а по подании сказок меж собою оне разделилися пожитками своими и посеянным хлебом, и по разделении каждой из них живут своим домом порознь».

Всего на монастырь в 1720 г. было выделено в качестве пятины более 7038 четвертей хлеба, а также более 99,5 четвертей боба и гороха, 25,5 четвертей льна, 3,5 чети конопляного семени, 202 пуда льна и 13 пудов 37 фунтов мятой пеньки. По данным Л.Н. Семеновой, в 1716–1727 гг. в среднем крестьяне давали монастырю по 5445 четвертей хлеба. Таким образом, урожай 1720 г. был неплохим. При этом следует учесть, что с ряда крестьянских дворов хлеб был не взят в связи с пожаром. Так, у целовальника Якова Герасимова пятина была снижена на 1 четверть 5 четвериков ржи и 4,75 четверика овса «за пожарный случай и за иверскую его службу и пред прошлыми годами в пятинном хлебе прибыль по указу, по розыску и по учетной выписке».

Наряду с посевами крестьян и бобылей в Старорусском у. ужино-умолотная книга зафиксировала посеvy старорушан. Кроме аренды пустых участков в деревнях, пустошей и запольных нив они обрабатывали купленные крестьянские полосы. Интерес старорушан к земле, возможно, связан с тем, что с 1710 по 1719 г. в Старой Руссе было запрещено солеварение. Среди «посторонних пашильцев» названы также причетники городских церквей, монастырские подьячие и служебники.

А.И. Комиссаренко¹

Политика Вятской администрации по предотвращению участия населения в Пугачевском восстании (1773–1774 гг.)

В 1773–1775 гг. в России бушевала Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева. Вихрь антифеодального движения пронесся по территории Яика, Башкирии, Поволжья, Урала, Сибири. В районах, находившихся недалеко от областей, охваченных боевыми действиями восставших с правительственной армией, усилились крестьянские волнения. Участие в них приняли крестьяне восточных и южных волостей Вятского края, сопредельных с Приуральем и Поволжьем. В конце 1773 г. начались волнения в граничивших с Вятским краем Яранском и Елабужском уездах. Возглавляемые крещеным удмуртом Григорием Артемьевым отряды, соединившись с приписными крестьянами и работными людьми Ижевского и Воткинского заводов, совместно с башкирской конницей Салавата Юлаева осаждали Сарапул и Красноуфимск.

Действия восставших посеяли панику среди провинциальных и уездных властей Вятки. К тому же продолжались волнения церковных (с 1764 г. – экономических) крестьян, начавшиеся еще в 40-е годы XVIII в. Угроза со стороны пугачевцев усиливала опасения чиновников местной администрации, не имевшей сколько-нибудь надежных воинских сил. Вятская провинциальная канцеля-

¹ *Комиссаренко Аркадий Иванович*, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, arkadiy109@rambler.ru, Россия, г. Москва.

рия 31 декабря 1773 г. в целях воспрепятствовать проникновению пугачевских повстанцев на территорию края потребовала от уездных чиновников установить тщательный надзор за дорогами, соединявшими Вятку с районами, охваченными восстанием. Контроль за передвижениями по Казанскому тракту поручался отставному корнету Росихину, Московскому тракту – губернскому секретарю Финицкому, Сибирскому тракту – подпоручику Анисимову. В помощь им надлежало мобилизовать «надежных» людей из крестьян и горожан. Вскоре на основных транспортных направлениях были устроены «заставы» и «караулы». Крестьяне, избранные на мирские должности, обязаны были представить подписки «о послушании». 29 марта 1774 г. другим указом провинциальной канцелярии в городах «обывателям», а в уездах «от каждого жительства..., выбрав ото 100 не меньше 15 человек крупных, здоровых и снабдить их оружием..., и быть оным... во всякой готовности». Вятский провинциальный воевода Щербачев потребовал «угнать» весь скот в леса из-за боязни, что его могут захватить восставшие. «Караульщикам» тогда же предписывалось еженедельно подавать рапорты от старост о «безотлучной» службе на «заставах».

Материалы Казанской секретной комиссии содержат сведения о вятских крестьянах, ставших участниками пугачевского движения по получении известий о занятии восставшими районов Приуралья и среднего Поволжья. Действительно, слухи о передвижении отрядов пугачевской армии достигали самых удаленных мест Вятского края. Например, в январе 1774 г. вятский экономический казначей поручик Денисов рапортом в Коллегию экономии сообщал, что крестьяне Кырчанской вотчины на мирских сходах оживленно обсуждали вести о переходе на сторону пугачевцев жителей соседней с Вяткой Рождественской волости Казанского уезда. Крестьянам, как сообщал казначей, были известны пугачевские «билеты» – прокламации с призывами выступить за «истинного императора Петра III».

В середине января 1774 г. чиновники Вятской провинциальной канцелярии были встревожены полученными доношениями о

взятии восставшими города Осы и об их намерении приступить к осаде Соликамска и Чердыни. Нависшая угроза над северо-восточной частью Вятской провинции заставила воеводу Щербачева направить в восточные волости воинскую команду. Однако в это же время пугачевцы численностью более тысячи человек проникли в Чутырский и Рубежанский «концы» Слободского уезда. К ним примкнули 200 удмуртов и каринских татар. Между тем, в уездном городе Слободском имелось гарнизонная команда всего лишь из 8 человек, а пушек, пороха, ядер и даже нужного количества ружей не было. По распоряжению провинциальной канцелярии из Хлынова в Слободской спешно отправили 10 пудов пороха, но при отсутствии артиллерии и стрелкового оружия они оказались бесполезны.

31 января 1774 года восставшие заняли село Дебасское, одно из крупных в уезде. Пугачевцы, «разъезжая во оном... забирают старост, сотских и мирских людей..., принуждают из кос делать сабли, ... еще ожидают прибавок казакам 300 человек». В Хлынове власти лихорадочно готовились к обороне, и только отход Пугачева к Казани несколько успокоил вятскую администрацию. Однако она все же опасалась, что «смятение» среди горожан и крестьян, разные толки о ходе восстания и его возможных последствиях подтолкнул их к выступлениям. Крещеные удмурты, например, «... оставя христианскую веру, совратились в прежнее идолопоклонническое заблуждение», открыто выражали сочувствие «Петру III». Неспокойно было и в самом провинциальном центре – городе Хлынове. Под следствие, к примеру, попал посадский человек Илья Огородников, служивший целовальником в питейном доме. Он обвинялся в том, что публично укорял капрала Карельских за «неупоминание» имени «императора Петра III» в то время, как везде в народе о нем ведутся разговоры: «Не скоро ... эти речи из народа выведешь, ... о нем ... двойко говорят – иные почитают его беглым казаком, а иные подлинным государем».

Известно немало случаев прямого участия вятских крестьян в пугачевских отрядах. Сохранились следственные дела таких крестьян – П. Погодина, Г. Городилова, Е. Лалетина, С. Зайцева, И. Мо-

розова, К. Попова и др., преимущественно из жителей экономических вотчин, добивавшихся освобождения от подчинения экономическим казначеям и перевода на положение крестьян государственных.

Р.Б. Зайтунов¹

**Вклад Н.Ф. Демидовой в исследование
аграрной истории Южного Урала XVI–XVIII вв.**

Большой вклад в исследование аграрного развития Южного Урала внесла доктор исторических наук Наталья Федоровна Демидова. Серия публикаций автора о землевладении и землепользовании на территории края, а также работа по составлению пятого тома сборника документов «Материалы по истории Башкирской АССР» (1960 г.) позволили вывести изучение аграрного вопроса в регионе на новый научный уровень.

Публикация архивных документов дала возможность исследователям глубоко проанализировать исторические факты, сделать общеисторическую оценку социально-экономическому развитию края. В «Материалах по истории Башкирской АССР» представлены документы о башкирском землевладении в процессе формирования феодального землевладения внутри башкирских общин, о динамике оформления различных земельных сделок, порядке землепользования как среди башкирского, так и переселявшегося русского и нерусского населения. Особую ценность имеют ведомости по посевам и урожайности, а также о ценах на продукты питания в Оренбургской губернии в последней четверти XVIII в.

Среди опубликованных документов имеются ценные материалы о характере земледелия на помещичьих землях. Так, прилагается записка оренбургского губернского предводителя дворянства Н.М. Булгакова о характере земледелия на помещичьих землях. Отмечается, что «земли в здешней губернии хотя и черные, хлебородные, но через 12–15 лет совершенно выпахиваются, теряют

¹ *Зайтунов Расих Батырович*, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», zaitrasich@gmail.com, Россия, г. Уфа.

свою силу и перестают всякий хлеб родить. Распашку новой земли производили по-разному: одни поднимают залог плугами, запряженными 6 лошадьми и, заборонив ее железными бородами, во время ржаного сева, то есть в августе, засевают рожью и вторично заборонивают и более одного раза плуг не употребляют, а во все время пахут обыкновенными сохами... Среднева же времени пахотная земля удобряется пастью на ней скота и посевом гречихи». Поставку ржаной муки и крупы помещики осуществляли по подряду для войск в губернский город Оренбург и в крепости, а также на медеплавильные заводы и рудники.

Будучи старшим научным сотрудником Центрального государственного архива древних актов Н.Ф. Демидова принимала активное участие в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Минске в 1962 г., где выступила с докладом на тему «Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVIII вв.». Автор сделала очень важный вывод о том, что указ от 11 февраля 1736 г. был направлен на ограничение частного феодального землевладения башкирской верхушки и привел к трансформации ряда башкирских вотчин из кровнородственных объединений в территориальные сельские общины.

С середины XVIII в. в связи с возникновением посессионного землевладения и помещичьей колонизации скупка земель у башкир принимает массовый характер. Данное обстоятельство приводит к закреплению в крае большого количества земельных угодий за русскими дворянами. Одновременно усиливается поток переселения русских и нерусских крестьян на формирующийся массив помещичьих угодий. Эти тенденции сопровождаются складыванием различных видов зависимости крестьян-переселенцев от владельцев земли в крае – башкир-вотчинников и русских дворян.

Таким образом, труды Н.Ф. Демидовой включают в себя целый спектр научных изысканий по истории аграрного развития Южного Урала и являются актуальными для исследований характера землевладения и землепользования у различных этносоциальных групп населения.

А.Г. Иванов¹

**Марийская крестьянская община
в период массовой христианизации 1740–1764 гг.**

Выбор темы вызван тем, что в период массовой христианизации «иноверческих» народов (марийцы, мордва, чуваша, удмурты и др.) Казанской губернии 1740–1764 гг. крестьянская община государственной деревни Средневолжского региона подверглась усиленному воздействию центральной и местной государственной власти. В этих условиях марийская крестьянская община, выступавшая основной землевладельческой, фискально-податной и социокультурной единицей с ясачно-языческой ментальностью земледельческого населения, оказала сильное противодействие усиленному натиску чиновничества и духовенства, проявила большую гибкость и тем самым обеспечила сохранение и преемственность традиционного уклада жизни.

Вышесказанный вывод базируется на широком круге источников (законодательные акты, делопроизводственная документация, в особенности крестьянские челобитные, воеводские росписные списки, материалы Сенатской комиссии А.И. Свечина 1763–1764 гг. и Новокрещенской канторы), извлеченные главным образом в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) из фондов Правительствующего Сената (Ф. 248), Казанской губернской (Ф. 407), Свияжской провинциальной (Ф. 441), Царевококшайской воеводской канцелярий (Ф. 598); в Российском государственном историческом архиве (РГИА) из фонда Святейшего Синода (Ф. 796).

Изученные материалы свидетельствуют, что в рассматриваемое время органы «мирского» самоуправления марийских крестьян традиционно основывались на началах общинного демократизма. Это выражалось в участии «первостатейных» и других мужчин-дворохозяев (женщины как исключение) на общинных сходах с правом решающего голоса по животрепещу-

¹ Иванов Ананий Герасимович, доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», anani@marsu.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

щим жизненным вопросам таким, как окончательный переход с ясачного на подушное землепользование и с ясачной подати на подушную, подача сведений о численности ревизских душ мужского пола в ходе ревизий 1744–1748 гг. и 1762–1764 гг., отправка рекрутов, раскладка казенных податей и повинностей, отстаивание общинных интересов во взаимоотношениях с чиновной властью. Характерным стало расширение перечня выборных «крестьянских должностей» (сотники, пятидесятники, десятники, старосты, сборщики подушных податей, рекрутские отдатчики, лесные сотники по защите лесного фонда казенных и общинных лесов, податели сказок по учету наличного числа ревизских душ мужского пола, по подаче сведений об урожайности хлебов, о «ворах и разбойниках», по искоренению корчемств и вина» среди крестьян, по обеспечению мер противопожарной безопасности, эпидемий массовых болезней, эпизоотий и т.п.) в общинном самоуправлении как низовом звене местного государственного управления.

Крестьянская община едва сдерживала натиск чиновников губернских, провинциальных и уездных воеводских канцелярий. Всевластие уездных городских воевод, их слабая контролируемость, назначаемость и зависимость от вышестоящих учреждений и должностных лиц, краткосрочность и частая их сменяемость неизбежно вели к таким противозаконным явлениям, как превышение воеводами своих полномочий, нарушение основных должностных требований, вплоть до взимания чрезмерных денежных и натуральных поборов с подвластного уездного населения и установления забытой практики «воеводского кормления», используя для этого и «форму словесного суда», толмачей, коштанов, ябедников и других «мирских кровопивцев».

Одним из способов борьбы общины с воеводским произволом стали подачи в 1740–1760-е гг. крестьянских прошений (челобитных), осуществляемые многотысячной массой марийских крестьян различных уездов через своих выборных лиц в вышестоящие государственные учреждения, вплоть до Правительствующего Сената и Святейшего Синода, с требованием отрешить от должности

городовых воевод, запятнавших себя противозаконными поступками. Другое предложение, исходившее от марийских общинников, в частности, Козьмодемьянского уезда в 1761 г., состояло в том, чтобы вывести марийские общины «новокрещеных» из-под воеводской власти и передать их в особое управление во главе с назначенными из Санкт-Петербурга специальными офицерами «команд защищения» новокрещеных с подначальными им выборными марийскими «бурмистрами», по типу дворцового ведомства, т.е. в прямое ведение царской власти.

Перед непростым выбором оказалась марийская община в связи с изданием царского указа от 11 сентября 1740 г., определившим основные цели и задачи, средства и методы христианизации нерусских народов как широкомасштабного государственного мероприятия. В ходе реализации этого указа Новокрещенской конторой в 1740–1764 гг. основная масса марийских общинников, за небольшим исключением, была подвергнута принудительному крещению. Стремление властей немедленно сломать веками сложившиеся языческие обряды и верования сопровождалось беспредельным произволом миссионеров, проповедников, военных и гражданских чинов Конторы новокрещенских дел, чиновников воеводских и губернских канцелярий, а также священников новокрещенских приходов. Угрозы наказанием, перспектива потери своего старинного местожительства и общинных земель, резкий рост недоимок по подушным и оброчным платежам, наметившиеся внутри общины трения и враждебность между «некрещеными» и «новокрещеными», верховенство принципа круговой поруки, в известной мере обещанные льготы (3-х летнее освобождение от подушной подати и рекрутчины, выдача по одной иконе в дом, нательных крестов и некоторой суммы денег для крестившихся) явились важнейшими факторами, предопределившими восприятие марийскими язычниками христианской веры. Абсолютное большинство марийских крестьян формально приняли православие. Однако в общинной жизни марийское язычество сохранило сильные позиции вплоть до начала XX в.

А.А. Даутов¹

Вотчинное право башкир

Башкиры с давних времен являлись владельцами своих вотчинных земель. Если смотреть на родословные родов и племен (шежере), то мы видим, что башкиры имели вотчинное право даже при сыновьях Чингисхана, в годы господства Золотой Орды. После распада Золотой Орды их вотчинное право не раз подтверждалось казанскими и сибирскими ханами.

После присоединения к Русскому государству у башкир сохранялись уникальные формы земельных отношений и землевладения. Башкиры были признаны вотчинниками своих земельных владений.

Царь Иван Васильевич и его наследники, цари из Романовых подтверждали все грамоты или давали новые жалованные или сберегательные грамоты коренному населению. Земельные споры между волостями решались третейским судом с приглашением поверенных из соседних волостей, незаинтересованных в сути решаемого вопроса.

Особенность башкирского вотчинного права заключалось в том, что отсутствовала частная собственность, господствовала общинная форма владения и пользования землей. С юридической точки зрения собственником являлась община в виде рода или племени, а не отдельный человек. У каждого члена башкирской общины было равное право владеть землей. Еще одной особенностью башкирского землевладения являлось то, что вотчинным правом они пользовались на территории лишь своей общины. Башкиры-общинники проживали в пределах родоплеменных угодий. В определенных случаях жители башкирской общины могли оказаться на сопредельных землях. Такое явление случалось во время военных действий или природных катаклизмов. На территории чужой общины они уже не имели вотчинного права на землю, а могли лишь жить и пользоваться землями по разре-

¹ *Даутов Азат Алтынбаевич*, Академия наук Республики Башкортостан, помощник вице-президента Академии наук РБ, Sattar88@yandex.ru, Россия, г. Уфа.

шению вотчинников данной общины, становились припущенниками-арендаторами.

Заметная уникальность башкирского землевладения заключается в формальном характере равенства вотчинников относительно земли. Официально башкиры-вотчинники имели одинаковые права, а реальное же владение и пользование ими землей общины было неравным. Фактически распоряжались землей общины бии, тарханы, старосты, старшины, которые отвечали за несение общинниками налогов и повинностей в пользу Русского государства. Они распределяли пастбища и другие угодья между общинниками. Тарханы, составляющие значительную часть башкирских феодалов, на основе грамот владели и пользовались землями общины по своему усмотрению. В руках феодалов находилось фактически право решения вопроса пользования землями общины чужеродцами, то есть башкирами из других общин или переселенцами из центральных регионов.

Реальное владение у башкир зависело также и от количества скота. Наряду с землей, важным средством производства являлся скот. Рядовой общинник, который имел в среднем 30–80 голов лошадей, владел и пользовался гораздо меньшей площадью земельных угодий, чем феодал, владевший 500–1000 и более лошадей. Таким образом, формальное равное право на общую землю превращалось в фактическое неравенство рядовых общинников и башкирских феодалов.

При характеристике башкирского землевладения следует указать и на ограниченный характер их вотчинного права. Верховным собственником башкирских вотчин являлся русский царь. Он подтверждал вотчинное право башкир путем выдачи жалованных грамот. Не только отдельный общинник, но и община в целом свободно не распоряжалась собственной землей. Она не имела права продавать свои земельные угодья. Сдавать землю в аренду община могла лишь на небольшой срок. Все эти ограничения земельных прав башкирской общины были установлены Соборным Уложением 1649 г.: «... у башкирцов бояром, и окольничим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и из горо-

дов дворяном, и детям боярским, и всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупать и не менати и в заклад и здачею и в наем на многие годы не имати».

Коренные жители края не могли свободно распоряжаться земельной собственностью. До издания царского указа от 11 февраля 1736 г. им запрещалось продавать или отдавать в аренду на длительный срок вотчинные угодья. События 1917 г. и последовавшие за ними мероприятия Временного правительства и Советской власти привели к кардинальным изменениям в системе башкирского землевладения. Вотчинное право башкир было ликвидировано Советской властью принятием Декрета о земле от 27 октября 1917 г.

Таким образом, на протяжении многих веков башкиры на определенных условиях сохраняли свои земельные владения и оставались собственниками громадных земельных богатств. Подобное решение аграрного вопроса следует отнести к историческим феноменам, когда целый народ стал вотчинником. Такие условия позволяли нормальное этническое, социально-экономическое и культурное развитие башкирского народа.

Ю.Н. Смирнов¹

**Формирование источниковой базы по истории переселений
на земли юго-востока Европейской России
в XVIII – середине XIX в.**

В 30-е гг. XVIII в. началось преобразование пространств на юго-востоке Европейской России, где господствовало экстенсивное хозяйство кочевых народов, в крупный земледельческий регион с многочисленным крестьянским населением. В короткий по историческим меркам срок данный процесс в основном завершился. Это нашло отражение в устройстве с 1 января 1851 г. новой Самарской губернии в статусе «внутренней губернии империи». Он соответствовал административному устройству территорий в центре России, хотя эта губерния, лежавшая тогда целиком по левому

¹ Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

берегу Волги и далее на восток, продолжала принимать крестьян-переселенцев, поскольку еще обладала богатым фондом незанятых и неосвоенных сельскохозяйственных угодий.

Современные исследования по раннему аграрному освоению лесостепного и степного Заволжья до середины XIX в. ныне опираются на богатую источниковую базу. Ее создание стало возможным, прежде всего, благодаря выявлению значительного комплекса архивных материалов. Они использованы и представлены в работах отдельных исследователей, включая опубликованные в Ежегодниках и Материалах сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, особенно в 2008–2016 гг., а также в коллективных монографиях последних лет. Среди последних следует особо выделить обобщающие труды самарских историков. В 2007 г. вышла книга «Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий». В 2013–2014 гг. был издан двухтомник «"Обретение родины": общество и власть в Среднем Поволжье». Оба исследования охватывают XVI – начало XX в., включая рассматриваемый нами период.

Источниковая база включает документы, выявленные к настоящему времени почти в полутора сотнях фондов архивов Москвы, Санкт-Петербурга и ряда региональных центров. Хранящиеся в них документы очень разнообразны. Здесь и законодательные материалы, и делопроизводство государственных учреждений, и гражданские акты, и судебные дела, и статистические сведения анкет, отчетов, переписей, и другие виды источников.

До 1851 г. изучаемая территория не имела общей административной принадлежности. Документальные материалы по ее истории не сосредоточены в каком-нибудь одном региональном архиве, а разбросаны по многим городам (Ульяновск, Оренбург, Саратов, Казань, Самара и др.). К тому же их сохранность не совсем удовлетворительна, потому что архивы в городах юго-востока Европейской России нередко целиком или частично гибли в пожарах, от небрежения и в силу прочих причин. Приходится постоянно обращаться к материалам, отложившимся в столичных архивах. В Москве это – РГАДА, РГВИА и ГАРФ, в Санкт-Петербурге –

РГИА и Научный архив РГО. Ценный материал также имеются в рукописных отделах крупных библиотек (РГБ, РНБ, БАН, областные и республиканские библиотеки).

Так, в РГАДА для нашей темы интересны, прежде всего, источники по освоению новых земель в XVIII в. Они хранятся в фондах и делах органов власти и управления казенными, дворцовыми, церковными землями и крестьянами, местных и временных учреждений, которые действовали на заволжских территориях в пору их первоначального заселения. В этом же архивохранилище имеются, что очень важно, те первичные и обобщенные материалы первых трех ревизий, Генерального и других межеваний, которые зачастую не сохранились в местных архивах.

В обширном фонде РГАДА, какой был сформирован из дел Сената, важна, конечно, работа со значимыми включениями документов. По первой половине XVIII в. такими, например, являются дела Оренбургской экспедиции или следственной комиссии по делу ее руководителя Татищева. Близкие по времени и содержанию источники, заметим, имеются в Государственном архиве Оренбургской области. Дополнительные сведения, относящиеся не только к служилому, но и к земледельческому населению юго-востока России, можно обнаружить в фондах РГВИА.

Архивные документы, относящиеся к Заволжью, второй половины XVIII – первой половины XIX в. представлены разнообразнее по составу, обильнее по количеству и шире по территориальному охвату. Затруднительно даже кратко перечислить все фонды многочисленных центральных и местных органов власти, которые содержат эти документы. В РГИА следует обратить особое внимание на дела ведомств, которые отвечали за регулирование и поддержку переселенческого движения, а именно Министерства финансов и Министерства государственных имуществ. В том же архиве документы Министерства внутренних дел освещают причины и механизмы создания Самарской губернии. Кроме того, источниковую базу для исторического исследования этого времени пополняют фонды вотчинных и личных архивов крупных землевладельцев. Среди последних следует отметить материалы

Орловых и Орловых-Давыдовых, Паниных, Салтыковых, Державиных, Кавелиных и других помещиков исследуемого региона. Сохранились фонды учреждений и добровольных ассоциаций, которые вели научную работу: Русского географического общества, Вольного экономического общества, статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий. Нельзя обойти вниманием и те различные архивные и библиотечные собрания, где был выявлен ценный для исследований по заселению юго-востока Европейской России графический материал: рукописные карты, схемы, чертежи и проч.

Таким образом, разнообразные архивные источники в настоящее время составляют основу источниковой базы для изучения крестьянского заселения и аграрного освоения окраин дореформенной России, включая Заволжье. Имеющиеся исследования далеко не исчерпали потенциал этих источников. В результате научного поиска их круг продолжает расширяться. Проявляется тенденция к активному применению новейших исследовательских методов и приемов анализа источников.

Д.А. Пшеницын¹

**Брачность крестьянства на севере России
в первой половине XVIII в.**

Проблемы исторической демографии активно исследовались в выступлениях и трудах участников аграрного Симпозиума (Ю.Ю. Кахк, Я.Е. Водарский, Н.А. Горская, В.В. Канищев, Е.Н. Швейковская и др.). Актуальной историко-демографической тематике посвящались его отдельные сессии: Таллинская 1984 г. (социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни) и Уфимская 2016 г. (демографические процессы в связи с аграрным освоением России).

В массовых источниках по исторической демографии особое место занимают метрические книги, введенные рядом петровских указов (1702, 1718, 1722 гг.). Будучи документами церковного

¹ Пшеницын Дмитрий Александрович, научный сотрудник ООО «Древности», dimaximus72@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

учета рождаемости (крещений), брачности и смертности, они далеко не сразу получили практическое применение, в то время как предшествовавшие им венечные памяти и записные книги венечных пошлин продолжали активно функционировать еще длительное время, вплоть до 1760-х годов.

В фонде «Духовная консистория» Великоустюжского центрального архива (Ф. 363) автором был выявлен массив записных (сборных) книг венечных пошлин – более 400, относящихся ко всем уездам и приходам обширной епархии (Устюжский, Тотемский, Лальский, Сольвычегодский, Яренский с преобладающим в них государственным крестьянством) за 1703–1765 гг. Происхождением своим книги связаны с известным еще в XVI–XVII вв. институтом попов-заказчиков, выдававших венечные памяти и фиксировавших взятые за них пошлины в архиерейский казенный приказ. В этих книгах отражена церковная регистрация браков среди крестьян по четырем «мясястям» в году – Рождественскому, Великоденскому, Петропавловскому и Успенскому, соотношение в структуре брачности первых, вторых и третьих браков, а также фиксация незаконной рождаемости.

Наши подсчеты показали, что в структуре брачности черносошных крестьян севернорусских уездов по-прежнему преобладали первые браки – в разные годы от 62 до 75 %; доля полуторных (когда вдовец женился на девице) – до 15–20 %, вторых – от 7–9 % до 27–32 %; доля третьих – 3–9 %. В отношении сезонных колебаний брачности заметны зимние свадьбы, по преимуществу после Рождества Христова.

Помимо демографического и источниковедческого, данная тема имеет еще и несомненный налоговый аспект, затрагивавший жизненные интересы крестьянства. В 1714 г. двумя именными указами Петра I с венечных памятей был введен сбор лазаретных денег «вдвое» в дополнение к брачным пошлинам (их размеры тогда не регламентировались правительством). Это, по сути, на 100 % повышало расходы крестьян на церковную регистрацию браков и отражало неизбежное в условиях Петровских реформ и Северной войны усиление косвенного налогообложения. Если венечные по-

шлины поступали в архиерейскую казну, то лазаретные деньги как «новоприбылые», сбор которых возлагался на церковь, – в канцелярию Сената по трем третям года – в апреле, августе и октябре.

В реестре сборов Великоустюжской епархии за 1720-е гг. среди неокладных статей размеры вечных, лазаретных и пенных пошлин таковы: с первого брака 20 коп., со второго – 40, с третьего – 62, «з блудных дел пенных» 2 руб. 25 коп.; со свадеб причетниковых детей: с отрока новоженного 10 коп., выводных с девицы 16 коп. И если размеры пенных пошлин и взиманий с браков самих церковников совпадали с известными в XVII в., то наблюдаемые к записных книгах 1720-х гг. реальные выплаты с крестьянских браков были на 40–60 % выше нормативов, установленных патриаршими указами – Иоакима 1677 г. и Адриана 1697 г.

Совместными указами Сената и Синода от имени имп. Анны Иоанновны 1730 и 1731 гг. впервые были установлены размеры пошлин с вечных памятей, в определении величины которых правительство использовало нормативы, прописанные в свое время еще патриархами: первобрачных 12 коп., с полторабрачных 18, двоебрачных 25, тоебрачных 30 коп. Регулирующая роль государства в этой прежде сугубо церковной сфере вызвана (чем и мотивировались указы 1730–1731 гг.) поступлением с мест многих жалоб на чрезмерные поборы, «от чего народу, а паче маломочным людям и крестьянам чинится немалая тягость». При этом лазаретные деньги не отменялись, но и их размеры тоже четко определялись, хотя и становились в сумме своей меньше. Указ 1731 г. требовал также расписку получателя вечной памяти (или того, кто за него мог это сделать) «для сущей верности, кто вечную память возьмет». Реализация этого принципа в вечных книгах 1730–1760-х гг. придала последним более упорядоченный, потаблично и постатейно выстроенный вид.

Сравнение формуляра вечных памятей 1700-х и 1730–1760-х гг. показывает ослабление в них религиозного начала. Если еще в 1707–1718 гг. в них предписывалось священнику венчать брачующихся «по правилу святых апостол и святых отец», то в дальнейшем этот элемент формуляра исчезает: венчать

предписывалось в указное число, с обязательным предварительным проведением брачного обыска и уплатой брачных и лазаретных пошлин. Сплошной просмотр записных венечных книг за 1730–1760-е гг. убеждает также в неукоснительном соблюдении требований указов 1730–1731 гг. в отношении величины пошлин и табличной формы записей.

Л.М. Артамонова¹

**Полнота и репрезентативность преданий
о крестьянах-переселенцах как источников
по аграрному освоению Самарского Поволжья в XVIII в.**

Одним из путей расширения источниковой базы для изучения истории сельской миграции и народной колонизации в России является привлечение историко-топонимических преданий об основании селений крестьянами-переселенцами. С целью выявления их полноты и репрезентативности в настоящем сообщении исследуются записи преданий, относящиеся к территориям Самарского края, подвергшимся заселению в XVII – начале XVIII в. (Самарская Лука и ее окрестности) и в середине XVIII в. (Заволжье).

Наряду с выявлением устных преданий, проводилась их сверка с другими источниками. Предания, несомненно, обладают самостоятельной фольклорной, этнографической и лингвистической ценностью. Однако историческая достоверность преданий не может быть выведена из них самих, она проявляется только в сопоставлении с документами делопроизводства, актами, статистическим материалами и другими документами.

В большинстве случаев источник, даже записанный, но донесший устную традицию, выступает важным дополнением к письменному. Он приносит пользу при передаче бытовых деталей и имен первопоселенцев, объяснении топонимов и уточнении датировки, выявлении иных подробностей перехода на новые земли. Особенно убедительные результаты дает сравнение преданий с ре-

¹ *Артамонова Людмила Михайловна*, доктор исторических наук, Самарский государственный институт культуры, artamonovoi@mail.ru, Россия, г. Самара.

визскими сказками и наказами крестьян в Уложенную комиссию, материалами делопроизводства и судопроизводства, записками путешественников. При этом в каждом конкретном случае требуется учет как обстоятельств появления документов, так и условий бытования устной традиции, тщательное их сопоставление.

В настоящее время изучаемая устная традиция практически прекратилась и сохранилась только в виде записей прежде бытовавших рассказов. Сгруппировать предания можно по времени и обстоятельствам фиксации, а также по развернутости изложения. Наиболее ранние записи XIX – начала XX в. встречаются в летописях местных храмов и приходов, в периодических изданиях, статистических и справочных трудах. Более поздние, что были собраны в советское время, частично опубликованы, частично сохранились в экспедиционных отчетах. Как дореволюционные, так и более современные записи делались или местными жителями в основном из числа церковнослужителей и светской интеллигенции, или в ходе специальных научных изысканий этнографов, статистиков, лингвистов, фольклористов. Записи могут иметь форму припоминания конкретных фактов, связанных с происхождением селения, его названия и окружающих топонимов. Однако рассказчик мог оформить предание как развернутое фабульное повествование с героическим, назидательным или бытовым сюжетом. Более исторически достоверными представляются предания 1) более ранние по времени записи; 2) зафиксированные людьми, что живут в описанных местах или тесно связаны с последними, а потому лучше знающими устную традицию, чем даже профессиональные исследователи, приезжавшие сюда ненадолго; 3) не вплетенные в ткань сложного по композиции рассказа.

Уже в XIX – начале XX в. заметна была разница в достоверности преданий, зафиксированных в селениях, где имелись старинные документы на владение землей, и там, где таковых не было. На Самарской Луке в середине XIX в. были сделаны записи устных преданий преимущественно русских переселенцев. Зафиксировали их образованные священники, занимавшиеся краеведческими изысканиями.

Во второй половине XIX в. с образованием Самарской губернии на левом берегу Волги и началом издания «Самарских епархиальных

ведомостей» ряд священников приступает к записям историко-топонимических преданий в селениях Заволжья. Среди подключившихся к этой работе были также учителя и чиновники. В советское время и современной России сбором преданий продолжают заниматься, с одной стороны, местные любители, а с другой, этот материал накапливался в ходе научных изысканий приезжавшими в старинные селения этнографами, историками, лингвистами и фольклористами.

Из этнических групп, осваивавших Заволжье, самый большой корпус устных источников оставило чувашское население бассейна Черемшана, Сока, Самары и их притоков. Это связано с их принадлежностью исключительно к государственным крестьянам, чья устная традиция особенно долго и прочно опиралась на документы, хранящиеся в общинах и храмах. Кроме того, благоприятствует изучению достоверности этих преданий то обстоятельство, что как раз от государственных крестьян составлялись такие сохранившиеся письменные источники, как наказы в Уложенную комиссию Екатерины II, а в архивах сохранились лучше всего ревизские сказки именно этой категории крестьянства. Это дает возможность сопоставления источников как устных, так и письменных.

Несомненно, что историко-топонимические предания могут и должны быть использованы в исследованиях по проблеме заселения и освоения Самарского Поволжья. Особенно это касается периодов, для которых документальная база является минимальной. Однако в каждом конкретном случае требуется учет условий появления и обстоятельств записи предания, тщательное сопоставление устной традиции с письменными источниками.

В результате проведенного исследования наиболее продуктивным представляется поиск и изучение преданий о крестьянских переселениях на Самарскую Луку и в Заволжье, относящихся к концу XVII – XVIII в. Устные сведения о более ранних временах плохо поддаются проверке из-за недостатка иных источников. Для конца XVIII – XIX в. эти сведения лишь незначительно дополняют разнообразные и подробные письменные материалы, рисующие картину сельских миграционных процессов в дореволюционной России.

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ П СЕКЦИИ
Вторая половина XIX – начало XX в.**

М.И. Роднов¹

**Дворянская усадьба Уфимского уезда
второй половины XIX – начала XX в.**

При изучении помещичьего хозяйства, одного из основных субъектов экономической жизни пореформенной России, особый интерес вызывает судьба усадебных комплексов, включавших жилые и хозяйственные строения, садово-парковые ансамбли. Дворянская усадьба – своеобразный микрокосм, эпицентр помещичьего мира, состояние их – самый наглядный показатель уровня благополучия и экономического развития.

При отмене крепостного права, служившие при усадьбах крепостные дворовые люди учитывались отдельно, так как условия их выхода на волю отличались от условий для основной массы крестьянства. Наличие дворовых почти точно позволяет установить количество и размер барских усадеб.

В 1861 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» были опубликованы списки всех помещичьих хозяйств края, в том числе приведены сведения о дворовой прислуге. Изучение сплошного массива уставных грамот, выкупных сделок, прессы и другой документации позволило установить примерную судьбу практически всех помещичьих хозяйств самого дворянского Уфимского уезда Уфимской (до 1865 г. Оренбургской) губернии.

Всего в Уфимском уезде в 1861 г. насчитывалось 226 дворянских усадеб с крепостной прислугой. Из них уже в 1860-е гг. было уничтожено (снесено или продано) 52 усадьбы, в 1870-е гг. – 80

¹ *Роднов Михаил Игоревич*, доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, mrodnov@ufanet.ru, Россия, г. Уфа.

усадеб. За первые два пореформенных десятилетия 132 из 226 дворянских усадеб, т.е. более половины имевшихся, прекратили свое существование.

Пик разорения уфимского дворянства пришелся на 1870-е гг., когда в уезде почти все крепостные перешли на выкуп. Помещики юридически отделили свои земли от крестьянских наделов, прекратились всякие обязательные отношения. В 1880-е гг. исчезло еще 33 усадьбы, в 1890-е гг. – 23 усадебных комплекса. Начал работу дуэт Дворянского и Крестьянского банков, где помещики могли на льготных условиях закладывать землю и которые помогали с распродажей угодий. Но остановить процесс ликвидации помещичьих усадеб было уже невозможно. В результате, в начале XX в. в Уфимском уезде продолжали существовать лишь 38 из 226 дореформенных усадебных комплексов, или 16,8 % от общего количества. Если вычесть из этого числа омужичившихся дворян-однородцев и пригородные дачи, то можно утверждать, что старое уфимское дворянство почти сошло с исторической сцены.

Из-за разницы в природно-географических и исторических условиях разделим Уфимский уезд по сторонам света на северо-восточные лесные и юго-западные лесостепные волости. На северо-востоке из 95 дворянских усадеб в 1860–1870-е гг. исчезло 62 (65 %), в 1880–1890-е гг. – 21 (22 %), в начале XX в. продолжали существовать 12 усадеб (13 %). На юго-западе Уфимского уезда из 131 дворянской усадьбы 70 особняков (53 %) закончили свою историю в 1860–1870-е гг., в следующие два десятилетия – 35 усадеб (27 %), в 1900-е гг. существовали 26 усадеб (20 %). Благоприятные природные условия, черноземные почвы способствовали большей устойчивости дворянских хозяйств на юго-западе, замедляли темпы разорения, но полностью остановить их не могли. Главными оставались внутренние факторы. Неспособность абсолютного большинства старого дореформенного дворянства перейти на новые, рыночные методы хозяйствования неизбежно вела к ликвидации помещичье-усадебного мира «вишневых садов».

Наплыв переселенцев с 1880-х гг. сделал главным доходом многих уфимских помещиков не сельское хозяйство, а торговлю землей.

Среди преуспевавших дворянских экономий начала XX в. уже преобладало «новое» дворянство, скупавшее старые поместья, где организовывалось чисто предпринимательское производство.

Судьба старого дворянства на окраине Европейской России показывает не только региональную специфику (обилие земель, низкие цены, слабые коммуникации), но и демонстрирует своеобразный альтернативный вариант развития. Если бы не попечительская политика государства с 1880-х гг. по сохранению землевладения привилегированного дворянского сословия, то аналогичные процессы вполне могли происходить в большинстве губерний. В условиях свободного рынка к началу 1900-х гг. старое правящее сословие могло бы лишиться своей экономической базы, что прямо повлияло бы на смену элит в Российской империи со всеми последствиями.

Но всесторонняя поддержка дворянского хозяйства приносила дивиденды только крупному и среднему помещичьему хозяйству. Массовое разорение мелкого дворянства, самого многочисленного слоя правящей элиты, приводило к его деградации, от омужичивания и обуржуазивания до перехода в ряды контрэлит (революционного подполья).

В Уфимской губернии в земстве, сосредоточении административной элиты, представители старого дореформенного дворянства в 1900-е гг. ушли на второй план, составляли незначительное меньшинство, не оказывая почти никакого влияния на политическую и социокультурную обстановку в крае.

Е.П. Баринава¹

**Дворянство и крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.:
проблемы взаимоотношений**

Участие дворянских корпоративных обществ в местном управлении предусматривалось законодательством и заключалось в особой роли уездных и губернских предводителей дворя-

¹ Баринава Екатерина Петровна, доктор исторических наук, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, rfiz25@yandex.ru, Россия, г. Самара.

нства в администрации. С отменой крепостного права правительство оказалось перед необходимостью создания новых форм регулирования отношений между крестьянской общиной и дворянскими корпоративными организациями. Основным направлением деятельности уездного предводителя дворянства был контроль функционирования земских начальников и руководство заседаниями уездного съезда, на которых разбирали судебные и административные дела. Земский начальник смотрел за всеми органами крестьянского управления и ревизовал их. Жалобы на должностных лиц крестьянского управления он разрешал собственной властью, рассматривал все приговоры сходов и надзирал за состоянием мирских капиталов. Закон о земских начальниках существенно ограничивал самостоятельность крестьянских сходов. Земский начальник, под предлогом заботы о нравственном благосостоянии крестьян мог повлиять на их частную жизнь, подвергать подведомственных ему лиц крестьянского общественного управления за неисполнение своих распоряжений штрафу или аресту до 3 дней.

Положение о земских начальниках критиковалось известными общественными деятелями конца XIX в. Главными его недостатками считалась сословность, совмещение административных и судебных функций, отсутствие точного обозначения прав и обязанностей новой должности и отсюда ее «индивидуальность». Противоречило понятию правового порядка допущение применения дисциплинарных взысканий без суда по личному усмотрению земского начальника. Происходило снижение морального уровня личного состава земских начальников. Часть земских начальников творили произвол по отношению к крестьянству или же «были склонны к бездействию». Введение института земских начальников вызвало критику в публицистических статьях как либеральных, так и радикальных политических партий и течений. Эта негативная оценка была воспринята советской историографией.

Однако институт земских начальников состоял не только из «Митрофанушек» и «банды отставных офицеров», но и из об-

разованных дворян, стремящихся оказать крестьянам реальную помощь в решении правовых и хозяйственных проблем. Либеральные представители дворянского сословия считали, что развитие сельского хозяйства зависит от уровня образования крестьян, развития их хозяйственной инициативы и обеспечения свободы личности крестьянина. Помещики отмечали слабое развитие основ нравственности у крестьянства, непонимание ими своих прав и обязанностей. Административная политика была крайне противоречивой, не находила отклика и поддержки в крестьянской среде. На земских начальников было возложено попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном «преуспевании» крестьян.

Многие либерально настроенные дворянские деятели считали целесообразным демократизацию состава гласных земств, привлечение крепких хозяйственников недворянского происхождения, так как эта мера могла бы способствовать сближению интересов различных сословий, служить перевоспитанию крестьянского населения. Дворянство выступало за создание класса крестьян-собственников, с этой целью в ряде местных комитетов предлагалась отмена круговой поруки. На заседаниях уездных местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности велись споры об общинном и подворном землевладении, о необходимости облегчить крестьянам выход из общины. Часть дворянства резко критиковала общинный порядок. Выступая против общины, за оказание крестьянам содействия в покупке земли, помещики стремились превратить крестьянина в надежного союзника в борьбе за сохранение частной собственности. Укрепление наделов в собственность крестьян, создание хуторов, облегчение переселения в Сибирь, отмена или изменение размера выкупных платежей, продажа крестьянам земли – все эти меры должны были превратить крестьянина в опору помещика в деревне. Выступая за уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, отмену телесных наказаний, развитие крестьянского самоуправления, расширение крестьянского представительства в земстве путем создания мелкой земской

единицы, дворяне-землевладельцы, тем не менее, не забывали и о необходимости укрепления помещичьего хозяйства.

В обществе преобладало мнение, что община была создана правительством в своих интересах, и, следовательно, правительство могло ее ограничить либо уничтожить. В деле упрочения благосостояния деревни помещики рассчитывали лишь на развитие у крестьян инстинкта собственника. Поэтому они выступали за уничтожение словесных ограничений крестьян в праве пользования землей. От политики сохранения сельской поземельной общины помещики перешли к требованиям разрушить ее и создать класс крестьян-собственников, который должен был стать союзником дворян в борьбе против революционного движения, как в деревне, так и в городе. Во время первой русской революции 1905–1907 гг. крестьянство реально осознало свои возможности, дворянство же почувствовало ущербность и ненадежность своих позиций.

В ходе столыпинской реформы община была противопоставлена рациональным основам хозяйствования. С точки зрения крестьян вся помещичья земля должна была перейти в их руки. Они боролись против частной собственности, всего того, что угрожало уравнительности. Их противниками стали не только помещики, но и хуторяне, которых не любили за расчетливость и мироедство и которым завидовали. Власть поняла необходимость изменения взаимоотношений между сословиями, но реально так и не смогла ничего сделать.

Н.А. Жиров¹

**Крестьянское землевладение в Орловской губернии
на рубеже XIX–XX вв.**

На рубеже XIX–XX вв. крестьянское хозяйство губерний аграрного центра России находилось в затяжном кризисе, что довольно подробно освещено в отечественной исторической науке.

¹ *Жиров Николай Анатольевич*, кандидат исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, zhirov-nikolai@mail.ru, Россия, г. Елец.

К началу XX в. уровень распашки территории Орловской губернии приблизился к 84 %. Среди губерний аграрного пояса Центральной России этот показатель был выше только в Курской губернии – 88 %. Земельная площадь Орловской губернии, согласно сведениям Центрального статистического комитета, в 1905 г. составляла 4010900 дес. земли, из них наделной крестьянской земли – 2009101 дес. По сведениям 1877 г., площадь наделной крестьянской земли практически не изменилась относительно владений государства, церкви и частных владельцев (с 49,9 % в 1877 до 50,1 % в 1905 г.).

Размеры крестьянского общинного землевладения за пореформенные десятилетия в аграрном центре существенно увеличились, при этом душевое земельное обеспечение сократилось из-за роста населения в среднем по стране почти в два раза (с 4,8 до 2,6 дес.). В Орловской губернии с 1877 по 1905 г. фонд крестьянских наделных земель вырос со 100 тыс. дес. до 196 тыс. или в 1,96 раза. При этом у разных категорий крестьян земельный надел на один крестьянский двор существенно сократился: у владельческих крестьян в среднем с 8,3 до 5,9 дес., у государственных крестьян – с 11,6 до 8,3 дес.

Уменьшение земельного надела на один крестьянский двор не отражает реальной картины землевладения в губернии, так как за последние десятилетия XIX в. усилилось имущественное расслоение деревни в сторону роста числа малоземельных крестьян (менее 5 дес. земли на двор) и середняков (5–10 дес. земли на двор). Среди крестьян первой группы (так называемых «малоземельных») в среднем на 1 двор приходилось около 3,8 дес. земли. Большинство малоземельных крестьян проживало в Елецком и Ливенском уездах. В результате, несмотря на то, что эти уезды находились в черноземной зоне, экономическая стабильность местных землевладельцев находилась примерно в равных условиях по сравнению с нечерноземными уездами губернии.

В ряде центральных уездов наметилась деградация севооборота и вынужденный переход крестьян от трехполья к двуполью, а у самых бедных слоев – даже к однополью из-за острой нехватки па-

хотных угодий. Главная причина крылась в чересполосице крестьянских наделов. Надел состоял из множества полос, ширина которых могла достигать всего до нескольких аршин земли, а длина – до нескольких верст. Качественная и своевременная обработка земли в таких условиях была затруднительна, а частые переделы (как внутриобщинные, так и семейные) ставили под сомнение целесообразность интенсификации ведения хозяйства, например внесения удобрений.

Хотя за период с 1877 по 1905 г. урожайность озимых хлебов в Орловской губернии выросла на 5 %, это произошло в основном за счет успехов владельческих экономий, а не путем улучшения крестьянского хозяйствования.

В отчетах местной политической и общей полиции с конца XIX в. стала фигурировать тема кризиса крестьянского землевладения и ухудшения экономического положения сельских жителей. Малоземелье, разные экономические условия и отсутствие местных заработков побуждали многих крестьян искать работу вне Елецкого уезда. Экономическое положение крестьян, особенно в неурожайный год, было плачевным. Согласно конской переписи в 1901 г. из 38 тыс. домохозяев Ливенского уезда у 10600 не было рабочих лошадей. Дробление земли, прирост населения, низкие закупочные цены на продукты сельского хозяйства в урожайные годы и частые неурожай стали привычным явлением в жизни уезда.

Кризис аграрного производства в центрально-черноземных губерниях Российской империи в первую очередь был связан с особенностями крестьянского землевладения, существовавшими до столыпинских преобразований: общинной чересполосицей, частыми семейными переделами, отсутствием новых приемов в земледелии и т.д. Решением проблемы могла стать аграрная реформа, начатая в 1906 г., но только при условии должного финансирования и всемерного содействия государства в ее реализации. Реформа так и не была доведена до конца, что, в итоге привело в октябре 1917 г. к более радикальному способу решения земельного вопроса в России.

Р.М. Житин¹

**Некоторые особенности экономики крупного помещичьего хозяйства в конце XIX – начале XX века
(по материалам Ракитянского имения Юсуповых
и Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых)**

Землевладение высшей дворянской аристократии продолжает оставаться весьма интересной для рассмотрения темой. В условиях пореформенного времени латифундисты сохранили свое политическое влияние, значительную финансовую и земельную собственность, что говорит о возможностях адаптации элиты. В работе рассмотрены вопросы хозяйственной организации земельных владений дворянства на микроуровне отдельно взятых поместий. В качестве объекта изучения были выбраны Ново-Покровское имение графа А.В. Орлова-Давыдова (Тамбовская губерния) и Ракитянское владение Юсуповых (Курская губерния). Эти хозяйства интересны с точки зрения практикуемых в них организационных решений и развитой системы производства.

Как в Ново-Покровском, так и в Ракитянском имениях одной из важнейших составляющих местной экономики были инвестиции в сельскохозяйственное производство. Показателем успехов в этой сфере являются данные о количестве вложений на десятину площади. Несмотря на то, что по данному показателю Ново-Покровская экономия более чем в 2 раза отставала от Ракитянского имения (11,9 руб. против 26), уровень механизации и в том и в другом был высоким, поскольку общероссийский показатель для начала XX в. не превышал и 4 руб. на десятину. Таким образом, в начале XX в. имения превратились в крупные высокомеханизированные центры сельскохозяйственного производства.

Появление новой техники по-разному отражалось на производственном комплексе. Если в Ракитном рост числа машин сопровождался уменьшением числа лошадей (1908 г. – 1500, 1913 г. – 1391), то в Ново-Покровке использование механизмов происходи-

¹ Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, istorik08@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

ло на фоне увеличения поголовья рабочего скота (384 и 1080, соответственно). Эти данные свидетельствуют о двух уровнях организации хозяйств. Ново-Покровка находилась еще на начальной стадии технической модернизации, и хозяин вкладывал деньги, как в живой, так и в мертвый инвентарь. А Ракитянское имение уже достигло того уровня, когда механизация стала влиять на другие компоненты помещичьего хозяйства.

Характерным явлением в развитии местного производственного комплекса был процесс специализации полеводства и выбор наиболее рентабельных производств. В конце XIX – начале XX в. Юсуповы останавливаются на свеклосахарном производстве. Из 52 новых сеялок, поступивших в 1906 г. в Ракитное, 42 предназначались для свекловичного хозяйства.

В имениях практиковалась сдача земли в аренду крестьянам. В Ракитном такая сдача использовалась для привлечения дополнительных наемных работников. В Ново-Покровском имении аренда служила способом получения дополнительного дохода с неиспользуемой в хозяйстве земли, по мере ее вовлечения в севооборот аренда сокращалась. Что касается наемных рабочих, то их привлечение в имение проводилось практически всегда по договорам свободного найма.

В Поволжских владениях Орловых-Давыдовых, их экономиях в Подмоскovie, Орловской и Воронежской губерниях шло усиленное сокращение собственной запашки и рост отданной в аренду крестьянам земли. С 1900 по 1910 г. собственное хозяйство Орловых-Давыдовых сократилось с 37,9 до 23,1 тыс. десятин. Широко практиковалась аренда на один посев (48 %), практически была ликвидирована испольщина, на 12,3 % сократились долгосрочные контракты с крестьянами.

По-видимому, модернизация Ново-Покровской экономии была следствием частичного реинвестирования средств из других владений семьи. Помещики предпочитали вкладывать свои средства не во все имения, а только в одно-два, социально-экономическая динамика которых способствовала получению высоких прибылей. Такие хозяйства являлись крупными очагами

концентрации сельскохозяйственной техники, наемных рабочих и производства.

В Ракитянском имении практиковали аналогичную стратегию. В 1900 г. Ракитянский сахарный завод дал 311 тыс. руб. прибыли, в то время как остальные 12 владений семьи принесли только 313 тыс. руб. чистого дохода.

Таким образом, в начале XX в. в имениях шла активная модернизация всей системы полеводства. Владельцы экономий развивали наиболее рентабельные отрасли производства, повышали уровень технической оснащенности хозяйств, однако в условиях развития сельскохозяйственного кризиса каждое из владений выбрало свою тактику. В Ново-Покровке произошел почти полный отказ от отработок, инвестирование в бюджет имения происходило за счет средств других экономий Орловых-Давыдовых. В Ракитном умело сочетали отработочную и капиталистическую систему хозяйства.

Р.В. Синицын¹

**Об одном неудачном опыте анализа
урожайной статистики в дореволюционной России**

В настоящее время, на фоне полемики об уровне жизни населения в начале XX в. и наличии объективных предпосылок для революции, вновь был поднят вопрос о достоверности дореволюционной урожайной статистики. Соответственно, стали востребованы работы статистиков прошлого по этой теме. В их числе видное место занимает книга Д.Н. Иванцова «К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных». В ней Д.Н. Иванцов предпринял попытку оценить достоверность трех источников дореволюционной урожайной статистики – данных ЦСК МВД, МГИ и земств. При публикации работа получила высокую оценку, и по сей день Д.Н. Иванцов признается одним из авторитетов в данном вопросе.

¹ Синицын Роман Витальевич, кандидат экономических наук, Брянский филиал Финансового университета при правительстве РФ, rsinicyn@yandex.ru, Россия, г. Брянск.

Однако до сих пор не проводилось критической проверки обоснованности содержания и выводов Иванцова. Между тем такая проверка показывает, что работа выполнена автором небрежно и содержит серьезные ошибки. Ошибки, допущенные Иванцовым, делятся на расчетные и методологические. Первые имеются на с. 153–155, 156–157 книги. При всей своей незначительности они ставят под вопрос правильность всех расчетов Иванцова и не позволяют использовать их без перепроверки.

Более серьезными являются методологические ошибки, сделанные в исследовании. В 1-й главе Иванцов оценил достоверность данных о средней урожайности зерновых в Европейской России в 1885–1908 гг. по величине расхождений между отдельными источниками. Он рассчитал средние значения урожайности в губерниях по данным отдельных ведомств и определил фактические различия между ними. Затем высчитал теоретически возможные предельные расхождения, сопоставил эти величины и сделал вывод о достоверности оценок средней урожайности.

Но Иванцов рассчитал среднюю урожайность в губерниях по методу средней арифметической простой, а не взвешенной, т.е. неверно. Значит неверны и цифры отклонений ежегодных значений урожайности от средних, их квадраты, дисперсия и ошибка разности двух средних (превышение последней фактическим расхождением Иванцов считал свидетельством недостоверности статистики).

Кроме того, губернские выборки являются малыми (менее 30 единиц), в их отношении используют распределение Стьюдента, и при расчете предельных расхождений дисперсию корректируют на потерю степеней свободы. Иванцов этого не делал, что усилило ошибочность расчетов. Таким образом, результаты анализа, проведенного в 1-й главе «Критики», не могут быть признаны удовлетворительными.

Проводя во 2-й главе исследование данных о динамике показателей урожайности, Иванцов применил корреляционный анализ. Однако этот метод используется для выявления тесноты связи между явлениями, находящимися в причинно-следственной зависимости, которой нет между рассмотренными Иванцовым рядами

данных. Синхронность изменения показателей, оцененная Иванцовым, порождается не корреляционной связью (проявляется в том, что с изменением значения факторного признака (причины) изменяется среднее значение результативного признака (следствия), а сопряженностью статистических рядов благодаря наличию общей причины: все ряды данных отражали урожайность зерновых на одной территории.

Таким образом, выводы, сделанные на основе коэффициентов корреляции во 2-й главе «Критики», не могут быть признаны достоверными. Первым из них является тезис о том, что наиболее достоверные оценки средних урожаев дает статистика земств (их цифры занимают промежуточное положение между самыми низкими оценками, сделанными ЦСК, и самыми высокими, исходящими от ОСЭ).

На рубеже XIX–XX вв. в России урожайность определялась методом выборочного наблюдения. МВД, МГИ и земства формировали собственные выборки, различавшиеся по составу и объему. Чем шире выборка, тем ближе она по составу к генеральной совокупности и тем точнее воспроизводит ее параметры (при прочих равных условиях). Поскольку выборка МВД была самой широкой, данные этого ведомства должны быть признаны наиболее достоверными.

Спорным является утверждение Иванцова о ненадежности ежегодных показателей урожайности, основанное на том, что оценки ЦСК и земств расходятся порой более чем на 15 %. Во-первых, этот предел Иванцов установил произвольно, не обосновав чрезмерность расхождений, превышающих 15 %. Во-вторых, абсолютное расхождение отдельных оценок не может считаться бесспорным свидетельством недостоверности статистики, ибо различия между показателями урожайности могут быть очень значительными (урожайность, являясь равнодействующей многих факторов, колеблется не только в пределах губернии/уезда, но и одного сельского мира).

Спорен вывод о том, что различия между цифрами ЦСК и земств о посевных площадях свидетельствуют об их недостоверности. МВД и земства могли получать от своих корреспондентов

достоверные данные, но если те предоставляли информацию о разных видах площадей, то оценки не могли не расходиться.

Ошибочен тезис о том, что свидетельством ненадежности статистики выступает несоответствие прогнозов валовых сборов и урожайности разных организаций, прогнозов и окончательных оценок урожая, ибо оно характеризует качество прогнозирования.

Наконец, следует прокомментировать общее заключение Иванцова о достоверности средних за ряд лет показателей урожайности и ненадежности ежегодных: если ежегодные показатели фиктивны, то, очевидно, и определенные на их основе средние показатели не могут быть достоверными.

Таким образом, можно сделать вывод, что выявленные особенности работы Иванцова ставят на повестку дня вопрос о переоценке ее научной значимости и о возможности использования ее для обоснования тезиса о недостоверности/достоверности дореволюционной урожайной статистики.

В.Н. Никулин¹

Крестьянские промыслы в России второй половины XIX – начала XX века в современной отечественной историографии

В рубеже XX–XXI вв. были опубликованы книги, статьи, подготовлены и защищены диссертации, в которых историки рассмотрели различные аспекты истории крестьянских промыслов в России второй половины XIX – начала XX столетия.

Заметным вкладом в историографию темы стала монография К.Н. Тарновского по истории кустарной промышленности дореволюционной России. Автор определил пути эволюции мелкотоварного производства, отметил зависимое положение кустарной промышленности от политики правительства. Тарновский выделил кустарно-промысловые районы местного и общероссийского значения, имевшиеся в стране в начале XX в. В поле зрения историка оказались вопросы, связанные с размещением крестьянских про-

¹ *Никулин Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

мыслов в губерниях Европейской части России, с уровнем их развития, историко-культурными традициями, капиталистической эволюцией и политикой правительства. В книге приведены сведения о времени возникновения либо затухания отдельных промыслов, числе промышленников и объеме производимой ими продукции. Тарновский исследовал характер производственных отношений в кустарной промышленности, технологию производства различных изделий, взаимоотношения крестьян-промышленников с представителями торгового и промышленного капитала.

О постоянном интересе исследователей к истории неземледельческих занятий крестьян России свидетельствует проведенная в 2006 г. в Туле XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, целиком посвященная промыслам. Ее участниками были рассмотрены многочисленные вопросы, связанные с местными кустарными и отхожими неземледельческими занятиями крестьян – от характеристики вариантов классификации и группировки промыслов в работах земских исследователей до влияния промыслов на ментальность крестьянского социума.

Изучение крестьянских промыслов шло по двум направлениям. Одни историки исследовали историю промыслов в отдельных регионах (Александров Н.М., Архипова Л.М., Буданов Г.А., Ватутина В.В., Вересова Е.А., Верняев И.И., Вронский О.Г., Егоров В.Г., Зозуля О.А., Минаков А.С., Николаев Г.А., Оршанский Д.И., Палеолог М.В., Перепелицын А.В., Тарновский К.Н. и др.), губерниях или уездах России (Ватутина В.В., Вересова Е.А., Звонцова А.В., Карпачёв М.Д., Ковалёв Д.В., Никулин В.Н., Петровичева Е.М., Симонова Е.В., Страхов В.В., Холенкова С.Ю., Чиркин С.А. и др.). В центре их внимания оказывалась характеристика пространственного распределения промыслов, а также степень и условия воздействия промыслов на социально-экономические процессы в русской деревне. Другие исследователи уделили внимание описанию отдельных промыслов в различных местностях страны. Были обрисованы: крестьянский извоз (Токарев Н.В.), керамическое производство (Петрова Л.Л.), рыболовство и судостроение (Никулин В.Н.), крестецкий строче-

вой промысел (Бутылина С.И.), бондарное дело (Витухновская М.А.) и прочие промыслы. В поле зрения ученых остались и отхожие промыслы крестьян, влиявшие на все стороны экономической и социальной жизни пореформенной деревни (работы Александрова Н.М., Верняева И.И., Земцова Л.И., Звонцовой А.В., Ковалёва Д.В., Никулина В.Н., Смуровой О.В.), в том числе на соотношение традиций и новаций в хозяйственном поведении крестьян, обусловленное ростом отходничества (Кознова И.Е.).

Рассмотрен процесс эволюции промыслов, факторы, влиявшие на условия неземледельческих занятий крестьян. Так, прослежена организация железоделательного промысла в Новгородской губернии – от самостоятельного производства крестьянами-кустарями гвоздей и прочих изделий до Уломской кузнечной трудовой артели. Т.А. Корешкова пришла к выводу о том, что с переходом к кооперативным формам производства менялось не только положение крестьян, занимавшихся кузнечным промыслом и вовлеченных в артель, но и отношения между скупщиками и кузнецами. М.Д. Карпачёв, зафиксировав повышение мобильности крестьян к рубежу XIX–XX вв., подчеркнул, что наибольшую активность в неземледельческих промыслах демонстрировали зажиточные и бедняцкие крестьянские семьи, представлявшие разные социальные полюса воронежской деревни. По его мнению, промыслы «стали сильным фактором перехода воронежских крестьян от натурально-потребительского хозяйства к рыночному».

Все более заметным становится интерес исследователей к истории участия земств в становлении и развитии крестьянских промыслов (Зозуля О.А., Иванов А.А., Фукленков С.А.). По мнению Фукленкова, деятельность земств по сохранению и развитию крестьянских промыслов была продиктована не только их намерением повысить и стабилизировать доходы крестьян, но и стремлением обеспечить устойчивые налоговые отчисления земледельцев в земскую казну.

Причины широкого распространения неземледельческих промыслов историки видят в том, что «занятие промыслами для крестьян было почти таким же естественным, как и земледелие»

(Александров Н.М., Никулин В.Н., Петровичева Е.М., Рогалина Н.Л. и др.).

Опубликованы работы по историографии и источниковедению крестьянских промыслов (Галутво Л.М., Морозов Л.В., Никулин В.Н.); отношениям между крестьянами и местными властями (Звонцова А.В.). Историками проанализировано воздействие отхожих промыслов на демографическую ситуацию в деревне (Александров Н.М., Смурова О.В.); рассмотрен процесс эволюции политики правительства в отношении мелкой крестьянской промышленности (Архипова Л.М. и др.), показаны связи крестьянских промыслов с рынком (Ковалёв Д.В., Перепелицын А.В., Фурсов В.Н.).

Необходимо продолжение исследований о влиянии промысловых заработков на развитие крестьянского хозяйства и связанные с промыслами взаимоотношения внутри общины, о последствиях все более широкого вовлечения крестьянок в местные и отхожие промыслы на состояние крестьянского двора. Заслуживает большего внимания вопрос об экологических последствиях воздействия крестьян на природу в процессе промысловой деятельности; о влиянии фабрично-заводской промышленности и урбанизации на крестьянские промыслы, как местные, так и отхожие.

В.М. Рынков¹

Хлебный рынок Сибири в конце XIX – начале XX в.: итоги и перспективы изучения

Осмысление историографического опыта изучения хлебного рынка Сибири связано с решением двух ключевых проблем: освоением источниковой базы, включая определение адекватности методов ее анализа для исследования зернового хозяйства Сибири, и формированием основных подходов к изучению ее хлебного рынка.

Концептуальное осмысление упомянутой тематики началось еще современниками и инициаторами преобразования Сибири в начале XX в. Комитет Сибирской железной дороги предпринял серьезный анализ экономики Азиатской России, спрогнозировал

¹ Рынков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, vadsvet@list.ru, Россия, г. Новосибирск.

возможность и целесообразность заселения степей Южной Сибири и резкое увеличение валовых сборов хлеба в результате такого заселения. Кроме того, Комитет обосновал необходимость вывоза излишков зерна, уже имевшихся в Сибири и не находивших сбыта к концу XIX в. Спустя почти два десятилетия итоги переселенческой политике подвели проехавшие по Сибири П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин. Они отметили, что к 1911 г. фактором, сдерживавшим развитие сельского хозяйства Сибири, оставалась слабая транспортная инфраструктура, не позволявшая сбывать излишки произведенного хлеба в европейскую часть России и за рубеж. Они же наметили выход, состоявший, с их точки зрения, в переориентации сельскохозяйственного производства на животноводческое, мясо-молочное.

Серьезное изучение проблемы историками началось только в 1950–1960-е гг. Основные результаты представлены в публикациях Л.М. Горюшкина, И.А. Асалханова, В.Г. Тюкавкина и В.И. Пронина. Дореволюционные статистические данные по ключевым макроэкономическим показателям (посевные площади, урожайность, валовые сборы, вывоз за пределы Сибири) составлены ими в длинные динамические ряды, что позволило сделать вполне обоснованные выводы. Общий итог их исследований сводится к тому, что Сибирь являлась зоной стремительного формирования американского пути развития сельского хозяйства. Вместе с тем, преобладало экстенсивное аграрное освоение территории. От начала XX в. до кануна Первой мировой войны в Сибири происходила переориентация общей структуры посевных площадей на производство товарной культуры – пшеницы, что обусловило рост товарного выхода хлеба и его вывоза. Причем, проведение Транссибирской магистрали открыло возможность вывоза хлеба не только в западном, но и в восточном направлении, что привело к упадку зернового хозяйства и сухопутной хлебной торговли в Восточной Сибири.

В постсоветской историографии можно выделить две тенденции. Первая заключается в продолжение советских историографических традиций. А.А. Храмов обратил внимание на то, что же-

железнодорожная статистика фиксирует вывоз хлеба по Сибирской железной дороге, а это не то же самое, что вывоз из Сибири. Автор проанализировал вывоз с учетом экономического районирования. Строительство железной дороги, как следует из приведенных им данных, привело не к резкому росту вывоза хлеба из Сибири, а к перераспределению грузопотоков. Железнодорожный вывоз по Сибирской железной дороге рос, во-первых, за счет сокращения водных перевозок, во-вторых, за счет сокращения вывоза с «не сибирских» станций, близких к хлебопроизводящим районам Западной Сибири и Степного края. Еще одно важное наблюдение – благодаря развитию железнодорожного транспорта увеличивался не только и не столько вывоз хлеба за пределы Сибири, сколько внутренние перевозки. Нестабильность валовых сборов вызывала сильные годовые колебания объемов товарного избытка. Эти колебания меньше всего сказывались на внутрисибирском рынке, снабжавшемся в первую очередь, и сильнее отражались на вывозе хлеба в Европейскую часть России. Наиболее подвержен был колебаниям экспорт сибирского хлеба, формировавшийся всегда по остаточному принципу.

Вторая тенденция заключается в специализации и регионализации исследований хлебного рынка. Предметом изучения стала хлебная торговля Томской (С.А. Суслина), Енисейской (М.В. Константинова), Тобольской губернии и Западной Сибири в целом (Е.А. Носова). Последний автор в динамике реконструировала районы производства излишков хлеба, проследила изменения торговых связей этих районов под влиянием развития транспортных коммуникаций и инфраструктуры сбыта. И.И. Кротт поставил вопрос о значении крупных предпринимательских хозяйств Сибири в товарном производстве хлеба. Он показал, что такие хозяйства стали центрами селекции, апробации передовых технологий, внедрения сельскохозяйственной техники, а также трансляторами новаций на соседние крестьянские хозяйства. Важную роль распространителя знаний о специфических приемах ведения зернового производства в суровых климатических условиях сыграли сибирские отделения Московского общества сельского хозяйства.

Достижения отечественной историографии открывают перспективы дальнейших исследований. На современном этапе ясно обозначились серьезные пробелы. Роль сибирской администрации, губернской и местной, в вопросах продовольственного обеспечения населения и организации производства хлеба исследована достаточно поверхностно. Узким местом хлебного рынка на протяжении первых десятилетий XX в. оставалась инфраструктура: устоявшиеся схемы подвоза, хранения, переработки. Не менее значимой частью хлебного рынка являлась его институциональная составляющая: взаимодействие продавца и покупателя, характер конкуренции, соотношение частных торговцев и хлеботорговых фирм, порядок взаимодействия розничных и оптовых торговцев. Специальных исследований данных аспектов почти нет. Проблемы зернового хозяйства Сибири, его организационной и агротехнической трансформации под влиянием переселений являлись предметом оживленных дискуссий в специализированных сельскохозяйственных изданиях. Это наследие теоретиков и практиков остается в целом не востребованным историками.

Т.Н. Сидоренко¹

**Агрокультурная деятельность кубанской
кредитной кооперации в начале XX в.**

В начале XX в. Кубанская область являлась крупнейшим поставщиком зерна и другой сельскохозяйственной продукции, как на внутренний, так и на внешний рынки. Естественно, что бурное развитие земледелия обостряло потребность в создании агрономических организаций с целью совершенствования сельскохозяйственной культуры.

Оказанием непосредственной агрономической помощи населению Кубани занимались войсковая и правительственная агрономические организации. Но их деятельность далеко не исчерпывала запросов сельских хозяев в сельскохозяйственных знаниях. Се-

¹ Сидоренко Таисия Николаевна, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Taisianik@yandex.ru, Россия, г. Краснодар.

льскохозяйственные общества, основной целью которых являлось распространение среди своих членов агрономических знаний, создание показательных полей и т.д., не имели широкого распространения на Кубани и их роль в развитии производительных сил сельского хозяйства была весьма ограниченной. Земство, которое в других губерниях страны решало вопросы агрономического характера, в Кубанской области отсутствовало. В связи с этим кредитные кооперативы, получившие в области широкое распространение (в 1910 г. они обслуживали 36 % хозяйств области) помимо своих финансовых и торгово-посреднических операций взяли на себя выполнение функций в области агрономической помощи населению.

Проходивший в 1910 г. съезд представителей учреждений мелкого кредита постановил образовать центральный агрономический капитал путем ежегодных отчислений 10 % от чистой прибыли каждого кооператива и на эти средства в первую очередь пригласить агронома, а также ходатайствовать перед начальником области, чтобы станичным обществам было рекомендовано прийти на помощь кооперативам.

С целью оказания непосредственной агрономической помощи своим членам шесть ссудо-сберегательных товариществ Ейского отдела образовали в 1912 г. союз и на обязательные отчисления (15 коп. от каждого члена) пригласили агронома. С этой же целью на добровольные отчисления товариществ пригласил агронома и Кубанский центральный союз учреждений мелкого кредита, образованный в 1912 г. В том же году Уманское кредитное товарищество выступило с инициативой объединения товариществ района для приглашения своего районного агронома. Уже в 1913 г. Уманский агрономический союз имел 4 показательных поля, ряд показательных участков, агронома с высшим образованием. Имелись также факты самостоятельного выступления отдельных кооперативов в плане проведения агрономических работ (Славянское, Полтавское ссудо-сберегательные товарищества и др.). Необходимо отметить, что Департамент земледелия области, принимая во внимание значимость нарождающегося нового вида агрономичес-

кой организации, начал субсидировать Уманский агрономический союз и Кубанский центральный союз учреждений мелкого кредита. Производилось это путем выделения средств на содержание агрономического персонала и на показательные мероприятия.

Перед агрономическим персоналом кооперативных организаций стояли следующие задачи: распространение среди населения сельскохозяйственных знаний путем проведения бесед, лекций, курсов; подача советов и указаний на запросы, как письменно, так и устно. Агрономы обязаны были закладывать показательные участки и поля; оказывать содействие товариществам в устройстве и организации прокатных и зерноочистительных пунктов; принимать участие в сельскохозяйственных выставках и т.д. О результатах выполнения перечисленных задач свидетельствуют следующие данные. В 1914 г. кооперативами было организовано 7 сельскохозяйственных курсов (число слушателей 470) и 44 чтения (3247 слушателей). В непосредственном ведении кооперативных учреждений имелось 169 показательных участков и 7 показательных полей. Они имели прокатные и зерноочистительные пункты – 33 общих и 23 специальных.

Важная роль в согласовании работ по агрономическим мероприятиям принадлежала Кубанскому центральному союзу учреждений мелкого кредита, который к середине 1914 г. имел в своем составе 105 кооперативных учреждений из 254 действовавших на Кубани. С момента своего образования он начал издавать еженедельный журнал «Союз», в котором наряду с кооперативным отделом значительное место было отведено вопросам сельского хозяйства. Также организовывались курсы по сельскому хозяйству, издавались брошюры по различным вопросам сельского хозяйства, был открыт книжный склад. Агрономические мероприятия союза разрабатывались предварительно в агрономическом совете – совещательном органе при правлении союза, в состав которого входили правительственные, областные и союзные агрономы.

Таким образом, Кубанский союз учреждений мелкого кредита стал для своих членов не только крупным финансовым, но кооперативно-агрономическим центром. В целом агрономические мероприятия кооперативных организаций, наряду с деятельностью

других органов, занимающимися теми же вопросами, содействовали совершенствованию культуры земледелия и, следовательно, способствовали развитию производительных сил сельского хозяйства области в рассматриваемый период.

Ю.Б. Будкина¹

**Кредитная кооперация в дореволюционной России:
основные направления современных исследований**

В конце XX в. заметно активизировалась научная разработка истории кооперативного движения в России в целом и кредитной кооперации в частности. При этом были сформированы принципиально новые исследовательские подходы к прошлому отечественного кооперативного движения, его роли в модернизации аграрного сектора дореволюционной России. Результаты исследований регулярно обсуждаются на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Основной вектор изучения истории кредитной кооперации на современном этапе во многом был определен фундаментальным трудом видного ученого А.П. Корелина «Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в.» (М., 1988). Используя обширную источниковую базу, автор проанализировал общие черты и организационные принципы деятельности ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, причины и цели их возникновения в российской деревне, показал роль кредитных кооперативов в обеспечении крестьянства доступным кредитом, поднятии культурного и технического уровня крестьянских хозяйств. Большой вклад в изучение кооперативной проблематики внесен работами известных историков А.В. Лубкова и Л.Е. Файна. Авторы предложили основные методологические подходы к изучению вопросов кооперации, которые совершенствовались и получили дальнейшее развитие в последующих исследованиях.

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, yu.budkina@rsu.edu.ru, Россия, г. Рязань.

В рамках современного научного поиска развитие кредитной кооперации нередко рассматривается как составная часть проблемного поля других исследований. В качестве примера стоит отметить монографию Н.Г. Королевой (2011 г.), где рассмотрены основные направления и особенности хозяйственной работы земств в эпоху масштабных аграрных преобразований в России. Значительное место в монографии уделено роли земства в развитии мелкого кредита.

В последнее десятилетие исследователи активно трудятся над таким сюжетом, как значение кредитных кооперативов в укреплении и развитии социально-экономического положения крестьянства. Рассмотрены взаимоотношения кооперативов с земскими учреждениями, проблема «социального состава», направления культурно-просветительской деятельности, а также роль духовенства в организации и деятельности кредитных кооперативов.

Одним из приоритетных направлений исследовательских усилий историков является изучение региональных особенностей развития кооперации (И.Н. Коновалов, Т.Н. Сидоренко, А.Л. Вычужанин, В.Г. Пурнов, Т.Н. Солодовникова и др.). В их трудах кредитная кооперация рассматривается преимущественно как составная часть кооперативного движения. В исследованиях Р.А. Гуляева (Пензенская губерния), Ю.О. Петровой (Владимирская губерния), Р.А. Мухамедова (губернии Среднего Поволжья) и автора этих строк (Рязанская губерния) процесс возникновения и развития кредитной кооперации получил самостоятельное «звучание». Изучение деятельности кредитных кооперативов в условиях конкретного региона позволяет оценить их роль в развитии крестьянских хозяйств, сокращении масштабов и значения ростовщичества, возрастании социальной активности и самостоятельности крестьянства.

В связи со 100-летием начала Первой мировой войны современная историография обогатилась работами, затронувшими широкий круг проблем, связанных с влиянием войны на российский социум. Не остались без внимания и темы деятельности кредитной кооперации и других видов кооперативных объединений в во-

енный период. Однако до настоящего времени многие аспекты деятельности кредитных кооперативов, их роль и значение в российской деревне военного времени остаются наименее изученными.

Одним из динамично развивающихся исследовательских направлений в последние годы стало изучение аграрной модернизации России конца XIX – начала XX в., где кооперация рассматривается как значимый фактор модернизационных процессов. В частности, на примере Рязанской губернии была показана роль кредитной кооперации в качественных сдвигах в аграрном секторе экономики губернии и реалиях крестьянской жизни в период столыпинских преобразований.

Давая оценку основным направлениям современного научного поиска, можно сделать вывод о том, что кредитная кооперация дореволюционной России в основном рассматривается в контексте всего кооперативного движения или как составная часть близких по материалу и задачам исследований. Значительно расширилась география изучения деятельности кредитной кооперации во второй половине XIX – начале XX в., проведен сравнительный анализ отдельных регионов с общероссийскими тенденциями развития кооперации, что позволило доказать типичность явлений, определить общее и выделить особенное в рамках конкретных губерний и областей. К сожалению, работ, где бы кредитная кооперация находилась бы в центре исследования, явно недостаточно, чтобы комплексно оценить ее деятельность в общероссийском масштабе и на уровне отдельных губерний в контексте социально-экономических реалий страны. История развития кредитной кооперации не может считаться обстоятельно изученной. До сих пор не получили должного освещения такие вопросы, как восприятие крестьянством кооперативного кредита, роль кредитной кооперации в построении гражданского общества. Наименее изученной остается деятельность кредитных кооперативов в период Первой мировой войны.

Перспективы дальнейшего изучения кредитной кооперации в дореволюционной России видятся, прежде всего, в развитии региональных исследований. Многие аспекты деятельности кредит-

ных кооперативов, а также анализ ряда важных региональных особенностей требуют более внимательного отношения со стороны исследователей. Необходимы усилия по расширению источниковой базы, что может помочь в ликвидации «белых пятен» и способствовать появлению новых сюжетов для изучения.

И.А. Кузнецов¹

**Урожайная статистика губернаторских отчетов
как источник для изучения динамики
зернового производства в России в XIX веке**

При изучении социально-экономической истории России от начала XIX в. до Первой мировой войны решающее значение имеют длинные ряды сопоставимых статистических данных. До сих пор единственным рядом такого рода в отечественной аграрной историографии остается так называемый «ряд Михайловского». Он составлен был около века назад из ежегодных данных по средней урожайности зерновых хлебов в «самах» с 1801 по 1914 г. Продолжение этой работы представляется актуальной задачей современной историографии. При этом важнейшим ее аспектом выступает источниковедческий.

Единственным источником массовых статистических сведений о состоянии сельскохозяйственного (зернового) производства в губерниях Европейской России до начала 1880-х гг. являются данные об урожаях хлебов, сообщавшиеся в ежегодных отчетах губернаторов. Другие источники – данные, извлекаемые из бухгалтерии отдельных частных имений, сведения кадастровых отрядов и т.п. – имеют локальный или даже уникальный характер и охватывают малые периоды времени. При большей точности они обладают несопоставимо меньшей репрезентативностью, не говоря уже о возможностях составления динамических рядов. Для периода после 1882 г. в распоряжении исследователей имеется несколько альтернативных статистических источников: кроме

¹ Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), perytwj68@mail.ru, Россия, г. Рязань.

губернаторских отчетов появляются данные Центрального статистического комитета, Департамента земледелия, в ряде губерний – земская статистика и др.

Урожайная статистика губернаторских отчетов не раз становилась предметом изучения, в том числе исследована эволюция формуляра отчета и приложений с урожайными данными. К сожалению, остается неясным вопрос о причинах многочисленных лакун в данных по урожайности в конце 1820-х – 1830-х гг. Слабо изучен вопрос о том, каким образом собирались урожайные сведения на местах для отчетов. Основным всегда был вопрос достоверности и точности данных, который остается до сих пор дискуссионным. На страницах аграрной печати он был поставлен в 1858 г. И. Подрузским, предложившем в «Земледельческой газете» использовать повышающие поправки. Попытку ввести такие поправки в коэффициенты урожайности черноземных областей предпринял И.И. Вильсон (1874). Сравнение данных урожайности ржи по четырем источникам – губернаторским отчетам, ЦСК, Департамента земледелия и земств за 1883–1890 гг. осуществил А.Ф. Фортунатов (1893). С критическими оценками достоверности губернаторских данных по урожайности выступали историки В.К. Яцунский (1961), С. Хок (1986), Л.М. Рянский (2000-е гг.) и др., включая авторов современного учебника по источниковедению (2015). Взвешенное, но в целом сдержанно-скептическое отношение демонстрировал Б.Г. Литвак (1979). Более конструктивным было отношение к этому источнику И.Д. Ковальченко (1959) и А.С. Нифонтова (1974). Их труды сыграли важную роль в использовании статистики в научных исследованиях.

Однако до сих пор урожайная статистика губернаторских отчетов не собрана и не опубликована полностью, что служит главной помехой для ее использования историками. Ковальченко опубликовал средние десятилетние цифры посевов и урожаев по губерниям за 1800-е – 1850-е гг. (с округлением до тысяч четвертей). Нифонтов – средние десятилетние за 1850-е – 1890-е гг. по областям (группам губерний), также с округлением, хотя в архиве ученого (Архив РАН, ф. 1911) сохранились составленные им по-

годные погубернские таблицы (к сожалению, далеко не за все годы). Официальные публикации XIX в. содержат сводные погубернские данные лишь за 1870–1878 гг. и за отдельные более ранние годы. Имеются отдельные публикации данных урожайности на землях МГИ, МВД и Уделов, которые в силу разновременности поддаются сводке лишь за два года (1856, 1858).

Урожайные данные губернаторской статистики начала XX в. (1900–1914 гг.), публиковавшиеся в «Обзорах» соответствующих губерний еще не были предметом изучения во всероссийском масштабе, не сопоставлялись с данными альтернативной статистики.

Сбор и оцифровка статистики губернаторских отчетов представляется актуальной и перспективной задачей историографии, решению которой, возможно, послужит исследовательский проект, начатый Лабораторией экономической и социальной истории РАНХиГС в 2017 г., который нацелен на детальную разработку этого источника для изучения динамики экономических показателей России в XIX веке.

С.В. Беспалов¹

**Проблема эффективности
частновладельческих хозяйств в России начала XX века
в праволиберальной общественной мысли**

В России начала XX столетия, в условиях обострявшейся – главным образом вследствие аграрного перенаселения – социальной обстановки в деревне, одним из центральных вопросов широкой общественной дискуссии о перспективах развития отечественного сельского хозяйства и направлениях реформирования аграрной политики стал вопрос о судьбе помещного землевладения. Особенно обострилась данная проблема после 1905 г., когда представители радикальных и леволиберальных политических сил, апеллируя к настроениям большинства крестьянства, выступили с требованием принудительного отчуждения частновладельческих

¹ Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

земель. В развернувшейся полемике наиболее взвешенную, на наш взгляд, позицию занимали придерживавшиеся праволиберальных (или либерально-консервативных) взглядов экономисты, общественные деятели и политики, под влиянием которых в значительной степени и была сформулирована новая правительственная аграрная программа, осуществлявшаяся с 1906 г.

Трезво оценивая положение частновладельческих хозяйств, правые либералы, в частности П.Д. Лохтин и В.И. Гурко, отмечали, что, несмотря на существенно более высокую по сравнению с крестьянскими хозяйствами урожайность, прогрессируют они довольно медленно, показателем чего являлось сохранявшееся господство трехполья в большинстве частных владений. Основной причиной этого Лохтин называл то, что для большинства российских землевладельцев сельское хозяйство «не составляет главного или единственного средства для существования, как, например, для немецких помещиков». В большинстве своем они заняты на государственной или иной службе, являющейся основным источником дохода. Поэтому у них отсутствует необходимость, а нередко и возможность вплотную заниматься своим хозяйством. Усиливали это нежелание землевладельцев посвятить себя целиком сельскому хозяйству трудности со сбытом продукции (часто – из-за неразвитости путей сообщения, а также состояния рыночной инфраструктуры), дороговизна оборотных средств и рост социальной напряженности в деревне. Кроме того, постоянно увеличивающаяся в условиях экстенсивного крестьянского хозяйства потребность в аренде земель крестьянами обеспечивала многим владельцам пусть не самый высокий, но вполне достаточный и, главное, стабильный доход, что лишало их стимула к модернизации своих хозяйств. Однако все это не отменяло того очевидного факта, что основными поставщиками продовольствия на рынок, в том числе и на экспорт, были именно частные владельцы.

Поднять уровень благосостояния крестьян при помощи принудительного отчуждения в их пользу частновладельческих земель либеральные консерваторы считали невозможным. Прежде

всего, они отмечали противозаконность подобных действий с точки зрения гражданского права. Но даже и в качестве меры революционной принудительное отчуждение было неприемлемо, поскольку проанализированные Д.И. Пестржецким статистические данные свидетельствовали о практически неизбежном снижении урожайности на 18–20 % после перехода земель от частных владельцев к крестьянским общинам. В то же время только рост урожайности наделных земель до уровня частновладельческих соответствовал бы расширению площади наделного землевладения на 30 млн десятин. Замена же трехполья многопольем обеспечила бы увеличение посевной площади на 35–40 млн десятин, т.е. на столько же, сколько мог бы дать переход к крестьянам всех частновладельческих, казенных и удельных земель.

Правые либералы отмечали, что количество рентных хозяйств в России неуклонно сокращалось и земля естественным образом переходила в руки мелких собственников. Государству следовало лишь противодействовать чрезмерному повышению цен на продаваемые земли, что при правильной политике Крестьянского банка было вполне осуществимо. Деятельность банка предлагалось активизировать, причем, по мнению многих экспертов, ему следовало от посредничества при совершении сделок переходить к самостоятельной покупке земель у частных владельцев для дополнительного обеспечения крестьян. Однако излишне форсировать процесс мобилизации поместных земель (прежде всего средних по размерам) представлялось опасным, поскольку, как отмечал П.Д. Долгоруков, это могло понизить культурный уровень провинции, «особенно пока сама деревня еще не выделила из своей среды новых культурных элементов».

Приверженцы праволиберальных взглядов акцентировали внимание на необходимости поддержки тех землевладельцев, которые наиболее ответственно подходили к управлению своими хозяйствами, внедряли передовые агротехнические приемы и в будущем могли стать примером не только для своих соседей-помещиков, но и для крестьян, по мере индивидуализации их хозяйства. При этом любая государственная поддержка – прежде всего в фор-

ме льготных кредитов – владельцев латифундий должна была немедленно прекратиться, равно как и помощь тем средним и мелким землевладельцам, которые основной доход получали за счет арендной платы.

М.Д. Карпачёв¹

**«Царь-голод» 1891–1892 гг. в Воронежской губернии
и его последствия**

Двухлетний неурожай 1891–1892 гг. и голод, охвативший крестьянство ряда губерний Европейской России, оказали сильное влияние на общественную жизнь России. Кампания борьбы с голодом дала толчок внутривластному противостоянию, переросшему в начале XX в. в подъем революционной борьбы против монархического строя. В историографии советского времени преобладали оценки этих печальных событий как естественных и закономерных для самодержавия, антинародный характер которого сомнений у историков не вызывал. В новейшей литературе появились совсем иные суждения. В частности, Б.Н. Миронов, подчеркивая общий неуклонный рост благосостояния народа после отмены крепостного права, оценил случившееся бедствие как частный эпизод, связанный с действием факторов непреодолимой силы, прежде всего, сильной засухой. Примерно такую же оценку русскому голоду задолго до Миронова дал американский историк Р. Роббинс.

Как известно, с особой силой угроза голода проявилась в губерниях Центрального Черноземья. При этом непосредственными причинами неурожая стали исключительно тяжелые метеорологические условия. Однако сказалась и недостаточная обеспеченность крестьянских хозяйств материальными ресурсами, а также плохая организация социального страхования. В глазах либеральной и демократической общественности вина за экономическую слабость пореформенного крестьянства лежала на внутренней политике самодержавия.

¹ *Карпачёв Михаил Дмитриевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

Факты свидетельствуют, что столкнувшаяся с массовым бедствием администрация отнюдь не бездействовала. Под угрозой голода власти сумели принять ряд неотложных мер. Был временно запрещен хлебный экспорт. За два года из имперского продовольственного капитала и из других государственных источников для Воронежской губернии было выделено около 8 млн руб., что позволило приобрести примерно по 7 пудов хлеба на каждого нуждавшегося. Были установлены особо льготные железнодорожные тарифы для перевозки хлебных грузов в пострадавшие губернии. Кроме того, была разрешена бесплатная выдача крестьянам леса из казенных дач. МВД направило уполномоченных генералов Н.М. Цеймерна и С.И. Толстого для организации закупок продовольственного хлеба в смежных регионах. Со своей задачей уполномоченные в целом успешно справились.

Распределение помощи было поручено земским учреждениям. Большое место отводилось организации общественных работ (в том числе дорожного строительства) для попавшего в бедственное положение крестьянства. Бесплатная раздача пособий допускалась лишь в крайнем случае; такая мера быстро выявила свою неэффективность и даже вред для морального и физического состояния крестьян. За это же время привлеченные средства общественности составили примерно 800 тыс. рублей. Помощь общественных организаций проявилась главным образом в организации бесплатных столовых.

Напряженные усилия правительственных и общественных структур дали позитивный результат. В Воронежской губернии практически отсутствовали случаи гибели людей от недоедания, массовая дистрофия была предотвращена. Однако дефицит продовольствия привел к росту числа заболеваний и даже к появлению очагов холерной и тифозной эпидемий.

Большой урон был нанесен экономике крестьянских хозяйств. Примерно на 30 % сократилось поголовье крупного рогатого скота и лошадей. Резко возросла финансовая задолженность крестьянского населения. По подсчетам известного земского статистика Ф.А. Щербины размер недоимок по окладным сборам и по пога-

шению ссуд достиг к 1893 г. почти 150 руб. в среднем на каждый крестьянский двор. При этом обычный размер прямых налогов, падавших на крестьянский двор не превышал 35–40 руб., а сезонный заработок батрака составлял примерно 60 руб. Платежеспособность крестьянства на ряд лет была подорвана. К явно негативным последствиям этих печальных событий надо отнести резкое падение финансовой дисциплины в крестьянской среде. Большая часть продовольственных ссуд так и не была возвращена, а это спровоцировало рост недоимок по всем другим налогам и повинностям. В глазах общественности самодержавие демонстрировало свою неэффективность как управляющая система. Хозяйственные потери от голода крестьянству губернии удалось восстановить после нескольких урожайных лет середины и второй половины 1890-х гг. К началу XX в. было восстановлено поголовье лошадей, мелкого и крупного рогатого скота. Однако недоимки, особенно по продовольственным ссудам и выкупным платежам, продолжали нарастать.

В 1892 г. наблюдалось снижение рождаемости и повышение смертности крестьянского населения. Второй голодный год стал единственным после отмены крепостного права, когда произошел не рост, а снижение численности населения в губернии примерно на 30 тыс. человек. Во все остальные годы наблюдался непрерывный прирост крестьянского населения (от 30 до 50 тыс. человек в год).

Важнейшим следствием кампании борьбы с голодом стал рост политической оппозиционности местной интеллигенции, в первую очередь, земских служащих. Не случайно именно в это время на путь политической борьбы с режимом встали Ф.А. Щербина, А.И. Шингарев, Н.Ф. Бунаков, С.В. Мартынов и другие видные общественные деятели. Наряду с этим, кампания 1891–1892 гг. резко обнажила проблемы архаичности общинных порядков в русское деревне, в том числе круговой поруки, примитивной системы земледеления, роста кулачества, низкой общей и правовой культуры. С большой остротой проявились опасные для судьбы империи диспропорции в развитии экономики, общественной жизни и государственного строя. Голодные годы поставили перед властью и перед

обществом трудную проблему поиска путей радикального реформирования аграрных отношений. Несмотря на то, что государственные органы сыграли решающую роль в предотвращении наиболее опасных последствий неурожая, отчуждение либеральных и демократических кругов от самодержавного режима стало катастрофически быстро нарастать.

Н.М. Александров¹

**Эволюция помещичьего хозяйства в пореформенной России
(по материалам Верхнего Поволжья)**

Реформа 1861 г. положила начало биполярному хозяйственно-экономическому строю деревни. Ее полюсами стали помещичье и крестьянское хозяйства. Без изучения каждого из этих двух видов хозяйств невозможно раскрыть сущность аграрного строя пореформенной России, вектор его эволюции и модернизационный потенциал.

Главным объектом исследования ученых в силу целого ряда причин является крестьянское хозяйство. Положению дел в помещичьих имениях посвящено намного меньше работ. Большой вклад в изучение проблемы перестройки помещичьего хозяйства в пореформенной России внес Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. На протяжении всей его многолетней работы ученые неоднократно обращались к обсуждению различных аспектов данной проблемы. Одним из результатов изучения вопросов, поставленных в ходе работы Симпозиума, стали фундаментальные монографические исследования его участников. В 1969 г. вышла книга А.М. Анфимова «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – XX в.)». В ней на основе большого количества различных источников произведено комплексное исследование крупного помещичьего хозяйства. Ученый считал, что вплоть до 1917 г. помещичье хозяйство России больше держалось крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства.

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

Новым рубежом в изучении проблемы эволюции помещичьего хозяйства стала совместная работа И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунской, Б.М. Литвакова «Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма» (М., 1982). В ней на основе обработанных на ЭВМ массовых источников дан анализ внутреннего строя помещичьего хозяйства страны в начале XX в. Авторы пришли к выводу, что роль помещичьего хозяйства в аграрном секторе сокращалась и, следовательно, победа буржуазно-аграрной эволюции прусского типа была невозможна.

Аграрная история России – это, прежде всего, история ее регионов. Для дальнейшего развития общей концепции о месте и роли помещичьих хозяйств в экономике России необходимо выяснить, в какой мере помещики были в состоянии приспособиться к капиталистической эволюции в конкретных условиях отдельных регионов. В этом направлении уже проделана значительная работа, в том числе и участниками Симпозиума (Д.И. Будаевым, С.А. Козловым, В.Н. Никулиным и др.).

Исследование темы в рамках местной истории дает возможность значительно расширить источниковую базу и выявить на ее основе новые стороны проблемы. Одним из таких аспектов является раскрытие особенностей эволюции разных групп хозяйств. В ходе решения этой задачи были изучены первичные документы Дворянского земельного банка о 321 помещичьем имении Верхнего Поволжья (Владимирская, Костромская и Ярославская губернии), представленных к залогоу в 1886–1900 гг. Помещичьи хозяйства были разделены на три группы: мелкие – до 100 дес. земли, средние – от 100 до 1000 дес. и крупные – свыше 1000 дес. земли. Обработка материалов показала, что значительная часть помещиков в регионе полностью отказалась от ведения собственного хозяйства и сдавала всю землю в аренду. Наиболее распространенной такая форма получения прибыли от земли была среди владельцев мелких имений.

В большинстве помещичьих имений сочетались отработочная и капиталистическая системы ведения хозяйства. Чисто отработочные или чисто капиталистические хозяйства были довольно

редким явлением. Отнесение хозяйства к той или иной группе потребовало подсчета доли труда в каждом виде работ и суммирование полученных данных. Имения, в которых более половины всех полевых работ выполнялись вольнонаемным трудом, относились в разряд капиталистических, а остальные – в разряд отработочных.

В результате исследования было выявлена зависимость формы хозяйствования от размеров имения. Капиталистическая система медленнее других вытесняла отработочную в крупных хозяйствах. Латифундисты могли себе позволить не заботиться о налаживании собственного эффективного полеводства и животноводства, так как получали основной доход от продажи леса. Быстрее других переводили ведение хозяйства на капиталистические рельсы владельцы средних имений.

Источники свидетельствуют, что процесс эволюции помещичьего хозяйства проходил сложно. Переход помещиков к капиталистической системе хозяйствования вовсе не означал в дальнейшем невозможность возврата к отработкам.

Изучение эволюции помещичьего хозяйства по губерниям показало, что ее темпы напрямую зависели от общего экономического развития местности, степени вовлеченности сельского населения в промысловые занятия. Главным образом этими причинами объясняется более быстрая перестройка помещичьих хозяйств в экономически более развитых Ярославской и Владимирской губерниях, чем имений в Костромской губернии.

Основы эволюции помещичьего хозяйства как хозяйства капиталистического закладывались еще до отмены крепостного права. Дореформенный экономический потенциал деревни Верхнего Поволжья оказался очень низким. К 1861 г. во многих помещичьих имениях практически не велось собственного хозяйства. Крестьяне были переведены на оброк. Сельскохозяйственные орудия отсутствовали. Навыков организации сельхозпроизводства не было.

Большое значение в деятельности хозяйства имела личность владельца, его знания, степень вовлеченности в решение производственных задач. Помещики Верхнего Поволжья, как и большинство российских помещиков, оказались не готовы принимать не-

посредственное участие в организации своего хозяйства на новых условиях. В пореформенной России не произошла смена ментальности землевладельцев, и, как следствие, не сформировался помещик нового типа, а без этого капиталистическая перестройка помещичьего хозяйства не могла быть доведена до конца.

А.А. Соловьев¹

Мир вятской деревни в пореформенный период: традиции и новации²

Различные историографические традиции, используя свои понятия о рынке и рыночной экономике, еще в XIX в. начали дискутировать вопрос о характере и путях развития крестьянской экономики. Содержание и направленность аграрной эволюции в регионах во многом определялись традициями сельскохозяйственного производства, обусловленными природно-климатическими и социокультурными факторами. На смену вековым традициям приходили новые ценности, обусловленные распространением товарно-денежных отношений.

Вятская губерния представляла собой уникальный регион с преобладающим (97 %) крестьянским населением. В ней компактно проживали представители различных народов нашей страны: русские, удмурты, мари, татары, коми-пермяки, башкиры и бесермяне, а также отмечены такие разряды сельского населения как бывшие государственные (90 % всех дворов), удельные (6,1 %), помещичьи (3,4 %), а также горнозаводские, сельские обыватели (бывшие мастеровые и рабочие заводов), вотчинники, тептяри и другие. Громадная территория губернии сочетала в себе различные типы производящих хозяйств – промысловых и земледельческих. По данным первого подворного обследования Вятской губернии (1884–1893 гг.), распаханность наделного землевладения достигла 63,4 % у марийцев и 60,2 % – у бесермян.

¹ Соловьев Анатолий Андреевич, кандидат исторических наук, Марийский государственный университет, solowaa@mail.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-49-120001.

К концу XIX в. на территории Вятской губернии наибольшее распространение имела паровая система в виде трехполья, которая предполагала ежегодный отдых примерно третьей части пашни. Иногда в малоземельных районах встречалось и двухполье, но обычно пашня обрабатывалась по трехпольному принципу. В многоземельных районах из-за недостатка удобрений или других причин широко практиковалось периодическое «запускание» пашни под перелог для восстановления плодородия почвы естественным путем. Такие участки располагались обычно на удаленных от усадьбы полях. В лесных районах трехпольная система часто сочеталась с подсечно-огневой.

В пореформенный период по всем уездам губернии в структуре посевных площадей произошли значительные изменения. В большинстве уездов сократилась площадь 3-х зерновых культур – ржи, овса и ячменя. Увеличилась доля других 4-х крестьянских зерновых и технических культур – пшеницы, гречихи, картофеля и льна. Причем, в Вятском уезде более чем в 2 раза, а в Нолинском – более чем на 1/3. К началу XX в. на 6,2 % посевной площади Вятской губернии произошли структурные изменения. Рожь и овес заняли важное место у бесермян, удмуртов и марийцев. Полба была распространена у татар и башкир, ярица – у удмуртов, бесермян и русских. Картофель в хозяйствах русских и марийских крестьян стал полевой культурой.

По отзывам современников, наиболее благоприятным соотношением сенокосов к пашне являлось 1 к 3. Между тем, подобное распределение угодий обеспечивалось лишь в Орловском, Котельничском, Слободском и Вятском уездах. А в Яранском, Уржумском, Елабужском и Сарапульском уездах это соотношение составляло от 1 к 6,5 до 1 к 7,3. Малоземелье, истощенность почв и все большее проникновение товарно-денежных отношений в многонациональную вятскую деревню определили большое разнообразие способов и механизмов трансформации традиционного крестьянского хозяйства. В большинстве земледельческих уездов на смену устоявшимся издавна нормам поведения пришли соответствующие эпохе ценности. Как отмечали разработчики подвор-

ных переписей, «...в последнее время помочи, практиковавшиеся среди односельчан при вывозке навоза, из-за большой стоимости угощения постепенно прекратились...».

Немаловажный вклад в распространение новых аграрных технологий в крестьянское хозяйство внесли земства. В конце XIX в. при их содействии в Орловском, Глазовском, Слободском, Котельничском и Сарапульском уездах в небольших размерах начали применять минеральные удобрения. Они выдавались земством населению первоначально бесплатно в целях пропаганды. В конце XIX в. в Вятской губернии при содействии земств появляются и первые многопольные хозяйства. В 1898 г. площадь травяных посевов в многопольных хозяйствах Вятской губернии составляла 8 дес., в 1899 г. – 30 дес., в 1900 г. – 202 дес., в 1901 г. – 226 дес., в 1902 г. – 399 дес.

Вместе с тем, увеличение расходов земств на травосеяние тяжелым бременем ложилось на крестьянские хозяйства. К травосеянию крестьяне относились осторожно: «...Молодежь иногда стремится улучшить хозяйство, а старики шумят: разве где видано поблизости, чтобы траву сеяли? Нет, видно молодежь больно умна стала – хотят Бога силой заставить хлеб родить!!!». Так и не стали слушать агронома: «Да что он знает: мы с малых лет за сохой ходим, а он может и сохи-то не видал вовсе, да приехал еще нас учить пахать. А что он обещает семян бесплатно, да денег на изгородь, так ведь земство с нас же после податями втроене возьмет...». Кроме содействия распространению травосеяния земство демонстрировало и новые способы обработки земли, которые воспринимались крестьянами неоднозначно. Уржумский уездный агроном в 1895 г. отмечал, что в «Корак-Соле ... запахивание гречихи на зеленое удобрение произвело значительное впечатление на крестьян, еще не видавших этих культурных приемов...». Травосеяние в Вятской губернии распространялось только благодаря деятельности земства и часто прекращалось, если земство в дальнейшем отказывалось от поддержки крестьянского хозяйства.

Излишнее попечительство в отношении вятского крестьянства, возросшая отчужденность земств от интересов подавляю-

щей массы земледельцев сопровождалась постоянным ростом земских расходов. Сами крестьяне большинство земских инициатив воспринимали как новое повышение налогов. Малосильность хозяйств и чрезмерный рост податных недоимок в 80–90-е гг. XIX в. в ряде сельских обществ во многом обусловили укрепление элементов традиционного общества в Вятской губернии.

О.В. Смурова¹

**Влияние столичного отхода на крестьянское
землепользование пореформенного времени**

В пореформенный период наблюдался рост отхода крестьян на заработки в Санкт-Петербург. Так, удельный вес крестьянства среди всего населения Петербурга с 1869 по 1900 г. почти удвоился (соответственно: 32 и 61,3 %). Среди русского населения удельный вес крестьян был еще выше и составил: в 1869 г. – 35 %, в 1900 – 66 %, а в 1910 – 71 %. Губернская статистика также подтверждает этот факт.

Анализ паспортной статистики за 1868 и 1880 гг. по северо-западным уездам Костромской губернии показал наличие большого количества годовых и полугодовых паспортов. В Чухломском уезде уходила на заработки ? мужского населения, в Солигаличском – более j, в Галичском – j. В этой губернии преобладал отход на строительство. Из Ярославской губернии крестьяне направлялись в торговый и трактирный отход. Эти профессии были чрезвычайно востребованы в бурно строившейся столице. Данные виды промыслов требовали отвлечения крестьянина от земледельческих работ. Преобладал мужской отход, что приводило к дисбалансу мужского и женского населения в деревне. В этих условиях сельскохозяйственные работы ложились на плечи крестьянок. Для оказания помощи нанимался работник либо из односельчан, либо из отходников-земледельцев других губерний. «Почти все здоровые мужчины нашей местности уходят на лето на заработки, преи-

¹ Смурова Ольга Вениаминовна, доктор исторических наук, Костромской государственный университет, olga-smurova@mail.ru, Россия, г. Кострома.

мущественно в столицы (в качестве плотников, столяров, половщиков), а все хозяйство остается в руках стариков, женщин и подростков, а потому редкая семья обходится без наемщиков», – писал К. Рошин, тенишевский корреспондент из усадьбы Дорок Каликинской волости Чухломского уезда Костромской губернии. В частности, в Чухломский и Солигаличский уезды приходили работники из Тотемского и Никольского уездов Вологодской губернии. Плата за весь период сельскохозяйственных работ женщинам была от 25 до 30 руб., а мужчинам – от 40 до 50 руб. при готовых харчах и с хозяйской рабочей одеждой. Традиция эта возникла, по-видимому, давно. По крайней мере, Л. Казаринов ссылался на архивные источники, в которых говорилось о приходе вологодских рабочих в 1810 г.

Вместе с тем нанимались и односельчане: девушки, вдовы и солдатки. Девушки нанимались до Покрова, так как к этому времени ребята-отходники возвращались домой и начинались свадьбы. За сезон они получали от 20 до 30 руб., а хорошие работницы – от 35 до 48 руб. Кроме денежной платы девушки ставили условие, чтобы «хозяева при расчете покупали ситцу на платье или шаль, платок и т.д.». Некоторые хозяева нанимали «работниц – полулетниц», то есть таких, которые одну половину недели работали на себя, а другую – на хозяина. Такие работницы нанимались в своей деревне, чтобы было близко ходить на работу. При этом они получали 15–20 руб. «в лето». При найме работница брала с хозяина задаток (от 50 копеек до 2–3 руб.), чтобы он не нанял другую батрачку. Если это случалось, то задаток оставался в ее руках. В противном случае – возвращался нанимателю. Взять в дом помощника могли только те семьи, которым отходники исправно высылали деньги. При значительном числе людей, уходящих на заработки, плата за полевую работу была высокой. «Вместе с тем и хорошей обработки спрашивать нельзя, иначе можно остаться совсем без работника», – сообщал корреспондент из с. Левашово Костромского уезда Костромской губернии. Нередко полевыми работниками оставались люди, не умевшие «жить воздержно на чужой стороне», которые и для себя пашню обрабатывали кое-как.

Рабочие из Тотемского уезда Вологодской губернии, прозванные «толшмяками», также не славились усердием в обработке земли. «...Толшмяки – люд, который обирает только деньги, землю пашет самым негодным образом».

Мальчики уходили в отход в том возрасте, когда обычно шло усвоение традиций земледелия. В итоге из них вырастали мужчины, не знакомые с земледелием, деревенским бытом, «не умеющие и кола обвострить». Хозяйских глаз и рук не хватало, поэтому земледелие постепенно приходило в упадок, сокращались посевные площади. В 7 уездах Костромской губернии за 100 лет, с 70-х гг. XVIII в. до 70-х гг. XIX в. посевные площади сократились на 21 %. В Солигаличском и Чухломском уездах Костромской губернии к 1905 г. пашни уменьшились примерно на 50 %. Такая же тенденция просматривалась и в Рыбинском уезде Ярославской губернии, где сложился столичный портновский промысел. Когда в 1889 г. собирались сельскими старостами сведения о количестве земли, обрабатываемой крестьянами, то оказалось, что только в Николо-Тронской волости из 1158 наделов не обрабатывались полностью 148 душевых надела, кроме того, некоторые наделы запахивались лишь частично. «Такое запущение пашни все растет и растет», – сообщал земский начальник 1-го участка Рыбинского уезда в 1892 г.

Следует заметить, что не все крестьяне-отходники спешили забыть про деревенские работы. Отходники в письмах очень скупно пишут о городе, но целые страницы посвящены поклонам родственникам и землякам и расспросам о деревенской жизни, земледельческих делах, урожае.

Таким образом, отход на заработки костромских и ярославских крестьян оказывал негативное влияние на землепользование: снижалось качество обработки земли, сокращались посевные площади. Вместе с тем, уезды, откуда более всего крестьян уходило на заработки, отличались своевременной уплатой налогов. Так, по сведениям, собранным к 1 октября 1873 г., в Галичском уезде недоимки окладных государственных налогов и выкупных платежей составляли только 2,3 % годового оклада, в Буйском – 1,3 %, в Солигаличском – 0,9 % и в Чухломском – 0,8 %. Между тем по губер-

нии недоимки составляли 7 % окладной суммы. Кроме того, территория распространения отхожих промыслов отличалась лучшей обеспеченностью хлебом.

А.А. Кухаренко¹

Итоги реализации столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси

В начале XX в. в Российской империи одним из самых острых экономических вопросов оставался аграрно-крестьянский. Он включал в себя несколько социально-экономических проблем, которые сдерживали дальнейшее развитие страны. В их состав входили малоземелье и безземелье крестьян, значительный латифундальный фонд, низкая агрокультура сельского хозяйства и неурегулированность поземельных отношений. В общественном сознании аграрный вопрос заключался в крестьянском малоземелье и безземелье.

Обострение аграрного вопроса привело к подготовке и реализации столыпинской аграрной реформы, которая должна была изменить многовековой уклад жизни большей части населения Российской империи – крестьянства. Основная цель этой реформы состояла в том, чтобы заменить общинное землевладение частными крестьянскими хозяйствами. 9 ноября 1906 г. был подписан высочайший указ о переходе общинной земли в личную собственность крестьян, что предполагало создание крестьянских хуторов и отрубов.

Малоземелье и безземелье крестьян, пастбищные сервитуты, чересполосица крестьянских земель с помещичьими и другими крестьянскими землевладениями являлись основными препятствиями индивидуального землеустройства крестьян в белорусских губерниях. Дела по разверстанию сервитутов и ликвидации чересполосицы принимали затяжной характер и находились в подготовке до тех пор, пока стороны не приходили к какому-нибудь

¹ *Кухаренко Артур Андреевич*, кандидат исторических наук, Белорусский государственный университет, KuharenkAA@bsu.by, Республика Беларусь, г. Минск.

согласию. Несмотря на эти трудности, крестьяне убедились в преимуществах хуторского и отрубного хозяйства, видя наглядные примеры того, как хуторяне, улучшив приемы обработки земли и введя многопольные севообороты, достигли значительного роста урожайности и доходности своих хозяйств.

В результате столыпинского землеустройства на протяжении 1907–1916 гг. в белорусских губерниях на наделной земле было образовано 113,8 тыс. хуторских и отрубных хозяйств общей площадью 1147,2 тыс. дес. земли. Это составляло более 10 % всех крестьянских дворов и 18,7 % площади наделного землевладения белорусских губерний. Кроме наделной земли Крестьянский поземельный банк продал под хутора и отруба в белорусских губерниях 228,7 тыс. дес. банковских земель, на которых возникло 13,5 тыс. хозяйств. На проданной крестьянам казенной земле (5,4 тыс. дес.) было создано 813 хуторских и отрубных хозяйств. Всего за 10 лет реализации столыпинской аграрной реформы в белорусских губерниях возникло 128,1 тыс. хуторов и отрубов. Совокупная площадь земли под ними составляла 1381,3 тыс. дес. земли.

В белорусских губерниях процент крестьянских дворов, которые вышли на хутора и отруба, был немного выше, чем в целом по Российской империи (12 % против 10 %). На протяжении 1907–1910 гг. на долю Витебской и Могилевской губерний приходилось более 60 % всех хуторов и отрубов, созданных в белорусских губерниях. Переход на хутора и отруба на территории Беларуси облегчался тем, что он начался еще до столыпинской реформы. Этому процессу содействовало широкое распространение здесь крестьянского подворного землевладения.

В белорусских губерниях около 90 % хуторов и отрубов было создано в ходе общего разверстания наделных общинных и подворно-наследственных земель. В этом отношении белорусские губернии стояли на предпоследнем месте среди всех регионов Европейской России, кроме Правобережной Украины, где путем выделения отдельных домохозяев было создано еще меньше участковых хозяйств – 0,1 %.

Столыпинская аграрная реформа предусматривала переселение малоземельных и безземельных крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. В 1907–1914 гг. из пяти белорусских губерний в Сибирь и на Дальний Восток переселилось 335,4 тыс. человек, что составляло 11,6 % переселенцев по Европейской России. Из них 240,8 тыс. (71,8 %) приходилось на Могилевскую и Витебскую губернии. Наиболее высокая волна крестьянских переселений наблюдалась в 1907–1909 гг., когда из белорусских губерний переселилось 248,4 тыс. человек, или 74,1 % переселенцев этого периода. С 1910 г., когда началась обратная волна переселений, количество переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток резко сократилось.

Столыпинская аграрная реформа привела к частичному распаду общины, расширению системы частного крестьянского землевладения, формированию хуторских хозяйств, распространению приемов рационального ведения хозяйства, урегулированию поземельных отношений и росту территориальной мобильности крестьянства, что способствовало ускорению модернизационных процессов в Российской империи. Реформа не была завершена в связи с событиями Первой мировой войны и Февральской революции. Однако полученные результаты позволяют рассматривать столыпинские аграрные преобразования в качестве альтернативы революционным трансформациям.

С.В. Букалова¹

Сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны основной формой социальной организации крестьянства оставалась община, принявшая в пореформенный период юридическую форму сельского общества. Традиционно общинная организация выполняла в отношении своих членов разнообразные экономические, социальные и юридические функции.

¹ Букалова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, STL1612@yandex.ru, Россия, г. Орел.

Одним из важнейших проявлений солидарности крестьянского коллектива была традиция трудовой взаимопомощи – т.н. «помочь» или «толока». Толока представляла собой родственную и соседскую помощь в работах, которые требовали большого числа рабочих рук и были ограничены во времени. Она регулировалась целой системой норм поведения – допускалось ее проведение в воскресные и праздничные дни, работа сопровождалась песнями и завершалась совместными трапезами, иногда – гулянием и катанием по селу.

Толоку можно подразделить на три вида: безвозмездная помощь одному из хозяйств в экстренных случаях; трудовая помощь в обмен на угощение и, наконец, «отработка» – вид толоки, при котором все участники обязаны проделать определенный вид совместных работ. Кроме того, посредством системы «помочей» выполнялись работы, необходимые для всего общества. С инициативой мог выступить либо сход, принимавший мирской приговор о проведении толоки, либо хозяин, который лично обходил односельчан и приглашал их на совместную работу.

Современные исследователи дают разнообразные оценки данной социальной практики. Она рассматривается как составная черта «этики выживания» традиционного социума, проявление в крестьянском общежитии принципов христианской морали, но также – как обмен услугами, рассредоточенный во времени и по различным видам деятельности между крестьянскими семьями. Наиболее полно можно охарактеризовать практики взаимопомощи внутри крестьянского коллектива как вид реципрокационных и редистрибутивных социальных связей, которые поддерживают единство пространства жизнедеятельности и вырабатывают определенные стереотипы поведения в форме нравственных практик, не имеющих в своей природе мотивов рационального страхования рисков.

Представляется важным выяснить, какое влияние оказала Первая мировая война на эту сторону общинного быта, что может косвенно свидетельствовать об эволюции функций крестьянской общины.

Поскольку объявление мобилизации пришлось на время летней страды, министр внутренних дел телеграммой рекомендовал губер-

наторам обратить особое внимание на помощь в уборке урожая семьям призванных. Власть решила сделать ставку на стимулирование практики общинной взаимопомощи при посредстве земств.

Мирская помощь позволила убрать урожай, произвести вспашку и посев озимых, однако ее инициатива зачастую исходила не изнутри деревенского мира, а извне. Например, в Малоархангельском уезде Орловской губернии уборка хлеба с полей мобилизованных была произведена сельскими обществами по инициативе уездного предводителя дворянства и под наблюдением земских начальников. Участие в организации процесса могли принимать полицейские исправники, духовенство.

Наибольшими ресурсами для оказания трудовой помощи солдатским семьям располагали агрономические отделы уездных земств. Широко практиковалась бесплатное предоставление от земств семьям призванных сельскохозяйственного инвентаря и машин. Ключевую роль в организации трудовой помощи играли земские агрономы. Нужда в посевном материале могла удовлетворяться за счет продовольственных ссуд уездного земства. Также земства могли выделить средства на организацию помощи в уборке полей.

В дополнение к государственному пособию, помощь солдатским семьям оказывалась местными структурами Елизаветинского комитета (комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну) в тесном взаимодействии с земствами. Эта помощь была направлена на поддержание среди крестьянского населения «сельскохозяйственного благосостояния». При участии Елизаветинского комитета в деревне организовывались ясли, оказывалась агрономическая помощь, работали трудовые ученические дружины.

Служители Русской православной церкви также включились в создававшуюся систему социальной поддержки семей мобилизованных, в каждом приходе были созданы попечительские советы, занятые преимущественно сбором и распределением пожертвований; советы могли организовывать и трудовую помощь. В некоторых уездах Новгородской губернии кооперативы организовывали

трудовую помощь семьям своих ушедших на фронт членов.

Накануне 1915-го сельскохозяйственного года были выработаны «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», а в 1916 г. предпринимались интенсивные попытки привлечения к сельскохозяйственному труду беженцев.

Таким образом, традиционная автономность крестьянской общины все больше размывалась, крестьянский мир все шире вовлекался в сферу государственной политики. Обращает на себя внимание то, что в самом начале войны, летом 1914 г., власть принимала энергичные меры по инициированию общинной помощи семьям мобилизованных крестьян. Последовавшие затем попытки государственных структур заместить отток рабочих рук из деревни внешними источниками рабочей силы, регламентировав ее использование в крестьянском хозяйстве, свидетельствует, на наш взгляд, о деградации института общинной взаимопомощи в годы войны, несмотря на то, что теоретически экстремальные условия должны были повышать уровень сплоченности и взаимовыручки в коллективе.

На упадок значения общинной взаимопомощи оказали влияние сразу несколько обстоятельств. Кроме оттока рабочих рук вследствие продолжавшихся мобилизаций, масштабы которого в условиях аграрного перенаселения еще предстоит оценить, сказалось также вздорожание рабочей силы. В то же самое время община проявила деятельную солидарность в вопросе сохранения коллективного землевладения, добившись прекращения землеустроительных работ и выделения единоличников.

Н.В. Токарев¹

Губернская власть и столыпинская трансформация тамбовской деревни

При каждом изменении правительственного курса в дореволюционной России основная роль в перестройке жизни сельского социума отводилась губернским органам власти. Личные и профессиональные качества провинциальных управленцев, их лояль-

¹ Токарев Николай Васильевич, Колледж права и безопасности, n_tokarev@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

ность к мероприятиям коронной администрации, отчетливое понимание целей, приоритетов и направлений имперской политики прямо влияли на скорость и исход перемен.

Ведая подбором кандидатов неперменных членов землеустроительных комиссий и земских начальников, губернатор определял состав сотрудников земельной реформы, которые помогали на практике реализовать столыпинское законодательство. Известное противостояние тамбовского губернатора консерватора Н.П. Муратова с периферийной элитой, закончившееся судебным преследованием темниковского уездного предводителя дворянства и одновременно крупного либерального деятеля Ю.А. Новосильцева, проистекало не только из-за идеологических разногласий. Губернатор столкнулся с привычным старанием местного деятеля держать под контролем все уездные учреждения и видеть во главе землеустроительной комиссии свою креатуру.

В Тамбовской губернии на старте столыпинской модернизации отличился служебным рвением вице-губернатор Н.Ю. Шильдер-Шульднер, взявший на себя проведение многочисленных съездов, совещаний и собраний, призванных подтолкнуть процесс землеустройства. Он же налаживал взаимодействие с земскими учреждениями, готовыми помочь правительству в создании участковой агрономии. Успешный тандем губернатора и вице-губернатора, их слаженные действия на ниве аграрных преобразований ускорили их ход в Тамбовской губернии.

Как начальник полиции губернатор обеспечивал исполнение на деле первой части столыпинской формулы «Сначала успокоение, потом реформы». Карательные действия должны были изъять из деревни беспокойный и авторитетный элемент, способный приостановить ход реализации закона 9 ноября 1906 г. Наиболее деятельно своим правом административных репрессий воспользовались губернаторы Н.П. Муратов и А.А. Салтыков. Первый в начале переустройства, когда помимо убеждения в необходимости обновления аграрной сферы последовательно преследовались противники правительственных реформ, второй – в заключительной фазе, когда мировая война

внесла коррективы в проведение крестьянской политики, заставляя отказаться от наступления на общинные порядки и перейти к торможению реформирования деревни.

Взгляды на реформу из окна столичного кабинета на набережной Мойки могли расходиться с мнениями обитателя губернаторского дома на р. Цне. Так, руководитель Главного управления землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин указал тамбовским администраторам на излишнее увлечение одной формой землеустроительных работ: вместо погони за отводом отдельных участков следовало стремиться к разверстанию, позволявшему массово насаждать участковое землевладение. Представляя отчеты и предложения в адрес коронной власти, транслируя распоряжения чиновников высшего звена на уровень уездов и волостей, губернская администрация надеялась на корректировку практики реформирования с учетом местных условий.

Губернским администраторам приходилось действовать в разных слоях взаимоотношений, улаживая ведомственные противоречия между МВД, Министерством финансов, ГУЗиЗ. Проведение реформы вскрыло, например, разные подходы Тамбовского отделения Крестьянского поземельного банка и уездных землеустроительных комиссий. Обремененное купленными у помещиков именными финансовое учреждение ставило целью быстрейшую их продажу любым клиентам, даже не имевшим никаких корней в уезде и губернии. Привлечение таких покупателей мешало планам ускорения землеустройства окрестных селян и закладывало основу будущего противостояния «пришлых» и «старожилов». Непродуманные шаги земских начальников и землеустроителей на основе столыпинских законов могли осложнить жизнь и полицейским чиновникам, усугубляя старые и порождая новые противоречия внутри сельских обществ.

При Н.П. Муратове снискало печальную всероссийскую славу «волоотовское дело». Увлеченный идеей превращения Лебедянского уезда в центр «землеустроительной волны» чиновник Г.А. Ростовцев всеми способами подталкивал к разверстанию большую крестьянскую общину с. Волоотово близ Лебедяни. Склонный к ра-

дикальным мерам губернатор фактически пошел на поводу у своего подчиненного, неперменного члена уездной землеустроительной комиссии. В кризисной ситуации землеустроитель, исправник и земский начальник оказались неспособными остановить эскалацию внутриобщинного конфликта, в результате произошло столкновение с полицейскими стражниками. «Реформа на крови» (А.М. Анфимов) в Тамбовской губернии в 1910 г. имела своим следствием гибель 6 лебедянских общинников.

Из-за незавершенности столыпинской реформы усилия губернских властей по трансформации тамбовской деревни сложно оценить однозначно. Казалось бы, появился тонкий слой «новых собственников», нацеленных на рациональное хозяйствование. Но накануне крушения царизма большая часть крестьянских земель в Тамбовской губернии по-прежнему находилась в общинной собственности. События 1917 г. показали, что губернской администрации удалось только на время приглушить антагонизм между отрубниками и их противниками, взявшими реванш при безвольном Временном правительстве.

М.В. Оськин¹

**Продовольственный вопрос в России
в годы Первой мировой войны (к дискуссии
о благосостоянии населения империи в начале XX века)**

В изучении истории России периода поздней империи важную роль сыграла широкомасштабная дискуссия конца 2000-х – начала 2010-х гг. об уровне жизни населения Российской империи накануне революции 1917 г. Часть историков, положительно оценивающих состояние и эволюцию России в начале XX века (империя успешно продвигалась по пути модернизации, но ее поступательное развитие было прервано Первой мировой войной, ставшей основным фактором революции 1917 г.), склонна объяснить скатывание страны в революцию политическими причинами, в опре-

¹ *Оськин Максим Викторович*, кандидат исторических наук, Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, mahozv@yandex.ru, Россия, г. Тула.

деленной степени субъективного плана. Другие ученые, напротив, критично настроенные в отношении экономических успехов России накануне войны (особенности социально-экономического развития страны и специфика политической системы России делали крах имперской модернизации и революционный взрыв практически неизбежными), делали упор на объективную нехватку материальных ресурсов для ведения войны. Дискуссия велась вокруг двух теорий – структурно-демографической, усиленной идеями неомальтузианства, и теории модернизации.

Дискуссия была открыта публикацией монографии Б.Н. Миронова о социальной истории России пореформенного времени, и ответами на нее. Основными оппонентами выступили с одной стороны («оптимисты») Б.Н. Миронов и М.А. Давыдов, а с другой («пессимисты») – А.В. Островский и С.А. Нефедов. В ходе дискуссии были введены в научный оборот новые источники, представлена их интерпретация, поставлены насущные и острые проблемы истории Российской империи в заключительный период. Помимо того, дискуссия особенно заострила проблему хлебного экспорта Российской империи, споры о которой велись и ранее. И, главное – можно ли считать дореволюционную Россию страной, имевшей излишки продовольствия. Немалые разногласия также вызвала методология антропологического подхода, неомальтузианской концепции и оценки дореволюционной статистики.

В отечественной историографии традиционно считалось, что Российская империя была обеспечена продовольственными ресурсами и продовольственный кризис конца 1916–1917 гг. был вызван субъективными причинами – прежде всего, недостаточно эффективной деятельностью продовольственной организации страны в деле снабжения. В последнее время эти оценки пересматриваются, так как изучается вся номенклатура продовольственной продукции, а не только хлебной, как то было ранее, статистические данные по которой являются наиболее доступными и исследованными. Как таковая дискуссия не получила оформленного завершения, условно продолжаясь и сейчас.

Таким образом, в новейшей историографии ставится вопрос о степени достаточности продовольственного ресурса страны для ведения мировой войны и, следовательно, о характере революции 1917 г. Работами А.В. Островского на первый план в разразившемся накануне 1917 г. продовольственном кризисе ставится проблема продовольственного производства в Российской империи вообще. В качестве важнейшего момента он выделяет степень удовлетворения населения сельскохозяйственными продуктами и деятельность пищевой промышленности страны. Производство, распределение и снабжение армии и населения продукцией животноводства, а также и прочими продуктами питания (например, овощи, жиры и рыба) не рассматривались в своей совокупности. Данная проблема тесным образом увязывается с исследованиями влияния хлебного экспорта России на народное хозяйство страны и народное потребление.

Период Первой мировой войны позволяет наиболее полно подойти к постановке данной проблематики, так как условия военного времени в наибольшей степени обострили противоречия довоенного развития, сосредоточивая внимание на теме продовольственного вопроса. К тому же разбросанные в документации различных ведомств статистические данные по снабжению фронта, неизбежно увязываемые с данными о наличности и расчетах номенклатуры всех видов продовольствия в стране, дают возможность объединить эти материалы в общую картину продовольственной ситуации в военное время.

Снабжение армии высокими пайковыми нормами выделяет социальную группу военнослужащих в тот слой, что имел возможность питаться по уровню развитых европейских стран. Развитие продовольственной ситуации в стране в военный период показывает, что перевод дополнительных 10 % населения в такой разряд, привел к прогрессирующей нехватке продуктов питания и продовольственному кризису в течение 2,5 лет. Сопоставление продовольственного снабжения фронта и тыла в 1914–1917 гг. выводит на первый план изучение разворачивающегося процесса продовольственного кризиса, ставшего важнейшим фактором Великой русской революции.

Данный подход позволяет дополнительно заострить проблему благосостояния населения России накануне революционных событий 1917 г. посредством изучения народного хозяйства в военную эпоху в производстве необходимой для жизнедеятельности человека продукции – всех видов продовольствия. Такое исследование показывает, что хлебный экспортный ресурс был исчерпан вскоре по мере роста армии, а излишков прочих продуктов в стране не было вообще. Выправлять недостаток производства следовало организационными усилиями правительства и продовольственных организаций, транспортным маневрированием в масштабах всей страны, обращением к внешним рынкам.

Острота продовольственного вопроса стала следствием неверного соотнесения объемов продовольственного ресурса России и повышением потребления во время войны (прежде всего армией). Когда же к осени 1916 г. проблема оказалась понятой и осознанной, ситуация зашла настолько далеко, что любые мероприятия по выходу из нее носили запаздывающий характер, а значит, заведомо были обречены на неуспех. Такой вывод показывает, что именно «пессимисты» более верно оценивают уровень благосостояния населения России накануне революции, что заостряет проблему ее причин и предпосылок.

И.С. Свиридов¹

О сектантстве среди крестьянства Черноземного Центра России во второй половине XIX века

Великорусские крестьяне посещали церковь по религиозным праздникам, соблюдали посты, помогали нищим и обездоленным. Высокая плата за совершение основных Таинств (крещение, причастие, исповедь) вызывала у землепашцев недовольство и толкала часть их к сектантству. Крестьяне Пронского уезда Рязанской губернии в конце XIX в. платили за крещение около 7 руб., за брак – 7–9 руб., за панихиду – более 2 руб. 30 коп. Незавидное матери-

¹ Свиридов Илья Сергеевич, аспирант, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, ilya.sviridov.1992@mai.ru, Россия, г. Липецк.

альное положение большинства священнослужителей обусловило необходимость взимания ими высокой платы за совершение таинств. Статус священника предполагал его высокие морально-нравственные качества, но в реальной жизни так было далеко не всегда. Морально-нравственный облик части сельских священников нередко отталкивал крестьян от официальной церкви. Далеко не всегда умственные и нравственные качества приходских священников были образцовыми. Разделяя отношение к священникам и отношение к вере, крестьяне начинали самостоятельно размышлять о сущности религии. Такие размышления являлись причиной оставления крестьянами православной веры и вели, как они полагали, к поиску чего-то нового – более истинного и справедливого.

Плохо понимая богословские учения, мужик чувствовал христианский дух этого учения. Из-под примеси суеверия и ржавчины сект просвечивало евангельское золото. Одной из приманок, увлекающих русский народ в разные секты, было желание пострадать за истину, жажда гонений и мученичества. Среди православных было много колеблющихся, у которых бродячая религиозная мысль не находила ответа в обществе своих единоверцев, а привлекаемая убежденными проповедями сектантов – односельчан, а главное примером их трудовой, дружной и трезвой жизни, основанной на началах взаимопомощи, обращалась к сектантству.

Сектантство проявилось на территории Тамбовской епархии. Оно было представлено двумя разновидностями – рационалистическим (молоканство, штундо-баптизм) и мистическим (скопчество, хлыстовство). Условиями, благоприятствующими развитию штундизма, были разбросанность и чрезмерная величина некоторых приходов Курской епархии, отдаленность от приходского храма хуторов и деревень, низкая нравственная высота жизни приходского духовенства, недостаток или совершенное отсутствие пастырской привлекательности. За дальностью расстояния пастырский надзор за жителями деревень и хуторов в этом случае делался почти невозможным; связь жителей с храмом слабела, развивалось охлаждение к благочестивым обычаям, оскудение христианской ревности – и создавалось, таким образом, почва для возникновения секты.

Штундизм был привлекателен для людей, выбитых из колеи, надломленных житейскими бурями и не приучившихся искать утешение в молитвах. Хлыстовская секта, зародившаяся в с. Перевязово Кирсановского уезда Тамбовской губернии, широкого распространения по губернии не получила.

Секта духоборцев принадлежала к разряду сект мистико-рационалистических. Духоборы отвергали авторитет Церкви, иерархию, таинства и всю внешнюю обрядовую сторону религии – иконы, посты, крестное знамение.

На великорусскую деревню оказало влияние и религиозно-философское учение Л.Н. Толстого, основные положения которого изложены в произведениях 1884 года «Исповедь» и «В чем моя вера?». На его базе сформировалась секта толстовцев, зародившаяся в Московской и Тульской губерниях.

Влияние сект не ограничивалось рамками общин. Так, члены молоканских общин с. Жабина и с. Климово Раненбургского уезда Рязанской губернии, отрицавшие иконы, почитавшие Библию, не пьющие вина и не курящие табака, приглашали православных крестьян на свои богослужения. Молокане старались заинтересовать православных идеями собственного вероучения. На православных землепашцев оказывал сильное влияние сам образ жизни молоканского священника, который ничего не требовал за отправление своих обязанностей, крестьянствовал наравне со всеми, а Священное писание знал не хуже православного попа. В итоге, многие православные, таясь от односельчан, отдавали предпочтение молоканству.

На распространение сектантских взглядов среди крестьян серьезное влияние оказывали отхожие промыслы. Крестьяне-отходники в городах нередко вовлекались в различные секты (например, секта пашковцев). Поверхностное знание догматов православной веры, высокая плата сельским священникам за требы, отхожие промыслы способствовали появлению ростков сектантства. Несоответствие православных традиций понятиям крестьянской справедливости приводило многих землепашцев в секты.

В.В. Бабашкин¹

**Крестьяноведение как теоретико-методологический подход
в области аграрной истории**

Слово «крестьяноведение» пришло в российское обществоведение с подачи А.В. Гордона, который в 1989 г. перевел таким образом более или менее укоренившиеся к тому времени в западной гуманитарной науке Peasant Studies. Западные коллеги обозначали этим словосочетанием такую область знания, как теория и история крестьянских обществ, обществ традиционной аграрной цивилизации. К середине 1960-х гг., когда зафиксирован настоящий бум Peasant Studies, в общественной науке накопилась критическая масса свидетельств тому, что подобные общества нельзя изучать при помощи того же аналитического инструментария, который дает теория прогресса для исследования обществ либерально-рыночной цивилизации. В самом начале 1970-х гг. опубликованы монографии «Крестьянские войны двадцатого века» Э. Вульфа (США) и «Неудобный класс» Т. Шанина (Великобритания), авторы которых по сути доказывают, что Peasant Studies представляют собою более адекватный методологический подход к исследованию российской исторической проблематики по сравнению с теорией и методологией прогрессизма.

В отечественной исторической науке тогда ни о чем подобном и речи быть не могло. «Оттепели» оказалось недостаточно, чтобы обеспечить полнокровную жизнь «нового направления» в советской историографии во главе с К.Н. Тарновским,

¹ Бабашкин Владимир Валентинович, доктор исторических наук, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, vbabashkin@ranepa.ru, Россия, г. Москва.

А.М. Анфимовым, П.В. Волобуевым и др. Отрицать аграрный капитализм в отечественной истории начала XX в. было равносильно святотатству, поскольку в этой связи под сомнение неизбежно попадала трактовка Великой Октябрьской социалистической революции как прорыва в масштабах одной страны (а после Второй мировой войны – и целого «соцлагеря») к более совершенному по сравнению с капитализмом социально-политическому устройству. В.П. Данилов в одной из своих публикаций 1994 г. вспоминал, как происходило становление секции «Общинные организации сельского населения» в ходе работы по подготовке и проведению XII–XV сессий Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1970–1974 гг. Весной 1976 г. секция была закрыта без объяснения причин, и дальнейшие упоминания в работе Симпозиума о подготовленных и опубликованных в ее рамках докладах научным начальством не приветствовались. Причину, по словам В.П. Данилова, «знали все, но никто не говорил: разработка общинной проблематики была одним из направлений научной мысли, расходившимся с догматами официальной исторической концепции».

Эти догматы существовали под именем «марксизм-ленинизм» или «научный коммунизм», и они достаточно жестко определяли приоритетные направления в исторических исследованиях. Общинная проблематика не относилась к таковым направлениям, т.к. ассоциировалась с некой архаикой. Обнаружение архетипов общинно-крестьянского мышления и поведения в советской повседневности, отпечатков общинности в социальных, экономических и политических институтах советского общества ставили под вопрос представление о советской модели как прорыве к вершинам общественного прогресса. Как это ни парадоксально, но в этом плане научный коммунизм в СССР был значительно ближе к аксиоматике и догматике антикоммунизма западной советологии, чем к теоретическим подходам крестьяноведения. И коммунизм, и антикоммунизм уютно укладываются в рамки теории прогресса, определяя соответствующий тип мышления, в том числе и представление о мировом лидерстве. Крестьяноведение взрывает эти

рамки, давая, в частности, представление о принципиальной несхожести российской цивилизации со странами Запада в том, что касается моральных норм, ценностных установок, ментальных, социально-психологических характеристик людей.

В этом качестве крестьяноведение мощно присутствует в нашей истории еще в позапрошлом веке в виде социально-философских трактатов славянофилов, трудов ученых-народников по истории крестьянской общины, опыта художественного осмысления народной жизни в великой русской литературе и публицистике. Приблизительно до рубежа 1920-х – 1930-х гг. продолжалось интенсивное осознание российским обществом самого себя как общества крестьянского, приобретая иной раз весьма специфические формы. В 1930-е гг., когда в целом сложились основы советского общественного устройства, научное наследие народников по форме вроде бы было решительно отринуто (в пользу все того же «марксизма-ленинизма»), но при внимательном рассмотрении оказывается, что очень многое было воспринято советской идеологией, а главное – практикой повседневной жизни. Крестьянский общинный менталитет стал системообразующим фактором советского общества. Однако «оптика» прогрессистских подходов чрезвычайно затрудняет возможность увидеть это обстоятельство и анализировать логику советской и постсоветской эволюции с его учетом.

В 1990-е гг. российское крестьяноведение стало уверенно возрождаться. Это междисциплинарная отрасль гуманитарного знания имеет особое методологическое значение для исследований в области аграрной истории, истории аграрных отношений практически на всех этапах развития нашего общества. Нельзя сказать, что восстановление этих позиций происходит в отечественном обществоведении должными темпами. «Мейнстримом» здесь по-прежнему является система рыночно-либеральных подходов, которыми стремительно обернулся научный коммунизм прошлых десятилетий. Стремительность эта объяснима вышеупомянутым внутренним единством коммунизма и антикоммунизма как двух ипостасей теории прогресса. Но это ненадолго, потому что многие

исторические события отечественной истории, истории аграрных отношений в России получают с позиций либерализма еще менее адекватные трактовки, чем при помощи догматов советской официальной исторической концепции.

Г.Е. Корнилов¹

Историографическая ситуация в историко-аграрных исследованиях России: конец XX – начало XXI в.

В последние 30 лет для исследований истории России XX в. характерны следующие особенности:

1. Научно-исследовательские: особое внимание к теоретико-методологическим аспектам, акцентирование на региональную историю, выявление и анализ ранее закрытых документов («архивная революция»).

2. Организационные: формирование региональных центров (Север – Вологда, Сыктывкар, Поволжье – Самара, Саранск, Пенза, Йошкар-Ола, Дон и Северный Кавказ – Ростов-на-Дону, Краснодар, Урал – Екатеринбург, Оренбург, Уфа, Сибирь – Новосибирск, Омск), формирование научных школ, координационная деятельность Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

3. Публикаторские: издание журнала «Крестьяноведение. История. Теория. Современность»; появление, точнее, восстановление, «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы». Основная форма научных публикаций – статьи.

4. Активизация сотрудничества с зарубежными центрами историков-аграрников (США, Австралия, Германия, Япония), одновременно фактический разрыв научных связей с бывшими союзными республиками СССР.

Охарактеризуем некоторые из указанных особенностей. В советский период в историко-аграрных исследованиях главное внимание уделялось классовой борьбе в деревне, развитию производительных сил, колхозно-совхозному строительству, формированию класса колхозного крестьянства. Разработка этих тем

¹ *Корнилов Геннадий Егорович*, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, genakorn@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

осуществлялась на основе доступных исторических источников, чаще на материалах съездов, конференций и пленумов ЦК РКП(б) / ВКП(б) / КПСС. В значительной степени свободный научный поиск историками подменялся толкованием партийных догм (см. публикации С.П. Трапезникова).

Тем не менее некоторые ученые давали оригинальную интерпретацию ключевых аспектов аграрной истории России / СССР XX в. В Институте истории СССР АН СССР (ныне ИРИ РАН) под руководством В.П. Данилова сформировался еще в условиях «оттепели» коллектив историков-аграрников: И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, М.А. Вылцан и др.

Демократизация в СССР, кризис аграрной сферы обусловили особый интерес к аграрной истории. С конца 1980-х гг. началась публикация трудов зарубежных исследователей российской аграрной истории Т. Шанина, М. Левина, С. Уиткрофта, Р. Маннинг, Л. Виолы, А. Береловича, Н. Верта, Х. Окуды и др. Они выработали подходы, отличающиеся и от традиционных марксистских схем советского обществоведения, и от современных модернистских построений. Для зарубежной аграрной историографии характерен отход от моделей тотальной истории. Ее развитие проходило в общем контексте становления методологии «социальной истории». Главным направлением стала повседневная история народа, рассказанная живыми «голосами снизу», а не изложенная в интерпретации политических элит. Несомненным достижением западной науки стало утверждение в качестве самостоятельного направления историко-аграрных исследований – крестьяноведения. Оно явилось одним из локальных видов социокультурного подхода.

«Материальной» основой активизации аграрных исследований и международного сотрудничества стала «архивная революция». С конца 1980-х гг. открылись ранее закрытые архивы, многие секретные фонды. Историческую науку захлестнула настоящая «архивная лихорадка».

В.П. Данилов, благодаря своему научному авторитету среди отечественных и зарубежных исследователей, сумел организовать международные проекты с целью получения новых знаний по аг-

рарной истории России XX в. на основе всестороннего изучения архивных документов, а также выработки адекватной методологии исследования. Данные проекты дали мощный толчок региональным историко-аграрным исследованиям.

Заметным явлением научной жизни 1990-х – начала 2000-х гг. была работа теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», проводимого ИРИ РАН и Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентр), организация издания ежегодника «Крестьяноведение. Теория. История. Современность».

Теоретические поиски в области изучения аграрной истории свидетельствовали о преодолении концептуальных стереотипов советской историографии. Особое место заняли работы В.П. Данилова, в которых анализируется развитие аграрных отношений в России в длительной исторической ретроспективе. Многочисленные аграрные перестройки в нашей стране (реформы и контрреформы) он определял как «потрясения крестьянской страны, вступившей на путь индустриально-рыночной модернизации».

В последние годы в историографии аграрной истории России преобладают региональные исследования и выделяются два направления. Определяющим из них является изучение процессов в российской деревне в рамках концепции модернизации (С.А. Есикова, В.А. Ильиных, В.В. Кондрашин, В.А. Лабузов, Л.Н. Мазур, В.В. Наухацкий, О.А. Сухова, В.В. Филатов и др.). Сибирский историк В.А. Ильиных, анализируя сущность и основное содержание реализуемых в крае моделей аграрного развития, считает, что в условиях 1930–1980-х гг. происходило огосударствление аграрного строя страны. Уральский историк Г.Е. Корнилов предложил анализировать аграрные трансформации России в рамках концепции «аграрного перехода».

Другое направление представляют работы вологодских историков М.А. Безнина и Т.М. Димони, которые выдвинули концепцию государственной «капитализации» сельского хозяйства как особого российского способа аграрной модернизации.

В публикациях современных зарубежных исследователей преобладает мнение, что аграрной модернизации в России не произошло.

Однако разброс мнений и в данном случае достаточно широк: от утверждений о том, что в бедной и нищей России вообще не было и не могло быть модернизации (П. Гэтрэлл, А. Грациози) до различных ее допущений (Э. Кингстон-Манн, К. Бруиш, Ш. Мерль).

Сельской модернизации России посвящен номер журнала *Cahiers du monde russe* (2016/1 (Vol. 57)). Попытки трансформировать сельскую экономику России и Советского Союза авторы исследуют через призму развития научных знаний, техники для повышения урожайности и развития сельских районов. Огромная аграрная периферия требовала усиления роли государственной власти и колонизации. Складывается впечатление, что авторы издания пытаются убедить читателей, что аграрная политика имела катастрофические последствия и для сельского хозяйства, и для экологии, и для здоровья граждан России

Безусловно, нельзя однозначно оценивать результаты модернизации российской деревни. Модернизация в России советского периода насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер и не решала многих задач классического варианта. Однако отрицать ее невозможно. Модернизация являлась мировой тенденцией XX столетия, это было явление цивилизационного масштаба. Россия вошла в XX в. аграрной страной, а вышла из него страной индустриальной. Процессы модернизации определяли все сферы жизни и деревни, другое дело, в какой форме они происходили, какие приоритеты были на различных ее этапах, к каким результатам они привели.

А.А. Куренышев¹

Некоторые проблемы современной аграрно-крестьянской историографии

Концепция российского крестьянства, разработанная В.П. Даниловым, наряду с концепцией «крестьянской революции

¹ *Куренышев Андрей Александрович*, доктор исторических наук, Академия гражданской защиты МЧС России, kure-andrej@yandex.ru; kurand1952@gmail.com, Россия, г. Москва.

1902–1922 гг.» явились серьезным вкладом в историю и историографию изучения проблем российской деревни рубежа XIX–XX вв. Данную проблематику помимо В.П. Данилова исследовали А.В. Островский, А.М. Анфимов и ряд других крупных отечественных историков. За рубежом к их исследованиям примыкало так называемое «крестьяноведение», крупнейшими представителями которого можно назвать Т. Шанина и Дж. Скотта.

А.В. Островский существенно дополнил и развил многие аспекты теории изучения крестьянства, подведя под умозрительные во многом суждения В.П. Данилова, статистические и другие экономические параметры. Он, в частности, отмечал: «На основании материалов земских обследований мною была сделана попытка проверить эту версию. Она показала, что основная масса хлеба и продукции животноводства поступала на рынок из беднейших и так называемых средних крестьянских хозяйств. Даже в южных губерниях, дававших основную массу товарного хлеба, хозяйства, основанные на использовании наемной рабочей силы, не играли на хлебном рынке главную роль. Между тем, товарность беднейших и средних крестьянских хозяйств во многом имела вынужденный характер, в результате чего для большинства крестьян, с капиталистической точки зрения, производство зерна, скота и продукции животноводства являлось убыточным». Именно таким образом можно подкрепить некоторые априорные рассуждения В.П. Данилова и сделанные когда-то неонародниками и В.И. Лениным выводы об антикапиталистическом характере борьбы крестьянства и об его потенциальной революционности в буржуазно-демократической революции.

В.П. Данилов и А.В. Островский обратили внимание на особую роль поземельной общины в жизни российской деревни. Островский считал общину простейшей формой кооперации. Данилов отметил организующие и объединяющие на борьбу за свои права функции общины. Спор о судьбах крестьянской общины часто перекликался с дискуссией о роли и значении кооперации для развития отечественного сельского хозяйства.

В дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории» в начале 1990-х гг., можно найти различные точки

зрения на эти и другие проблемы, высказанные как отечественными, так и иностранными учеными. В.П. Данилов считал кооперативную альтернативу реально осуществившейся политике в области реформирования аграрных отношений, о которой тогда писали и говорили А.В. Чаянов и Н.И. Бухарин, вполне научно обоснованной и имевшей в ретроспективе все шансы на реализацию. Эту позицию, как известно, подвергал критике С.П. Трапезников, полагая, что в рамках общины сложилась система предпосылок коллективизации, и никакой кооперативный социализм не предполагался объективным ходом развития событий. Следует отметить, что один из любимых учеников В.П. Данилова, глубокий знаток проблематики крестьянской кооперации 1920-х гг., В.В. Кабанов полагал, что в этом принципиальном методологическом споре С.П. Трапезников был ближе к истине. А.П. Корелин и П.Н. Зырянов говорили о коллективной запашке, принудительном севообороте, системе открытых полей, выпасе скота по жнивью как каких-то предпосылках коллективизации.

К позиции В.В. Кабанова о кооперации как потенциальной альтернативе коллективизации близок нью-йоркский профессор Я. Коцонис, чья монография «Как крестьян делали отстающими» содержит новое понимание проблематики русской крестьянской кооперации по сравнению с идеалистическими воззрениями народников и ученых, представляющих организационно-производственное направление российской экономической мысли. Много писал о том, что у крестьянской кооперации нэповской поры изначально не было перспектив, замечательный тамбовский историк С.А. Есиков, полемизируя с В.П. Даниловым, которого считал своим учителем и старшим другом. Сходных позиций придерживается известный новосибирский историк-аграрник В.А. Ильиных. К детерминизму в воззрениях на коллективизацию приходит в своих последних монографиях и такой авторитетный историк, начинавший свой путь в науке под руководством В.П. Данилова, как В.В. Кондрашин. В монографии о голоде 1933 г. он систематизирует этот, в общем-то, новый для себя взгляд в последнем параграфе последней главы, который называется: «А была ли альтернатива трагедии?».

По нашему мнению, полемика историков имеет в основе не только методологические и фактологические основания, но и стремление некоторых исследователей игнорировать политические аспекты проблемы, рассматривая вопросы исключительно в экономической плоскости. Как кажется этим историкам, они «очищают» научный поиск от «избыточной» идеологизации и политизации. На самом деле такая методика ограничивает научный кругозор исследователя, сужает и его социальный обзор, заставляет быть сторонником только «сильных и успешных».

В.В. Кондрашин¹

**«Даниловский сектор» Института российской истории РАН:
прорыв в исследованиях аграрной истории России
первой половины XX века**

Ярким событием в аграрной историографии конца 1980-х – 1990-х гг. стала деятельность группы историков-аграрников Института российской истории РАН, объединенных в структурном подразделении (секторе-отделе-центре-группе) под руководством Виктора Петровича Данилова. Речь идет о феномене «могучей кучки Данилова». Так называли сотрудники ИРИ РАН и коллеги из регионов коллектив историков-аграрников, объединившихся вокруг В.П. Данилова в указанный период в рамках международных проектов «Крестьянская революция в России», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД», а также других «плановых» тем «Даниловского сектора».

В его состав входили: непосредственные участники международных проектов – В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, И.Е. Зеленин, М.А. Вылцан, а также В.В. Кабанов, М.Л. Богденко, А.П. Тюрина, Л.Н. Денисова, работавшие в рамках своих «авторских тем». На наш взгляд, членами «Даниловского сектора» можно считать “молодых” коллег – аспирантов, докторантов и стажеров (С.А. Есикова, В.В. Кондрашина, Е.А. Тюрина, Г.Е. Корнилова, М.А. Безнина

¹ Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru, Россия, г. Москва.

и др.), в той или иной форме задействованных в вышеназванных проектах или осуществлявших свои собственные исследования под научным руководством В.П. Данилова, И.Е. Зеленина и Н.А. Ивницкого.

Имеются все основания для утверждения о действительном прорыве в исследованиях аграрной истории России первой половины XX в., осуществленном В.П. Даниловым и его коллективом. Об этом свидетельствуют следующие аргументы и факты.

Сотрудники «Даниловского сектора» и работавшие с ними историки и архивисты подняли и изучили самые дискуссионные и трагические страницы в истории крестьянства и сельского хозяйства страны первой половины XX в.: крестьянские восстания периода революции 1917 г. и Гражданской войны, коллективизация и голод 1932–1933 гг., кооперативное движение в доколхозный период, творческое наследие А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и др. На эти темы были опубликованы многочисленные сборники документов, статьи, монографические исследования. Самой высокой оценки заслуживает документальная серия проекта «Крестьянская революция в России» (сборники документов и материалов о крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1917–1921 гг., Т. 1–2, о крестьянском движении: в Поволжье в 1919–1921 гг., на Юге Украины под предводительством Нестора Махно). В этом же ряду находится издание (в пяти томах и шести книгах) документов и материалов по истории коллективизации и созданию колхозно-совхозной системы в СССР в 1927–1939 гг. Уникальной серией стал четырехтомный сборник документов в пяти книгах о советской деревне глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД в период с 1918 по 1939 г.

Научная значимость перечисленных документальных серий состоит в том, что благодаря им в широкий научный оборот введен огромный комплекс архивных источников по аграрной истории России первой половины XX в., ранее не доступных исследователям, в том числе из Центрального архива ФСБ РФ. Следует особо подчеркнуть, что инициатором организации международных проектов по публикации архивных источников по актуальным и мало-

изученным аспектам аграрной истории России (СССР) XX в. выступил В.П. Данилов. Используя свой высокий авторитет в научном мире, в том числе и за пределами страны, а также среди отечественных архивистов, он получил поддержку руководства ИРИ, Росархива, зарубежных научных фондов. В результате были созданы международные коллективы историков и архивистов, сумевшие выявить и опубликовать огромный массив источников из центральных и региональных архивов страны по указанным темам. Даниловские проекты – это уникальный опыт успешного международного сотрудничества ученых России и зарубежных стран в области изучения отечественной истории.

Работа над этими проектами позволила их участникам глубоко и всесторонне осветить многие важные страницы истории крестьянства и сельского хозяйства России (СССР) в авторских монографических исследованиях. Классикой современной аграрной историографии России стали публикации по истории коллективизации одного из самых активных сотрудников «Даниловского сектора» Н.А. Ивницкого. Его монографии на эту тему, а также о судьбах раскулаченных крестьян – фактически – самые востребованные книги в системе исторического образования России, а также в среде специалистов, занимающихся различными аспектами данной проблемы, особенно на региональном уровне. То же самое можно сказать о публикациях И.Е. Зеленина, посвященных истории советской деревни после завершения сталинской коллективизации в 1932–1934 гг.

Работы Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина и В.П. Данилова как руководителя проектов «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД» – самое убедительное доказательство тезиса об антикрестьянском, насильственном характере аграрной политики советского государства на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

На наш взгляд, не потеряли своей актуальности публикации и дискуссии В.П. Данилова, В.В. Кабанова, Е.А. Тюриной о крестьянском хозяйстве в годы Гражданской войны, противоречивом характере развития крестьянской кооперации в советский докол-

хозный период, судьбах выдающихся российских экономистов А.В. Чаянове, Н.Д. Кондратьеве и др. Также следует высокого оценить новые подходы М.А. Вылцана и Г.Е. Корнилова к теме сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны, А.П. Тюриной к истории советского сельского хозяйства в 1960-е – 1980-е гг. В первом случае речь шла о пересмотре устоявшихся мифов советской историографии о прогрессе аграрной экономики страны в годы войны, во втором – об «успехах» аграрной политики в указанных период.

Заслугой «Даниловского сектора» было привлечение внимания специалистов и широкой общественности к вопросу о цене сталинской модернизации сельского хозяйства страны, ее пагубных последствий для судеб миллионов сельских тружеников (изучение голода 1932–1933 гг., «кулацкой операции» 1937 г. и др.). Его деятельность «дала толчок активизации аграрных исследований в российских регионах, появлению там крупных специалистов, укреплению между ними научных и личных связей.

Д.А. Сафонов¹

**От «классовой борьбы» к крестьянским представлениям:
развитие темы крестьянского социального протеста
в постсоветскую эпоху**

Традиционно тема классовой борьбы была одной из наиболее значимых в советской историографии. Классовому протесту крестьянства столь же традиционно уделялось особое внимание. Любое исследование экономического положения крестьян обязательно содержало параграф о крестьянских выступлениях. Шло собирание фактической информации, составлялись «хроники» крестьянского движения, велись плодотворные дискуссии о формах протеста, единицах протеста и т.п. В то же время определенные итоги и результаты были изначально предопределены – крестьянский протест обязательно шел по возрастающей под революционизирующим влиянием ра-

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Оренбургский государственный университет, d_safonov@mail.ru, Россия, г. Оренбург.

бочего класса. Классовая борьба крестьян заканчивалась с началом революции 1917 г., превращаясь в последующий период в «кулацкие мятежи» и бандитизм.

Постепенно стала появляться новая тема – сознание крестьян. Вопрос о содержании, сферах и видах общественного сознания на тот период, по признанию философов и социологов, был достаточно дискусионен. Поэтому не было единства взглядов и у историков: авторы писали о «психологии» (Б. Литвак, 1971), «социальной психологии» (М. Сваране, 1970, В. Фурсов, 1980), «крестьянском самосознании» (Г. Кавтарадзе, 1969), «крестьянском сознании» (Н. Пруцков, 1981), «политическом сознании» (Л. Бородкин, И. Кирьянов, 1989), «общественном сознании» (М. Рахматуллин, 1972, Д. Раскин, 1975, О. Нилова, 1982, О. Буховец, 1986, И. Кирьянов, 1987). При этом все авторы, по большому счету, имели в виду одно и то же – внутренний мир крестьянства, его взгляды и представления. Анализ таковых в основном оставался в рамках формулы «земля и воля», традиционно воспринимаемой как своеобразная квинтэссенция крестьянских воззрений, хотя нет никаких убедительных доказательств того, что все крестьяне именно так формулировали свои чаяния и намерения.

В «постсоветский» период произошли серьезные изменения. Формулирование проблемы как изучение «классовой борьбы» стало неприемлемым; на смену пришли «социальная активность» или просто выступления, активные действия. Вполне логично и рационально исследования крестьянской активности и крестьянских воззрений тесно сблизились, даже слились. По сути, в итоге произошло поглощение одной темы другой. Изучение воззрений, а также факторов, влиявших на воззрение крестьян, стало преобладающим. При этом имевшийся мощный задел фактического материала (хроники и т.п.) активно использовался как источниковая база.

Одновременно следует отметить резкий спад интереса к проблеме в целом. Можно предположить, что влияли усталость от прежнего, жестко поставленного в рамки идеологизированного подхода, а также повышенный интерес к новым, ранее неразрабо-

тываемым по тем же причинам сюжетам и направлениям, прежде всего, по послеоктябрьскому периоду.

Через анализ тематики докладов и сообщений Симпозиума 1991–2016 гг., несомненно, самого авторитетного научного форума по аграрной истории, можно отметить некоторые характерные моменты. Вплоть до середины 2000-х гг. число выступлений и докладов, так или иначе касавшихся крестьянского сознания, составляло не более 1,5–2 % общего числа; в отдельных случаях такая тема не затрагивалась вообще (1994, 2004). Со второй половины 2000-х картина несколько менялась – от 2 % в 2006 г., до 10,8 % в 2010 г.; средний показатель – 7 %.

О крестьянских действиях последний раз разговор на Симпозиуме поднимался в 2014 г. По тематике можно выделить несколько основных направлений: протестное движение и социальная активность крестьян (Буховец О.Г., 1991, Сафонов Д.А., 2000, 2008, 2014, Кукушкин В.Л., 2000, Соколова Н.В., 2010, Иванова Е.Г., 2012, Безгин В.Б., 2014, Ковалев Д.В., 2014); источники по крестьянским воззрениям (Сенчакова Л.Т., 2002, Роднов М.И., 2008, Щербакова Н.А., 2008, Кудюкина М.М., 2008, Голубев А.В., 2008, Кедров Н.Г., 2008, 2010, Сухова О.А., 2010, Сафонов Д.А., 2010, Безденежных А.Ю., 2010, Кузнецова О.В., 2010, Пахомова Е.В., 2010); слухи в крестьянской среде (Побережников И.В., 1991, Голубев А.В., 2010); представления и настроения крестьян (Тарабанова Т.А., 1996, Сухова О.А., 2012, 2014, Сафонов Д.А. 2012, Голубев А.В., 2012, Филимонов В.Я., 2014, Мизис Ю.А., 2016); крестьянская память (Кознова И.Е., 2000, 2008, 2010, 2012, 2016). Следует отметить, что в советское время аграрный симпозиум обращался к подобной тематике значительно активнее: проблеме социально-политического развития деревни были полностью посвящены две сессии – XVIII (Воронеж) и XIX (Уфа). Разумеется, приведенные проценты не соответствуют тому количеству публикаций, которыми сегодня располагает научное сообщество, но показывает, на наш взгляд, недостаточность внимания к теме со стороны именно Симпозиума. Между тем, именно он, помимо прочего, задает определенную тональность в изучении аграрной истории, служит бесспорным ориентиром исследователям, особенно моло-

дым. Невольно создается впечатление о приоритете экономической истории над социальной.

Несколько итоговых наблюдений. Бульшая часть выступлений по приведенным выше направлениям касалась «советской» эпохи, что является безусловной новацией. Но при этом за весь рассматриваемый период только два выступления затрагивали XVIII в., и одно – XVII в. Крестьянская активность после 1917 г. не имеет достаточной фактологической базы, каковая существует по периоду до 1917 г. Отработанные методики составления хроник не совсем применимы для «советского» периода, но это не может быть основанием для прекращения создания источниковой базы, ибо только рассмотрение действий и намерений в комплексе результативно по сути. К положительным моментам следует отнести также то, что современные исследователи в массе своей отошли от достаточно абстрактных подходов изучения крестьянства в целом и перешли к региональным изысканиям.

Н.А. Ковалева¹

**Эволюция теоретико-методологических подходов
к исследованию проблем крестьянской революции
в Украине 1902–1922 гг.**

Теоретико-методологические подходы к исследованию проблем крестьянства первой четверти XX в. в трудах советских историков определялись партийно-государственной идеологией. Партийные постановления и рекомендации ставили следующие задачи перед историками-аграрниками: обоснование предпосылок Октябрьской революции, популяризация ее положительных последствий для общества и самого крестьянства; освещение союза пролетариата и крестьянства, руководящей роли рабочего класса и РСДРП/ РКП(б) в развитии крестьянского движения; объяснение необходимости изъятия продовольствия у крестьян. На современном этапе изучение феномена крестьянской революции

¹ Ковалева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, Украинский государственный химико-технологический университет, boriss2002@ukr.net, Украина, г. Днепр.

обусловлено расширением источниковой базы и уровнем теоретического осмысления проблемы.

Главные направления исторических исследований 1920-х гг. определяла концепция двух революций М. Покровского: пролетарской и крестьянской. Основными участниками крестьянского движения начала XX в., с его точки зрения, являлись бедняки и разорившиеся крестьяне, выступавшие как союзники пролетариата, а также мелкобуржуазная прослойка – середняки. Концепцию крестьянской революции поддержали российские советские историки А. Шестаков, С. Дубровский, Б. Граве.

Украинские историки 1920-х гг. (Т. Каретникова, В. Качинский, М. Рубач, В. Якиманский) борьбу крестьянства изучали в контексте аграрной революции. Суть концепции наиболее четко определил М. Рубач: «революционная борьба крестьянства за землю», направленная против помещиков-крепостников, которая была составной частью общего революционного процесса.

Общей чертой этих концепций был анализ крестьянского движения с точки зрения классовой борьбы пролетариата и крестьянства против крупных землевладельцев. Украинские исследователи основное внимание сосредоточили на экономическом характере крестьянских бунтов и мотивации участия в них крестьян. Российские историки частично признавали политические требования крестьян и широкий круг участников борьбы, в том числе, участие зажиточных крестьян.

В 1930-х – первой половине 1950-х гг. направления и результаты исследований по аграрной проблематике определялись изложенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)» концепцией единой социалистической революции, «руководящую роль» в которой играл пролетариат. Согласно ей, борьба крестьян ограничивалась борьбой за землю (реализацией Декрета о земле). «Краткий курс истории ВКП(б)» определил последствия аграрной революции для крестьянства СССР, которые не пересматривались исследователями практически до начала 1960-х гг.: количество полученной земли, инвентаря. Основное внимание исследователей было сконцен-

трировано на изучении крестьянского движения и классового расслоения крестьянства.

Методологические подходы исторических исследований 1950–1980-х гг. определяли труды В. Ленина и решения партийных съездов. Господствующим в исторической науке стало «учение» о союзе рабочего класса с крестьянством. Концепция крестьянской революции не получила дальнейшего развития, аграрная революция была отождествлена с аграрной политикой советской власти. Период до 1917 г. изучался исследователями преимущественно в контексте социальной борьбы крестьянства – как крестьянское движение.

Существенные сдвиги в исследовании аграрной истории произошли во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.: деидеологизация науки, изучение новых аспектов аграрной истории, переосмысление и признание «крестьянского» характера событий 1917–1920 гг.

В 1990-х гг. украинские историки проанализировали советское научное наследие и разработали новые концептуальные подходы к изучению истории крестьянства на всеукраинских научных конференциях: «Историческая наука на пороге XXI века: итоги и перспективы» (Харьков, 15–17 ноября 1995 г.), симпозиуме по аграрной истории в Умани (10–12 октября 1996 г.), а также ряде других форумов. «Новую жизнь» на современном этапе получила концепция Украинской революции, составной частью которой постепенно становился крестьянский фактор.

Изучением проблем крестьянской революции в Украине занимаются историки разных исследовательских центров: Института истории Украины НАН Украины, университетов Киева, Черкасс, Днепра, Каменец-Подольского и других городов. Украинские историки выработали два подхода к освещению характера отношений крестьян с помещиками и государством в первых десятилетиях XX в.: аграрная революция (В. Лозовой, А. Михайлюк) и крестьянская революция (инициаторами ее разработки являются черкасские историки). Политические и социально-экономические условия развития Надднепрянской Украины (распространенность

меньшевистских организаций, слабость большевистского влияния в массах, консолидация крестьянской общины, кооперативное движение, развитие повстанческого движения, длительное отсутствие советской власти в деревне) обусловили региональные особенности крестьянской революции.

Таким образом, советская историческая наука развивалась под влиянием коммунистической идеологии, которая определяла содержание и характер крестьянской революции, либо игнорировала ее вообще. Современная украинская историческая наука предлагает концепцию крестьянской революции, которая позволяет более глубоко раскрыть роль крестьянства как самостоятельно-го субъекта революционных событий, общественных и экономических трансформаций.

И.Е. Кознова¹

**Сельская советская и постсоветская повседневность
в новейших исследованиях**

Исследования повседневной жизни различных групп и слоев общества активно развиваются в последние годы, особенно в рамках «новой исторической науки», для которой на первый план выходит культурная история социального. Интерес к повседневным аспектам жизненной реальности обусловлен переносом внимания с изучения «больших структур», с институциональной и макрособытийной стороны на «микроуровень», а по сути – на человеческое содержание истории. Для понимания проблемы соотнесения опыта общества с опытом частных, индивидуальных человеческих судеб введено понятие «матрица повседневности», позволяющее выстроить социальные пределы индивидуального. В конечном итоге речь идет о символическом «культурном коде» повседневности с присущим ему специфическими стереотипами сознания и поведения.

Что касается сельской повседневности, то важнейшим является вопрос о взаимодействии крестьянской повседневности и аграрной трансформации. В новейших исследованиях сложились раз-

¹ Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, Институт философии РАН, i.koznova@gmail.com, Россия, г. Москва.

ные подходы к изучению отечественного варианта аграрной модернизации, позволяющие рассмотреть в ее контексте проблематику сельской повседневности (В.В. Бабашкин, М.А. Безнин, В.А. Бондарев, О.М. Вербицкая, А.Г. Галлямова, О.В. Горбачев, Т.М. Димони, В.А. Ильиных, Г.Е. Корнилов, Н.Л. Рогалина) и реконструировать «матрицу» последней. Изучается взаимное влияние социальных катаклизмов и эволюционных процессов на повседневность и ее обратное влияние на них (И.С. Кузнецов, А.П. Скорик, Т.К. Щеглова). В понимании сельской повседневности перспективен анализ коммуникативных практик, рецепции политической пропаганды и репрезентации крестьянами институтов политической власти в СССР (Н.Г. Кедров). Показывается, как крестьянская повседневность противостояла натиску властных преобразований в советский (И.В. Гончарова, М.Н. Глумная, Л.В. Изюмова) и в постсоветский период (П.П. Великий, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, З.И. Калугина).

Общие подходы к изучению непосредственно крестьянской повседневности представлены в исследованиях В.Б. Безгина, а также в публицистике В.И. Белова и основанных на устной истории работах В.А. Бердинских. В них крестьянская повседневность показана как определенным образом структурированная система, все составляющие которой тесно связаны друг с другом и благодаря которой крестьянское общество воспроизводит себя.

В центре внимания В.Б. Безгина – традиции земледелия и перемены в крестьянском землепользовании, общинная система, взаимодействие крестьян с властью, обычное право, семейный уклад, вера и обрядность, нормы и девиации. Предложенные им подходы к изучению сельской повседневности Центрального Черноземья на рубеже XIX–XX вв., включая период нэпа, используются исследователями на материалах других регионов. Так, проводится реконструкция повседневной жизни российской деревни в годы нэпа, которая рассматривается в контексте взаимодействия старого и нового на материалах Поволжья (А.А. Гермашев, Л.В. Лебедева), Дона, Кубани и Ставрополя (Ж.О. Абрегова, С.Д. Багдасарян, А.П. Скорик), Сибири, Западного края (В.В. Кулачков). Авторы из-

учают жилище и домашний быт, питание и продовольственное потребление, одежду, характер труда, семейно-брачные отношения, различные девиации на этой почве и реакции крестьян на повседневные проблемы деревенского быта, сферу досуга, религиозность. Для обозначения характера сельской повседневности С.Д. Багдасарян и А.П. Скорик применительно к периоду нэпа, а М.А. Гадицкая – к времени утверждения колхозного строя используют предложенный В.А. Бондаревым термин «фрагментарная модернизация», показывая разную степень советизации повседневности.

Предметом исследований стала также повседневная жизнь советской деревни разных регионов в послевоенный период (И.В. Кометчиков, Ю.В. Костяшов, В.Е. Малязёв, О.В. Ралкова, О.Р. Хасянов). В частности, «матрица повседневности» послевоенной деревни рассмотрена на материалах Среднего Поволжья (О.Р. Хасянов) и Калининградской области (Ю.В. Костяшов). Так, панорама трансформационных процессов средневолжской деревни концептуализирована О.Р. Хасяновым именно в аспекте повседневности. В его интерпретации структуры повседневности представлены демографическими процессами, трудовыми отношениями, взаимоотношениями с властью, праздничной культурой, формами досуга и религиозно-культурных действий. Ю.В. Костяшов провел реконструкцию повседневной жизни переселенческих колхозов Калининградской области, включив в нее такие аспекты, как мотивы и процесс переселения, создание переселенческих колхозов, трудовая деятельность и колхозная демократия, освоение немецкого наследия, взаимодействие и конфликты между работниками и администрацией, механизмы адаптации и стратегии выживания колхозников в экстремальных условиях, социальные типы и модели поведения, досуг, праздники и ритуалы, религиозная жизнь и др. Описание повседневных жизненных практик сельских жителей сочетается с изучением самоощущения колхозников. О.В. Кузнецова изучала повседневную жизнь первоцелинников (1954–1965 гг.)

В целом история сельской повседневности предстает в работах, посвященных советскому периоду, в значительной степе-

ни как социальная история, в то время как на материалах постсоветского села исследования проводятся преимущественно в русле исторической и культурной антропологии (В.Г. Виноградский, И.Е. Ильин, А.Н. Кушкова, А.М. Никулин, О.М. Фишман, О.П. Фадеева). Это позволяет рассмотреть предметно-материальные структуры и реалии с точки зрения содержащихся в них культурных смыслов, применить семантико-культурологические принципы анализа, описать «культурный код» повседневности.

П.С. Кабытов¹

Сельская община и протестное движение в 1917 году (историографические аспекты)

В изучении протестного движения российского крестьянства условно можно выделить три периода: 1917 – первая половина 1950-х гг., вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг., 1990-е гг. по настоящее время. В советский период историки опирались на оценки вождя большевистской партии В.И. Ленина. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. всплеск интереса к изучению роли крестьянства в период Великой российской революции был вызван ходом дискуссий об особенностях аграрного строя России, многоукладности экономики и мелкотоварного производства, что обусловило расширение проблематики, появление обобщающих монографий по истории крестьянства начала XX в. В работах П.Н. Соболева, И.И. Минца, В.И. Кострикина, Т.В. Осиповой сохранялся инерционный подход к анализу протестного движения крестьян в 1917 г., проблема рассматривалась через призму доктринальных установок В.И. Ленина, который писал о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства в 1917 г.

Новые подходы намечались во второй половине 1970–1980-х гг. в работах В.П. Данилова, Г.А. Герасименко, А.В. Седова, И.М. Юнченко. Ими были поставлены вопросы о необходимости разработки

¹ *Кабытов Петр Серафимович*, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

методики подсчета крестьянских выступлений и о роли сельской поземельной общины как важнейшей институции, определявшей образ жизни российского крестьянства.

Новые тенденции в историографии связаны с отходом от традиционных концептуальных представлений, сформулированных в советский период. На современном этапе возникла потребность изучения многих проблем на макро- и микроуровне, определения новых исследовательских задач. При этом важнейшим условием является то, что эти новые проблемы должны изучаться не изолированно, а через призму такой глобальной исследовательской проблемы, как история Великой российской революции. Протестное движение представляет многоуровневый процесс, так как в нем нашли отражение отношение крестьян к Временному правительству и его органам власти на местах; зафиксирован широкий спектр экономических и политических требований, суть которых сводилась к коренной перестройке земельных отношений. Перед научным сообществом вновь стоит ряд вопросов: определить место и роль сельской поземельной общины в организации протестного движения, разработка методики подсчета крестьянских выступлений, анализ отношения различных социальных групп многонационального крестьянства к Временному правительству. Важное значение имеет анализ воздействия политических партий на крестьянство и их роли в протестном движении. К числу важнейших вопросов относится также изучение социально-психологического восприятия революционных событий и отношения к Временному правительству и местным органам власти крестьян, солдат российской армии.

Одна из задач, которая приобрела особую остроту в новейший период, состоит в том, чтобы преодолеть мифологемы в оценке протестного движения крестьян в период Великой российской революции, которые транслировались в научных трудах советских историков. Так, к числу их рудиментов следует отнести отрицательное отношение к деятельности эсеров в деревне. Явно преувеличивалась роль местных большевистских организаций. Лишь в современной российской историографии показана роль решений I-го Всероссий-

ского крестьянского съезда и губернских крестьянских съездов, которые подвели правовую основу для конфискации помещичьих земель, включая владения хуторян и отрубников. Недостаточно изучен вопрос о влиянии солдат тыловых гарнизонов и солдат, возвратившихся с фронта, на темпы аграрной революции. Нуждается в изучении проблема взаимоотношений низовых крестьянских организаций с местными органами власти Временного правительства. К числу значимых проблем относится и изучение настроений различных слоев крестьянства на разных этапах развития революции, а также соотношения стихийного и сознательного в протестном движении, освоение крестьянами новых социальных практик, например, участие в организации и деятельности низовых крестьянских организаций, в крестьянских уездных и губернских съездах, волостных и уездных земствах, крестьянских советах.

Анализ действий крестьян позволил установить, что в феврале–марте 1917 г. они использовали традиционные формы протеста. Начиная с апреля активность крестьян и число протестных акций возросла. На смену традиционным формам приходят организованные общиной и низовыми крестьянскими организациями захваты помещичьих имений и передача их в ведение крестьянских комитетов. Правовой основой для таких действий являлись постановления губернских крестьянских съездов, которые созывались по инициативе партии эсеров.

Ситуация в деревне резко изменилась в связи с тем, что в августе–октябре 1917 г. в деревню хлынул громадный поток солдат, вернувшихся с театра боевых действий, что обусловило рост поджогов и разгромов помещичьих имений. К числу перспективных тем относится изучение повседневной жизни крестьян в условиях революционного экстрима, когда калейдоскоп событий резко возрос, а многие традиционные установки и сам образ жизни крестьян подвергались деструкции. Возникла настоятельная необходимость нового прочтения многих уже известных источников, так как в советский период существенная часть исторической информации не вводилась в научный оборот. Необходимо использовать опыт советских историков, которые представили свои варианты

методики статистического изучения протестного движения. Предстоит продолжить фронтальное выявление и изучение документов и материалов, отражающих социальные конфликты в деревне. В них зафиксирована информация об изменении направленности протестного движения крестьян на разных этапах революции.

Н.Н. Кабытова¹

Перезагрузка сельского самоуправления в Российской революции 1917 года

Самоорганизация крестьянских обществ в ходе Российской революции 1917 г. была исследована в работах Г.А. Герасименко, В.В. Кабанова, В.И. Кострикина, А.В. Седова, косвенно затрагивалась во всех работах, посвященных крестьянскому движению. В данном исследовании рассматривается процесс конституирования сельского самоуправления в 1917 г., его трансформация от общины, через комитеты к советам.

Сельские и волостные крестьянские комитеты избирались различными способами. Сельские комитеты крестьяне чаще всего выбирали на сходах первоначально по старым правилам, просто потому, что новые еще не были разработаны. Позднее, когда появились новые инструкции по организации власти, а приезжие агитаторы развернули свою пропагандистскую деятельность, в деревне стали использоваться и новые формы социальной организации: применялись всеобщие, равные, прямые выборы, чаще всего открытым голосованием. Выборы в волостные крестьянские комитеты проходили путем представительства от определенного числа жителей. В них избирались делегаты от сел и деревень или от сельских комитетов, если они уже были образованы на сходах и собраниях. Комитеты формировались также на волостных съездах из числа делегатов. В марте–апреле 1917 г. собирались чрезвычайные уездные земские собрания, выражавшие поддержку Временному правительству

¹ Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

и ставившие задачи принять активное участие в строительстве новой власти на волостном уровне. Однако земствам не удалось в достаточной степени повлиять на состав волостных и сельских исполнительных комитетов.

Выработку правил и инструкций по организации власти на местах считали своей задачей все новые организации. Для этого созывались специальные съезды, как общественных комитетов, так и комиссаров Временного правительства. По инициативе и под руководством преимущественно эсеров и различных земских, кооперативных и других организаций, где они служили, собирались также крестьянские съезды. На них обязательно разрабатывались нормы крестьянского представительства в структурах местной власти и самоуправления.

Временное правительство не смогло предотвратить процесс крестьянского правотворчества в области сельского самоуправления, а потому попыталось взять его под свой контроль. Провозглашенные им принципы демократизации общественных отношений были ограничены рамками административно-территориальных образований дореволюционного периода. Поручая правительственным комиссарам взять под контроль организацию и деятельность сельского самоуправления, Временное правительство постановлением от 19 марта 1917 г. признало лишь волостные комитеты, а сельские по-прежнему продолжало считать незаконными. Губернские и уездные комиссары, выполнявшие указания правительства, не могли управлять структурами, которые считали нелегитимными. В результате сельские исполнительные комитеты действовали в интересах избравшего их мира, а не по инструкциям власти. Волостные исполнительные комитеты были включены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их функционирования разрабатывались общественными комитетами, съездами, советами в каждой губернии, а иногда даже уезде, самостоятельно.

Волостные съезды представителей крестьянских комитетов разрабатывали «Правила» организации власти в сельской местности. Они не только восстанавливали общинный демократизм, при-

давленный царским администрированием, но и существенно его расширяли за счет наделения избирательными правами женщин и снижения возрастного ценза избирателей. Некоторые съезды исполнительных комитетов принимали резолюции о реорганизации земского самоуправления.

В условиях, когда большинство волостных и сельских комитетов уже сформировалось, существенно изменился порядок организации уездных и губернских крестьянских съездов, на которых утверждались правила их функционирования. Делегатов на съезды стали выбирать непосредственно на сельских сходах и собраниях, давая им наказы по всем злободневным вопросам крестьянской жизни. Крестьянскому самоуправлению в наказах отводилась ведущая организационная роль в достижении главной цели аграрного движения – «земли и воли». Крестьянские делегаты, избранные односельчанами, а не кооптированные различными политическими партиями, союзами, группами, требовали полной самостоятельности низовых комитетов не только при решении всех местных дел, но и при определении вопросов общегосударственного значения.

Для выполнения даже самых общих обязательств по организации управления в сельской местности необходимо было решить вопрос финансирования местного самоуправления. До революции сельское самообложение носило сословную форму мирских сборов и распространялось на надельные крестьянские земли. Временное правительство предложило сохранить эту систему. В условиях финансовой независимости от власти комитеты могли претендовать на свободу действий и выбирали среди множества общественно-политических структур те, которые заявляли о поддержке крестьянских требований.

Итак, Временному правительству не удалось сформировать четкую систему соподчинения органов местной власти. Фактически низовые комитеты проводили не правительственную, а крестьянскую политику. Обособленность крестьянского самоуправления проявилась уже в ходе его организации на новых началах «народоуправства».

В российской революции 1917 г. проявилось новое качество крестьянских общественных объединений: постановка и решение вопросов политической организации общества в масштабах всей страны. Сельские сходы и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире. Они не ограничивались выражением своего мнения по названным вопросам, а принимали решения принципиального характера, предусматривавшие практические действия по реализации сложившихся в крестьянской среде политических идеалов. Разумеется, общественно-политическая активность крестьянства была направлена на достижение векового стремления к «земле и воле».

В.Я. Романченко¹

**Крестьянское самоуправление в российской деревне
(весна – осень 1917 г.)**

Крестьянское самоуправление зарождается задолго до революционных событий весны–осени 1917 г. и к этому времени приобретает уже значительный размах и многообразие. Особенностью процесса его эволюции является одновременное функционирование органов самоуправления, организуемых Временным правительством и самим крестьянством: волостные правления, волостные и сельские общественные исполнительные комитеты, земские собрания, союз земельных собственников, советы и т.п.

При этом органы власти, создаваемые Временным правительством, постепенно эволюционировали в органы крестьянской власти. Одним из подтверждений этому является вытеснение в рассматриваемый период в большинстве регионов страны представителей зажиточного крестьянства («отрубщиков») из низовых крестьянских организаций без всякого согласования с Верховной властью. В этом проявилось наличие глубоких противоречий в среде самого

¹ Романченко Валерий Яковлевич, доктор исторических наук, Саратовский государственный университет им. Н.И. Вавилова, romanvja@yandex.ru, Россия, г. Саратов.

крестьянства, нараставшее враждебное отношение крестьянской бедноты к зажиточной прослойке. Многочисленные попытки Временного правительства навязать крестьянам всесословный принцип выборов в местные органы власти, не увенчались успехом. Противоборство беднейшего с зажиточным крестьянством нарастало и проявлялось в открытых выступлениях бедноты против «отрубщиков». В Саратовской губернии, одной из самых активных по размаху крестьянских волнений, уже в июле 1917 г. большинство этих выступлений было направлено не против помещиков, а против зажиточного крестьянства. Крестьянские выступления приобретают все более организованный характер, а их инициаторами становятся органы крестьянской власти.

Помещики и зажиточное крестьянство объединяются для защиты своих интересов. Наиболее значимой формой такой самоорганизации становится учрежденный в мае 1917 г. Всероссийский союз земельных собственников. Уже к лету союз имел свои отделения в уездах Московской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Тульской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Владимирской, Орловской, Ярославской и Тверской губерний. Главная задача союза состояла в защите частной собственности и борьбе с крестьянскими комитетами, в которых преобладала беднота. В самом союзе подавляющее большинство составляли не помещики, а зажиточные крестьяне. Однако они не сумели использовать созданную организацию для превращения ее в альтернативные органы власти. Обречена на поражение была и тактика их борьбы, которая в основном носила оборонительный характер и сводилась к требованиям Временному правительству принять решительные меры к нарушителям их права собственности и пресечь самоуправство крестьян-общинников. Что касается последних, то образованные ими органы власти, напротив, брали на себя все больше властных полномочий, в том числе и тех, которые традиционно были свойственны дореволюционным крестьянским учреждениям.

Под особый контроль крестьянская власть поставила вопросы землевладения и использования земли, продовольственного обеспечения. Многие комитеты создавали специальные комиссии, ко-

торым поручалось обследовать все земли в волости, выяснить реальные возможности землевладельцев по обработке земли. Нередко крестьянские комитеты обязывали крупных землевладельцев выполнять сельскохозяйственные работы в сжатые сроки. Если они не укладывались в отведенное время, весь оставшийся от засева клин переходил крестьянам. В продовольственной сфере органы крестьянского самоуправления занимались учетом и перераспределением продовольствия, установлением предельно допустимых цен на продукты питания, конфискацией хлеба у лиц, пытавшихся скрыть его при описи и взятии на учет, и многими другими подобными организационными вопросами.

В своей работе они опирались на создаваемые ими силовые структуры в виде народной милиции. Вопрос об отборе кандидатов и назначении на должность милиционера решался на сельских сходах, т.е. демократическим путем. Так как народные милиционеры избирались из числа односельчан, они пользовались безусловным доверием и осуществляли свою деятельность в их интересах. Именно отряды народной милиции обеспечивали революционный порядок в деревне. На них же возлагалась обязанность отстранения от власти прежнего чиновничьего аппарата, в том числе полицейских и жандармов.

Самостоятельно решала крестьянская власть и вопросы финансирования своей деятельности, поскольку правительство отказалось брать на себя расходы на ее содержание. Основным источником доходов крестьянских комитетов были волостные сборы с земель хозяйствующих субъектов, входивших в границы волости.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что уровень крестьянского самоуправления к осени 1917 г. был настолько высок, что оно уже переставало нуждаться в центральной власти. Что касается Временного правительства, то оно своей политикой и своими действиями лишь усиливало крестьянскую власть в деревне. Однако этот период крестьянской вольности продолжался недолго. Вознесенные на плечах российского крестьянства на вершину власти большевики узурпировали ее, загнав крестьян в колхозы, лишив их хозяйственной самостоятельности и свободы,

закрепостив введением паспортной системы и иными мерами, обеспечивавшими тотальную зависимость от центральной власти.

В.Б. Безгин¹

**Крестьянский «мір» в революции 1917 года
(на материалах Тамбовской губернии)**

Проблема революции 1917 г. и ее составляющей – крестьянского движения, продолжает оставаться для исследователей актуальной. В частности, рядом историков была признана существенная роль в революционном процессе общины и общинного менталитета крестьянства, подлинной идеологией деревни был назван традиционализм, а не революционность. Развитие событий в деревне после февраля 1917 г. доказало живучесть общинных традиций. Для обозначения того, что происходило на селе, некоторые историки использовали понятие «общинная революция», подразумеваемая под ним сопротивление общинного традиционализма власти, сделавшей ставку на индивидуализацию землевладения и форсированное развитие капиталистических отношений.

Падение царской власти развязало руки крестьянам в захвате помещичьих земель. Деревня ожидала от Временного правительства справедливого и скорого решения земельного вопроса. Но цейтнот, в котором оказалась власть в деле подготовки аграрной реформы, подтолкнул крестьян к самовольному захвату владельческих и иных земель. Тамбовское крестьянство было одним из лидеров этого движения. Решающим условием общинного «мятежа» явился захват общинниками пахотных земель и изгнание прежних владельцев. Проведенная явочным порядком «социализация» на некоторое время сделала «міры» единственными властителями на земле.

Со стороны власти крестьяне воспринимали и поддерживали лишь те инициативы, которые соответствовали их менталитету. Создание Временным правительством земельных комитетов было воспринято деревней с одобрением. Однако, привычные для крес-

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, vladyka62@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

тыя суждения о «Божьей земле», придали правительственным инициативам совершенно неожиданный поворот. На местах решение земельного вопроса осуществляется способами «общинного» парламентаризма – крестьянскими съездами.

Аграрные беспорядки начались в Тамбовской губернии уже в начале весны. Крестьянские выступления в марте были отмечены в половине уездов губернии. До мая 1917 г. выступления в губернии сводились в основном к тому, чтобы затруднить и остановить работу в экономах: снятие сельскохозяйственных рабочих, избивание управляющих, изгнание помещиков. Отмечались случаи самовольной запашки барской земли, захвата скота и хищение инвентаря, но до погромов дело пока не доходило.

Летом 1917 г. в губернии было зарегистрировано 358 крестьянских выступлений. В борьбе с землевладельцами жители села использовали весь арсенал «оружия слабых»: снятие урожая, захват продовольствия и фуража, потравы хлебов и лугов. Аграрное движение приобретало все более острые формы, в августе начались погромы имений, а местные помещики все чаще обращались в губернский центр с просьбой о присылке войск.

Настроения крестьян конца лета 1917 г. хорошо иллюстрируют сообщения из Кирсановского уезда. В частности, отмечалось: «Образовались волостные комитеты. Это водворило сознание в народе, что при новом праве, как выражались крестьяне, воля народа, высказываемая в комитетах, есть высший закон страны и над постановления народоправства никакого контроля нет. Крестьяне выводили такое мнение в виду того, что ни одно из постановлений комитетов как бы незаконно оно не было не отменено властью».

Волна «черного передела» буквально смела ростки индивидуального земледелия, возникшие в ходе аграрной реформы начала XX в. Общинная революция покончила со столыпинской реформой, почти полностью уничтожив ее результаты. А Временное правительство 28 июня 1917 г. по инициативе министра земледелия В.М. Чернова приняло решение, запрещающее столыпинскую разверстку земли и фактически частную собственность на землю. Сельские общества начали распределять между собой земли хуто-

рян и отрубников. В заявлении крестьян-землевладельцев Павловской волости на имя Козловского уездного комиссара от 21 июля 1917 г. сообщалось, что общинники «не дают убирать хлеб, прогоняют с полей рабочих, выгоняют с хуторов владельцев».

Летом-осенью 1917 г. все сделки с землей на местах были прекращены. Документы свидетельствуют, что все прошения крестьян об утверждении сделок по купле-продаже земельных наделов уездными земскими управами не утверждались. На местах неприятие частной собственности на землю было особенно явным. В протоколе Градо-Стрелецкого волостного земельного комитета читаем: «продажу земли считать недопустимым, т.к. создает рознь и междоусобие против трудового земледельческого крестьянства, а также земля никоим образом не должна считаться каким либо товаром и подлежать продаже».

Апогей погромного движения в губернии пришелся на осень 1917 г. В сентябре было зарегистрировано 89 случаев разгрома имений, в октябре их было 36, в ноябре – 75. Значительную роль в борьбе со стихией крестьянских погромов сыграло известное «Распоряжение № 3». Документ предписывал проводить учет и брать под контроль частновладельческие экономии. В большинстве случаев (400 или 79 %) охрану брало на себя сельское общество, в 10 случаях она возлагалась на сельскую администрацию, в 24 – на земельный комитет. Таким образом, помещичьи имения не переставали быть под контролем крестьян.

В развитие крестьянских чаяний тамбовская уездная управа 5 декабря 1917 г. приняла постановление, действие которого было распространено на территорию всей губернии. Этим документом разрешалось волостным земельным комитетам производить сокращение хозяйств помещиков путем продажи части скота, инвентаря и построек инвалидам, солдаткам и беднейшим крестьянам. Опираясь на эти постановления, крестьяне практически повсеместно произвели сокращение хозяйств и перешли к их полной ликвидации. Так на практике находили воплощение традиционные установки крестьянского менталитета. Инициатива крестьянских сходов, собраний, комитетов носила ярко выраженную антипомещичью направленность,

отражала стремление сельского населения к немедленному решению земельного вопроса, обретения земли «без всякого выкупа».

Д.В. Ковалев¹

Подворно-участковое землепользование подмосковных крестьян в условиях «общинной революции» 1917–1920 гг.

Вопрос о судьбе подворно-участкового землевладения в послереволюционной России весьма неоднозначно трактуется в аграрно-исторической литературе. Подобная противоречивость обусловлена не только концептуальными различиями среди исследователей, но и в гораздо большей степени – многообразием естественно-исторических и социально-экономических условий эволюции крестьянского хозяйства в отдельных регионах огромной страны и, как следствие, перемен, переживаемых им в результате революции – от полного разрушения до разного рода мимикрии. В этом смысле немалый интерес представляет опыт наиболее динамично развивающихся губерний Центральной России, где доминирующее положение занимала Московская.

На начальном этапе революции подмосковные общины, как правило, не посягали на земли отрубных и хуторских хозяйств. Данные анкетирования, организованного министерством земледелия Временного правительства по 263 селениям 13 уездов губернии в марте–июне 1917 г., обработанные видным отечественным статистиком П.И. Поповым, показывают, что примерно в 14 % обследованных селений было выявлено стремление отрубников вернуться в общество, авторитет которого ощутимо возрос в связи с формированием волостных земельных комитетов. Этому в известной мере способствовало широко распространенное в крестьянской среде убеждение, что Учредительное собрание передаст помещичьи земли исключительно общинникам. Очевидно, в подобных случаях владельцы отрубных хозяйств, в отличие от хуторян не избалованные земельными излишками, рассчитывали, опираясь на поддержку

¹ Ковалев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет, dmitrij-kovalev@yandex.ru, Россия, г. Коломна.

общества, улучшить свое положение в ходе грядущих аграрных преобразований. Однако гораздо чаще (почти в каждом пятом из учтенных обследовании селений) община сама пыталась добиться распространения своих прав на земли выделенцев.

Тем не менее, общинный реванш в отношении участковых хозяйств не состоялся ни в первый год революции, ни в ходе последующей социализации. Более того, насколько позволяют судить материалы губземотдела, уже после окончательной ликвидации помещичьего землевладения, когда схлынула волна самочинных земельных переделов, участково-единоличное землепользование не только сохранилось, но и получило дальнейшее распространение в деревне столичной губернии. Его притягательность для крестьянства становилась столь явной, что с этим поначалу не могла не считаться и новая власть. Московский губернский комиссариат земледелия в рекомендациях уездным земельным отделам указывал на «бесцельность и бесполезность» действий по разрушению «трудовых» отрубных и хуторских хозяйств. А Инструкция о переделах земли внутри обществ, изданная Земотделом Моссовета в октябре 1918 г., хотя и допускала частичное урезание единоличного крестьянского землевладения, но только в случае значительных излишков, которые могли быть отрезаны в пользу общества, но лишь «с таким расчетом, чтобы не разорить и не расстроить хуторского или отрубного хозяйства».

Безусловно, в ходе «всеобщего поравнения», развернувшегося после октября 1917 г., многие крестьяне-единоличники и, прежде всего, хуторяне, лишились части своих земель. Причем, стремление решать земельные проблемы за их счет как со стороны общины, так и со стороны государства возрастало по мере упрочения советской власти. В результате, по данным В.П. Данилова, к 1922 г., когда был законодательно закреплён равноправный с другими формами землепользования статус хуторов и отрубов, их удельный вес в Московской губернии по сравнению с 1916 г. снизился с 9,3 до 3,3 %, сократившись в абсолютном выражении вдвое.

Однако в действительности многие из единоличников номинально вошли в состав земельных обществ, не утратив права обособленного пользования своим земельным участком. Подобный шаг дикто-

вался, прежде всего, стремлением обрести защиту «мира» в случае посягательств на хозяйство со стороны властей либо соседей и в сложившейся ситуации был совершенно логичным. Формальное же возвращение в общину позволяло сохранить, по крайней мере, основную часть угодий, сведенных в отруб. К примеру, в Московском уезде, на который приходилось почти 90 % отрубов, земли которых после 1917 г. перешли в разряд общинных, даже несмотря на частичное возвращение к подворно-чересполосному землепользованию, восстановления общего севооборота при этом не произошло. Таким образом, объединение отрубных хозяйств в общину не сопровождалось сплошным переделом их угодий.

По данным Московского губземотдела на 1928 г., из 689 земельных обществ с отрубным землепользованием лишь 303 произвели разверстание на отруба в течение послереволюционного десятилетия. Следовательно, численность остальных, полностью осуществивших такую операцию в ходе столыпинского землеустройства, почти не изменилась: 386 против 388 в 1917 г. Таким образом, в селениях, которые до революции в полном составе перешли к единолично-участковому (отрубному) землевладению, земельная организация в первые годы советской власти не претерпела значительной деформации, не говоря уже о коренной ломке. Изменился лишь формальный статус хозяйств в этих обществах.

О.М. Семерикова¹

Сельскохозяйственные трудовые коммуны как идеал жизни и адаптационная модель к советской действительности в 1917–1920-е гг.: причины создания и вступления в коллектив²

Исследование причин появления новой формы землепользования в деревне – сельскохозяйственных трудовых коммун и одно-

¹ Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, olgasemerikova8@yandex.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

временной реализации большевистского концепта «коммуна» является важным элементом в понимании развития и распространения коммунистических идей, их мифологического преломления в сознании сельского населения, а также – сохранения в деревне модернизационного подхода в сельскохозяйственном производстве в раннесоветский период. Немногочисленные специальные труды авторов советского (В.В. Гришаев, А.Н. Устинова) и современного (Д. Дюран, П.А. Якушев, И.В. Гончарова) периодов актуализируют изучение данной темы.

Выделяется три этапа в появлении сельскохозяйственных трудовых коммун: 1917–1919 гг. (с их преобладанием в европейской части России), 1920–1921 гг. (когда большинство прежних коллективов прекратило свое существование, но резко возросло их число на периферии), вторая половина 1920-х гг. – начало 1930-х гг. (появление коммун было связано исключительно с самостоятельностью крестьян, со значительной долей среди активистов движения деревенской молодежи, которая с энтузиазмом, воспитанным уже в советской школе, пионерской и комсомольской организациях, ринулась создавать светлое будущее коммунизма; вплоть до 1934 г. эти эксперименты продолжались вопреки позиции партии и правительства).

Первые сельскохозяйственные трудовые коммуны появились в конце 1917 г. по инициативе народных масс. Организаторами на начальном этапе выступали в основном не представители традиционного крестьянства, а промышленные и сельские рабочие, мастера, бывшие солдаты, лица, имеющие отходнический опыт, хуторяне (Малодоскинская коммуна Нижегородской губернии, весна 1919 г.: «Все дело зиждется на трех членах коммуны – бывших хуторянах, и прежде работавших вместе»), отрубники, служащие, учителя, религиозные сектанты. Эта ситуация предопределила позицию теоретиков партии большевиков в 1918 г., пересмотревших тезис об отсутствии в деревне периода диктатуры пролетариата необходимых условий для появления крупных коллективных хозяйств, и, как следствие, стала поводом к началу реализации государственной программы по всемерной поддержке сельскохозяйственных трудовых

коммун. Это, безусловно, повлияло на рост коммунального движения, в том числе и в среде традиционного крестьянства.

Причины организации сельскохозяйственных трудовых коммун условно можно разделить на две группы: экономические и идеологические. Часто они существовали параллельно в разном соотношении, что выявляется на основе архивных (прошения и заявления в земельные отделы, анкетные и опросные листы, отчеты и проч.) и опубликованных (стенограммы совещаний и съездов представителей коллективных хозяйств) материалов.

К экономическим причинам необходимо отнести: получение земельных участков, живого и мертвого инвентаря, финансовой и иной помощи со стороны государства; улучшение условий землепользования (увеличение количества, переход от дальнотемелья и чересполосицы); понимание выгоды коллективных форм хозяйства и внедрение улучшенных методов хозяйствования (на основе прежнего практического опыта или в теории); сохранение собственности (для лиц непростарского происхождения: помещики, монахи, частные владельцы). Сопутствующим, а порою определяющим мотивом на всех этапах возникновения коммун являлось стремление входивших в коллектив спасти себя и своих детей от голода и смерти (стратегия выживания).

Идеологической причиной явилось желание реализовать свои представления о коммунистическом идеале, новой жизни в Советской России, «новом человеке». В качестве примера приведем слова актива коммуны «Луч солнца» Тюменского округа, созданной в 1918 г.: «входили в коммуну потому, что искали новых путей в коллективном строительстве и сожителстве, облегчения своему труду, многие входили из-за идей, ибо большая часть товарищей в коммуне – члены коммунистической партии». Мотивирующим фактором для организаторов коммун становилась и судьба их детей («первых детей социализма, которые как никто скоро его воспринимают»), для которых они хотели создать такие условия жизни, которых не было у старшего поколения.

Отметим, что, несмотря на частое сосуществование экономических и идеологических факторов, в стратегической линии орга-

низаторов сельскохозяйственных коммун превалировали первые. Коллективы, которые в большевистской терминологии именовались как «лже-коммуны» (например, сельскохозяйственная трудовая коммуна монахов Николаевского Коряжемского монастыря Вологодской губернии, организованная 1 мая 1918 г.), идеологической составляющей имели меньше всего или не имели вовсе, их главной целью было найти оптимальную адаптационную модель выживания в рамках новой социалистической реальности.

Таким образом, обращение к источникам по вопросам возникновения сельскохозяйственных трудовых коммун выявило целый спектр причин этого процесса. Часть из них носила внутренний характер: стратегии выживания (разных по содержанию для малоимущих и непролетарских слоев общества) и социализации, «реархаизации» сельскохозяйственного производства (бывшие хуторяне, отрубники и др.), революционной перестройки жизни на коммунистических началах. Внешними факторами явились активная государственная поддержка в 1918–1920 гг., сохранение налоговых преимуществ в 1920-е гг., неблагоприятные экономические условия на макро- и микроуровнях.

А.А. Иванов¹

Общинное самоуправление в доколхозной деревне по материалам Наркомата РКИ РСФСР²

Материалы специального обследования Инспекции советского строительства Народного комиссариата РКИ РСФСР 1926/27 г. благодаря своей содержательной стороне (пять типов сочетаний официальных и неофициальных органов управления на селе) и территориальному охвату (12 губерний, 39 уездов, 25 волостей, 108 сельских советов, свыше 200 земельных обществ) привлекают все большее внимание исследователей доколхозной деревни. Выполняя свою главную задачу – «установление основных положений, уточ-

¹ *Иванов Алексей Ананьевич*, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, anani@marsu.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

² Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 16-11-12001).

няющих права и обязанности и устраняющие параллелизм в работе сходов, сельсоветов и земельных обществ», программа обследования одной из основных своих задач рассматривала характеристику такого важнейшего раздела повседневной жизни нэповской деревни, как общинное самоуправление.

Предполагалось раскрыть три блока проблемных вопросов:

- взаимоотношения сельского совета и общего собрания граждан;

- взаимоотношения общих собраний граждан и сходов земельных обществ;

- взаимоотношения сельского совета и земельного общества.

Каждый блок включал от двух до пяти конкретных положений. Условием успешной реализации программы обследования являлся рекомендованный сбор первичных данных, как имеющихся в распоряжении сельских советов (статистика, делопроизводство и др.), так и выявленных путем личного опроса населения. Для этого были разработаны пять табличных форм, каждая из которых имеет самостоятельное источниковедческое значение. Среди них уникальным по своему содержанию источником являлась форма № 3, которая составлялась одновременно для сельских советов, сельских сходов и сходов земельных обществ. Главным ее компонентом была фиксация экстрактов рассмотренных вопросов и принятых по ним решений перечисленных правотворческих объектов в течение последних одного-двух лет. Даже простое сравнение постановлений формальных и неформальных органов власти на местах – сельского совета и общины – служит наглядным свидетельством истинного положения в распределении властных полномочий в деревне, компетенции различных властных структур и доверии к ним населения.

Земельные общества и органы их управления как ведущий компонент общественно-политической действительности советской доколхозной деревни заняли особое место в обследовании Наркомата РКИ. Основная проблема, поднятая в нем, касалась как раз органов крестьянского самоуправления – сельских сходов. В первую очередь оставались открытыми вопросы: Что же представ-

ляет собой «сход», к которому должен апеллировать сельсовет во всех серьезных случаях? Сход ли это земобщества или общее собрание граждан?

С формально-юридической точки зрения, опираясь на действующее положение о сельских советах, таковыми должны были быть общие собрания граждан, пользующихся избирательными правами, проживавших в данной местности, вне зависимости от рода своих занятий (т.е. не только крестьяне). Другой вариант предусматривал под теми же «сходами» общие собрания членов земельных обществ. В этом случае они попадали под юрисдикцию Земельного кодекса РСФСР 1922 г., согласно которому на сходе принимали участие все землепользователи без различия пола с 18 лет, а в некоторых случаях и более молодые, при наличии определенного кворума.

Практика мест показала, что повсеместно доминировал второй случай, часто преломляясь в весьма специфические формы. Общие собрания – сельские сходы, предусмотренные положением о сельских советах, встречались лишь как участковые избирательные собрания в крупных населенных пунктах или в виде общих сходов селений, состоявших из нескольких земельных обществ. Повестки дня подобных собраний были посвящены заслушиванию отчетов сельских советов, проведению советских праздников, различных кампаний и т.п., а основными посетителями выступали представители дворов (домохозяева), в редких случаях дополнявшиеся тем или иным количеством прочих сельских жителей, собираемых в моменты выступлений докладчиков губернского-уездного уровней.

Многочисленные примеры, собранные региональными органами РКИ, бесспорно свидетельствуют, что во всех районах страны сельские сходы носили одновременно черты и общих собраний граждан, и общих собраний земельных обществ. Никакого разграничения не существовало. Показательно, что общую картину не меняло даже принятие некоторыми губисполкомами (в Тамбовской и Ленинградской губерниях) местных положений о сельских сходах. «В итоге приходится признать, – констатировала Инспекция советского строительства, – что обычный деревенский «сход»

или «общее собрание» есть повсюду сход (или собрание) земобщества с представительством дворов, а не всех членов земобщества <...> это собрание решает и земельные, и все прочие вопросы в одном и том же составе участников». Далее следовал принципиальный вывод: «Освещенный материалами обследования «сход» все более приближается по типу своему к дореволюционному «сельскому сходу», который являлся органом управления «сельского общества» и который, по-видимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революции».

Действительно, сопоставление компетенции общих собраний крестьян 1920-х гг. с пунктами дореволюционного Положения о сельском состоянии, проведенное НК РКИ, показало, что, за единичными исключениями, она не изменилась. Причем юридическая неграмотность сельского населения, отсутствие в его среде элементарных представлений о сфере правотворчества различных управленческих структур в деревне не являлись основной причиной сложившейся ситуации. Главным, судя по отчетам инспекторов РКИ из различных губерний, было сохранение специфических бытовых условий в сельском образе жизни, неизменность семейно-патриархального уклада крестьянского хозяйства, немыслимость для крестьянства отделения земельных дел от прочих «общественных».

О.В. Бершадская¹

Проблема социальной дифференциации крестьянских хозяйств: теоретико-методологические подходы в отечественной науке 1920-х гг.

1920-е годы – «золотое десятилетие» вошли в историю аграрных исследований как период сосуществования различных теоретических подходов и методов, направленных на изучение крестьянского хозяйства, оценки его места и роли в формирующейся экономике постреволюционной России. Исследования, проводив-

¹ Бершадская Ольга Владиславовна, кандидат исторических наук, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, berscholl@mail, Россия, г. Краснодар.

шиеся в этот период, опирались на достижения российской аграрно-экономической науки рубежа XIX–XX вв. Одной из дискуссионных являлась проблема определения критериев социальной дифференциации крестьянских хозяйств. В начале 1920-х гг. был распространен метод определения их экономического положения посредством группировки по посевным площадям и, соответственно, градация на безпосевные, малопосевные, среднепосевные и многопосевные. Так, известный представитель отечественной статистики А.И. Гозулов считал, что «экономическая разнородность деревни определяется обычно количеством посева на двор или едока <...> это достаточный критерий группировки и характеристики экономических различий».

Л.Н. Крицман, В.С. Немчинов оперировали так называемым «синтетическим коэффициентом» или «коэффициентом пролетаристичности», выводимым на основе суммарного учета отношений найма рабочей силы, лошадей и инвентаря. А.В. Чаянов считал целесообразным разделить коэффициент В.С. Немчинова на два отдельных показателя: один учитывал отношения найма, другой основывался на учете найма лошадей и инвентаря, а также кредитных отношений и аренды. При этом А.В. Чаянов указывал на связь размеров посевной площади хозяйства и размеров семьи, связанной с этим хозяйством.

Н.П. Макаров обобщил выводы статистических исследований крестьянских хозяйств, проводившихся в конце XIX – начале XX в., и на основе различных экономических показателей (наличие трудоспособных членов семьи, использование наемной силы, отходничество, высота дохода от сельского хозяйства) выделил и охарактеризовал четыре типа хозяйств в российской деревне. Первый тип – пролетаризирующиеся хозяйства, основными чертами которых являются: избыток рабочих рук; уход на сторонние заработки; потребление семьи, частично опирающееся на доход от сельского хозяйства. Второй тип – трудовое хозяйство, для которого характерны: «поглощение» рабочих рук крестьянской семьи; незначительность или отсутствие отхода на сторонние заработки; удовлетворение потребностей семьи доходами от сельского хозяйства.

йства. Третий тип – капиталистическо-трудовые хозяйства, размеры которых превосходят количество рабочей силы в семье; участие членов семьи в производственном процессе с использованием наемного труда; накопление капиталов. Четвертый тип – капиталистическое хозяйство, которое «настолько велико, что хозяин выступает как организатор – руководитель хозяйства. Исполнительная работа выполняется наемным трудом».

С развитием нэпа в официальных документах, а затем и в исследовательской литературе, все чаще встречается деление крестьянских хозяйств на бедняцкие (сельский пролетариат), средняцкие и зажиточные (кулацкие или сельская буржуазия). Основными показателями социально-экономического статуса хозяйства были, как правило, посевные площади, наличие скота и сельскохозяйственной техники.

Статистические исследования давали основной эмпирический материал для теоретических выводов. Авторы 1920-х гг. ввели в научный оборот широкий круг статистических источников – материалы сельскохозяйственных переписей (проводившихся как в масштабах страны, так и в пределах отдельных «гнезд»), регулярных сельскохозяйственных обследований, выборочных опросов крестьянских хозяйств и данные крестьянских бюджетов.

Большой вклад в разработку методики статистических исследований внесла А.И. Хрящева. Она рассматривала крестьянское хозяйство как явление, которое необходимо изучать в исторической перспективе для определения закономерностей его эволюции. По мнению Хрящевой, количественные изменения отдельных сторон крестьянского хозяйства и изменения окружающей среды исследователь может выяснить с помощью периодических сплошных переписей.

Н.Н. Воробьев считал, что ежегодные статистические наблюдения по выборочному методу позволяют детально учитывать размер посевов, численность скота и количество инвентаря. При этом он указывал, что на статистических данных негативно отражается проводимая одновременно налоговая регистрация. Намеренно занижая показатели в налоговых списках, крестьянин занижает их и

при статистическом обследовании, не будучи уверен, что эти данные не будут сверяться. Это обстоятельно, по мнению Воробьева, приводит к «серьезной порче статистического наблюдения в области сельского хозяйства».

В целом, период 1920-х гг. был весьма плодотворным для развития аграрно-экономических исследований. Разные теоретико-методологические подходы имели свои сильные и слабые стороны, но они позволяли рассматривать крестьянское хозяйство во временной перспективе с учетом наиболее важных экономических показателей и факторов развития. Введение в научный оборот широкого круга источников, разработка новых методик способствовали обогащению отечественной научной мысли.

Л.Н. Мазур¹

**«Изжить предрассудки мелкого собственника»:
особенности социальной трансформации крестьянства.
1917–1930-е гг.²**

При анализе процессов социальных трансформаций в раннесоветском обществе особый интерес представляет изучение механизмов формирования новой социальной идентичности: «перековки» пролетариев в рабочий класс, крестьян – в колхозников и рабочих совхозов, мещан – в служащих, «выходцев из народа» – в социалистическую интеллигенцию. Для каждой социальной группы разрабатывался свой сценарий: от полного уничтожения до перевоспитания и «повышения руководящей роли» путем формирования системы привилегий.

Особое место в этой социальной перестройке отводилось крестьянству. В.И. Ленин называл его «последним буржуазным классом» и рассматривал как опасную социальную среду, посто-

¹ Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Lmaz@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

янно воспроизводящую капиталистические отношения, что определяло и тактику, и стратегию политики большевиков в отношении крестьянства.

Еще в 1905 г. Ленин писал, что к крестьянству нужно «относиться недоверчиво <...>, быть готовым к борьбе с ним» (Ленин В.И. Рабочая партия и крестьянство). На этапе подготовки революции большевики рассматривали крестьян как союзников. В условиях Гражданской войны и нэпа была избрана тактика их раскола на «кулаков» и «трудящихся». В отношении первых была разработана политика «уничтожения сопротивления»; трудящихся крестьян пролетариат должен был перевоспитать, переучить, «перетянуть» на свою сторону (Ленин В.И. Задачи союзов молодежи). И тот, и другой механизмы социальной трансформации (репрессии и агитация) имели своим результатом раскрестьянивание, т.е. уничтожение крестьянства как класса.

Следует отметить, что «раскрестьянивание» – это объективный процесс, непосредственно связанный с модернизационным переходом и изменением социального статуса крестьян – преобразованием их в особую профессиональную группу сельскохозяйственных рабочих. Но даже в развитых странах, перешедших в постиндустриальную стадию, он остается незавершенным, поскольку крестьянство – это не просто профессия, а образ жизни. Пока в обществе сохраняется аграрное производство и частная собственность на землю, крестьянство как социальный феномен будет существовать, обеспечивая связь с традицией.

Советская история демонстрирует свой «завершенный» вариант раскрестьянивания. Большевикам удалось преодолеть границы естественных трансформаций, уничтожив крестьянство как класс и создав на его месте новое социальное явление – колхозников. Несмотря на официальное позиционирование колхозников в качестве нового социалистического класса, на практике они утратили свои классообразующие признаки, но не стали и профессиональной группой, как это свойственно социальной структуре индустриального и постиндустриального обществ. Колхозный строй, сохраняя особенности крестьянского образа жизни, лишил

крестьян самого главного: сначала права на результаты своего труда, отчуждаемого государством, а затем и ответственности за эти результаты.

Колхозников следует рассматривать как переходный социальный тип крестьянина («не-хозяина»), занимающий промежуточное положение между крестьянином (хозяином) и сельскохозяйственным рабочим. Процесс формирования новой идентичности занял несколько десятилетий и завершился в послевоенный период, когда выросло новое поколение колхозников, родившихся и выросших в условиях колхозного строя. Основное содержание социальной перестройки крестьянства было связано с «преодолением частнособственнических пережитков», т.е. с изменением хозяйственного статуса, системы ценностей и мировоззрения крестьянства, основу которого традиционно составляло особое отношение к земле и своему хозяйству как способу и гаранту выживания и процветания.

Особую роль в социальной трансформации крестьянства сыграла коллективизация, которую в 1930-е гг. называли Второй социалистической революцией. Она была составной частью реализации советского проекта и направлена против крестьян как мелкобуржуазного класса. Как и положено любой революции, аграрная революция 1929–1932 гг. отличалась беспощадностью, уничтожив крестьян-хозяев и сохранив аграрное население, которое должно было трудиться в интересах государства.

Возникает вопрос об альтернативах коллективизации. С точки зрения советского проекта их не было, поскольку в обществе будущего не было места для «хозяев», а только для работников физического или умственного труда, создававших «вместе» коллективный общественный продукт. Насильственный и репрессивный характер коллективизации определялся задачами аграрной революции, связанными с необходимостью лишения крестьян средств производства и хозяйственной самостоятельности, т.е. с экспроприацией собственности. Реализовать их можно было только используя механизмы устрашения и насилия, мобилизуя на их решение не только пропагандистский аппарат и представителей пролетариата – 25-тысячников,

но и вооруженные силы (см. Тархова Н. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933. М., 2010).

Процесс раскрестьянивания в России приобрел свою специфику и прошел несколько этапов, начавшись в конце XIX в. естественным образом, с сокращения численности крестьянства в результате развития процессов урбанизации и индустриализации. Следующий этап был непосредственно связан с коллективизацией и ее последствиями – раскулачиванием, голодом и репрессиями. Завершение раскрестьянивания относится к 1980-м гг. и характеризуется ментальными сдвигами в сознании и образе жизни крестьян, связанными с утратой чувства хозяина, изменением отношения к земле и своему хозяйству. В социальном плане советский вариант раскрестьянивания представлял собой последовательную трансформацию крестьян в колхозников и далее – в сельскохозяйственных рабочих.

О.В. Горбачев¹

Сельские советы в контексте раннесоветского проектирования²

Понимание роли сельсоветов как органов местного управления и закономерностей их эволюции в раннесоветский период может быть расширено с учетом проектного подхода к изучению советской истории. Важно увидеть, как изначальные цели большевиков трансформировались под влиянием среды и логики изменений в системе советской власти.

Местное самоуправление в условиях диктатуры пролетариата воспринималось В.И. Лениным в контексте «демократического централизма». Будущее государство должно было опираться не столько на административное управление, утрачивающее полити-

¹ Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, og_06@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

ческий характер, сколько на инициативу победивших угнетенных классов. Ключевая роль в реализации этой инициативы отводилась советам всех уровней.

Если в первые послеоктябрьские дни создаваемые большевиками структуры еще выступали придатками существующих в деревне органов управления (земельные комитеты организовывались при волостных земствах (Постановление НКЗ от 4.12.1917 г.), то после издания декрета СНК о советах (24.12.1917 г.) единственным органом власти в деревне должны были стать советы.

Примерно до середины 1920-х гг. имела место конкуренция между экономическим и административным принципами организации территории. Она вытекала не только из целей большевистского реформирования, но и была выражением подходов к районированию, сложившихся еще в досоветский период. Доминирование экономического принципа при недооценке административного привело к тому, что к 1919 г. территория страны была хаотически поделена между совнархозами. Усиление администрирования в этой ситуации диктовалось и принципами «военного коммунизма», и стремлением к формированию понятной управленческой вертикали. По той же причине в 1920 г. В.И. Ленин выступает за ограничение коллегиальности, что выглядело безусловным отступлением от первоначальной интерпретации советов как коллективной формы власти. Тенденции прямого администрирования не могли миновать местные советы.

Система местных советов была предназначена заменить собой прежнее административное деление, которое, как отмечалось в середине 1920-х гг., применялось «в полицейских и фискальных целях» (К.Д. Егоров), а потому четырехзвенная структура губерния – уезд – волость – сельское общество подлежала реформированию. В реальности осуществить это оказалось чрезвычайно трудно, в том числе из-за устойчивости низового звена – сельской общины. Поэтому фактически до начала коллективизации сельские советы опирались на действующие общинные институты. Взаимодействию способствовало и то, что сельсоветы были единственной

структурой, где существовала прямая выборность. Примечательно, что вновь издаваемые декреты в сфере советского строительства в первой половине 1920-х гг. в наибольшей степени затрагивали губернско-уездно-волостной уровни, редко опускаясь до сельсоветов.

Поскольку община воспринималась как естественная форма низовой демократии, идеологический запрос на освобождение сельсоветов от общинного влияния долгое время отсутствовал. Более того, в условиях нэпа община оказывалась удобной формой для реализации первичных форм кооперации. В конечном счете общинные сходы как «собрания граждан» были признаны структурным элементом сельсоветов с постепенным занятием общинных должностей сельсоветскими работниками.

Дальнейшая логика советского строительства, связанная с ликвидацией прежнего административного деления, парадоксально отдаляла рядовых граждан от процесса принятия решений. Административно-территориальная реформа 1924 г. среди прочего имела следствием укрупнение сельсоветов, что для крестьян – членов сельсовета оборачивалось необходимостью отрыва от повседневной хозяйственной деятельности. Последовавшая кампания «оживления» советов имела целью активизацию низовой активности, в том числе через вовлечение в сельсоветскую деятельность молодежи и женщин. Этот курс объективно способствовал разрушению связи между сельсоветом и общиной, традиционно опиравшейся на домохозяев, и усилению административного давления на местные советы.

Курс на «профессионализацию» советов (1925 г.), начатый по причине недостаточной эффективности кампании «оживления» имел следствием дальнейшее игнорирование низовой демократии. Одновременно устанавливалось правило согласования кандидатуры председателя сельсовета с райисполкомом и райкомом. В течение всего десятилетия 1920-х гг. в деятельности сельсоветов последовательно реализовывалась политика административного оттеснения «классово чуждых элементов» от принятия решений на общинных сходах. Кроме того, в условиях свертывания нэпа

оказалось возможным волевыми решениями формировать бюджеты сельсоветов за счет бюджетов общины.

Таким образом, в советском строительстве раннесоветского периода имели место две тенденции: 1) в борьбе с прежними организационными структурами советы утверждались как оптимальная для большевиков форма организации власти на местах; 2) по мере встраивания местных советов в управленческую вертикаль в них имело место неизбежное свертывание начал самоуправления. В конечном счете вторая тенденция привела к институциональному сужению сферы компетенции советов. Попытка реализовать идеальную модель народного самоуправления не удалась. В 1930-е гг. сельские советы отчасти выполняли управленческие функции (по преимуществу фискальные и регистрационные), но были лишены властных полномочий по управлению территорией, которые, как и финансовые ресурсы, концентрировались в руках вышестоящих органов. Кроме того, советы играли роль идеологического прикрытия диктатуры правящей партии.

А.В. Берлов¹

**Частная собственность на средства производства
в сельском хозяйстве Советской России
в оценках ученых-экономистов русской эмиграции
1920–1930-х гг.**

Политическая победа большевиков и укрепление их власти после окончания Гражданской войны привели к вытеснению немарксистских парадигм научного знания, в том числе либеральной и неонароднической теорий аграрного производства. В вынужденной эмиграции оказались выдающиеся экономисты, теоретики и практики аграрного производства С.Н. Прокопович, Б.Д. Бруцкус, А.Н. Анцыферов, С.С. Маслов, Н.Н. Зворыкин, С.О. Загорский и другие. В числе насильственно высланных из страны летом и осенью 1922 г. 225 ученых более 30 человек составляли экономис-

¹ *Берлов Артур Валерьевич*, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@mail.ru, Россия, г. Москва.

ты в области сельского хозяйства, агрономы и теоретики кооперативного движения.

В основе заочной дискуссии русских ученых-эмигрантов с представителями официальной марксистской экономической науки лежала проблема частной собственности на средства производства в сельском хозяйстве. Экономисты русской эмиграции, особенно либерального направления, крайне негативно оценивали большевистские тенденции обобществления земельных фондов и средств производства в сельском хозяйстве Советской России. Критикуя ленинскую практику создания товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) и сельскохозяйственных артелей с объединением инвентаря и техники, русские ученые-эмигранты настаивали на том, что наилучшей социальной формой организации труда на земле является крестьянская семья, в частной собственности которой находится и земля, и технические средства труда на ней. По мнению Б.Д. Бруцкуса, крестьянская семья, как миниатюрное фермерское хозяйство, способна оптимально организовать сельскохозяйственное производство, приспосабливаясь к неравномерному ходу аграрных работ, сезонности, климатическим изменениям, динамике рыночной конъюнктуры и прочим экономическим, социальным и политическим обстоятельствам.

Обогащенные европейским опытом аграрного производства с опорой на частную собственность, русские ученые-эмигранты считали полезным для России сделать ставку на индивидуальные крестьянские хозяйства, превратить их в частные фермы с использованием личного инвентаря и техники. Убежденные сторонники капиталистических отношений в деревне, они резко негативно оценивали советскую политику ограничения хозяйственной самостоятельности крестьянства и ликвидации частной собственности, в том числе на землю и средства производства.

Резкой критике ученых русской эмиграции подверглась советская политика национализации земли, которая оценивалась как крупнейшая в истории российского крестьянства катастрофа. Экономисты русского зарубежья считали частное землевладение основным средством обогащения сельских тружеников, тогда как

большевики были убеждены в том, что национализация земли уничтожит абсолютную ренту, которой земельные собственники обложили общество, как данью.

Профессор политэкономии Люблянского университета А.Д. Билимович в своих трудах показывал абсурдность утверждений В.И. Ленина и большевиков о том, что национализация всей земли является требованием широких масс крестьянства и соответствует их коренным интересам. Крестьяне, по его мнению, не могли требовать национализации земли, находящейся в их частной собственности. С точки зрения ученых русской эмиграции, главная ошибка большевиков заключалась в том, что вместо поддержки социально сильных и зажиточных слоев крестьянского общества, т.е. потенциальных фермеров, советская власть искусственно разжигала огонь классовой борьбы в деревне, преследуя цель изъятия земельных фондов у богатых крестьян в пользу государства.

Ученые русской эмиграции считали исторической ошибкой, и даже преступлением, раскол деревни большевиками по имущественному признаку с опорой на комитеты бедноты. По их мнению, в крестьянском мире не могло быть такой острой классовой борьбы, как в городских промышленных центрах. Наиболее негативные оценки ученых русского зарубежья получила политика коллективизации, сопровождавшаяся экспроприацией земли и инвентаря зажиточных крестьян. Обобществление земельных фондов и хозяйственного инвентаря советской властью в годы коллективизации вызвало критику не только либеральных экономистов, но и ученых-эмигрантов, придерживавшихся социалистических взглядов. Независимо от идейной направленности, ученые русской эмиграции считали программу большевиков по изъятию частной собственности на средства производства у личных крестьянских дворов экономически нерациональной и социально опасной. Больше всего они опасались того, что большевики окончательно ликвидируют крестьянство, заменив его сельским пролетариатом, работающим на обобществленных земельных фондах.

Главная проблема строительства социализма в СССР заключалась даже не в том, что советская власть была ориентирована на

обобществление земельных фондов и насильственное изъятие частной собственности крупных крестьянских хозяйств, а в том, что на момент революции капитализм в России еще не исчерпал своих прогрессивных возможностей, особенно в деревне. Это прекрасно осознавали ученые-эмигранты, предлагавшие либерализацию общественно-экономических отношений в аграрном секторе, легализацию купли-продажи земли, сосредоточение средств производства в руках «справных» хозяев (кулаков). Их предложения оказались невостребованными победившей в России властью, что повлекло за собой комплекс известных исторических последствий.

А.М. Дубровский¹

Крестьянство Брянского края и репрессии в 1937–1938 гг.

В краеведческой литературе тема репрессий крестьян в Брянском крае, по сути дела, не изучена. В коллективной монографии «История Брянского края. XX век» основное внимание при освещении репрессий на Брянщине авторы посвятили делам, связанным главным образом с судьбой отдельных представителей партийно-хозяйственного актива. Совершенно обошли эту тему авторы соответствующего тома «Истории крестьянства западного региона РСФСР». Самые острые и трагичные стороны отношений государства и сельского социума оказались неизученными, и как бы затушеванными, обреченными на забвение.

В результате реабилитации невинно пострадавших от политических репрессий в 1930-е гг. в действующем архиве Брянской областной прокуратуры отложился массив источников, на основе которого можно осветить разные стороны репрессий по отношению к крестьянству Брянщины в 1937–1938 гг. Ценность этих источников определяется в известной мере тем обстоятельством, что в местах отбытия наказания репрессированными их личные дела были уничтожены. Нам оказалось доступным изучение реабилитационных дел с 1968 г., хотя в источниках имеются краткие сведения о

¹ Дубровский Александр Михайлович, доктор исторических наук, Брянский государственный университет, alexdubr48@mail.ru, Россия, г. Брянск.

том, что реабилитация проходила в 1957 и последующие годы. Обнаружился заметный рост количества дел, рассмотренных прокуратурой в порядке надзорного производства, с 1988 г.

Очень многочисленны источники (надзорные дела), созданные в 1990-е гг., так как государство ввело понятие пострадавших от репрессий и гарантировало этой категории людей получение льгот. Заинтересованность в таких льготах и вызвала волну заявлений в прокуратуру с просьбами о реабилитации родственников. Надзорные дела, отразившие проверку следственных дел, содержат в себе справки о реабилитации родственника и сопровождающие их документы. Это заявления с просьбой о реабилитации родственника (до конца 1970-х гг. встречаются заявления самих репрессированных, позже авторами заявлений являются, как правило, потомки арестованного, пострадавшего от репрессий), документы автора письма, официальная переписка как с заявителем, так и с учреждениями (архивами), должностными лицами с целью сбора нужной информации. В итоге работы с этим массивом удалось выявить более 8 тыс. репрессированных на территории современной Брянской области с 1917 по 1941 г. Более тысячи дел исследовано детально. Данное число репрессированных с основными сведениями о каждом из них является в достаточной степени репрезентативным информационным комплексом.

Благодаря спискам реабилитированных, составленным работниками прокуратуры по годам реабилитации, оказалось возможным выстроить график, отражающий динамику арестов в среде крестьян Брянского края. Анализируя данный график, отметим две волны арестов – 1929–1930 гг. и 1937–1938 гг. Вторая волна гораздо больше первой, что опровергает мнение, высказанное в литературе, будто репрессии, связанные с коллективизацией, были большими по размаху, чем репрессии 1937–1938 гг.

В репрессивной политике, проводимой на Брянщине, можно выявить несколько линий. Во-первых, это повторные репрессии по отношению к ранее раскулаченным, которые вернулись после пятилетней ссылки в родные места. Во-вторых, это репрессии, направленные против тех, кто в далекие годы революции и гражданской

войны, так или иначе, выступал против власти большевиков. В-третьих, это репрессии против тех, кто высказывал недовольство современной жизнью (порядками внутри колхозов, налогами, займами и пр.), предсказывал крах советской власти, поражение в возможной войне, критиковал колхозное руководство, «распевал контрреволюционные частушки», т.е. вел «контрреволюционную агитацию». В-четвертых, это репрессии против религиозных групп (баптистов, евангелистов), так называемых «антивоенников». Нередко арестованному вменялись в вину разнообразные преступные деяния, в том числе (наряду с отмеченными выше) призывы к террору и вредительство. В отличие от горожан, сельским жителям не предъявлялись обвинения в троцкизме, в создании оппозиционных антибольшевистских кружков, в шпионаже.

Типичными чертами ареста и следствия были следующие: арест без санкции прокурора, допрос свидетелей после ареста обвиняемого, принуждение свидетелей к подписанию чистых бланков – фальсификация свидетельских показаний. Наказание, которое ожидало вторично репрессированных в 1937–1938 гг., было более жестоким, чем в 1930 г. Если для времени коллективизации характерной была высылка на 5 лет, то для 1937–1938 гг. типичным был расстрел. Отмечены вторичные репрессии в послевоенные годы после отбытия срока в результате ареста в 1937 г. В большинстве своем операции стали затухать уже в феврале–марте 1938 г.

Источники позволяют осветить положение тех членов крестьянской семьи, кто остался в несовершеннолетнем возрасте без отца. Встречаются семьи, в которых было по 6–8 детей. Именно они – потомки репрессированных и являлись авторами писем-заявлений, направленных в органы прокуратуры. В их письмах отражена судьба детей репрессированных. Эта сторона репрессий пока не получила должного освещения в литературе. Если в городе дети репрессированных родителей нередко попадали в детские дома, то в деревне этот путь был фактически исключен. Дети репрессированных переживали унижения в школе, были обречены на голодное существование (мать теряла работу в колхозе), лишались родного дома. Нередко приходилось менять место жительства, пере-

бираясь в другую деревню к родственникам. В итоге жизнь таких детей не удавалась в полную меру, так как полноценного образования они не могли получить.

Сравнивая количество репрессированных в Брянском крае в среде крестьян, рабочих и служащих, отметим, что в наибольшей степени пострадали именно крестьяне. В этом была особенность изучаемого региона. Волны графика арестов в Брянском крае точно повторяют график арестов в Смоленской области. В Нижегородской области, более развитой в промышленном отношении, большинство репрессированных составляли рабочие, в несколько меньшей мере служащие.

А.Г. Галлямова¹

**К вопросу о поведенческих моделях руководителей
передовых колхозов (микроисторический подход)**

В данной работе на основе экспедиционных материалов и письменных воспоминаний рассматриваются две поведенческие модели руководителей колхозов-миллионеров, выходцев одного села Новое Надырово Альметьевского района ТАССР.

Первый из них, Хады Рахманов, стал председателем в родном селе в 33-летнем возрасте, вернувшись с фронта после тяжелого ранения. Еще в период массовой коллективизации он был на передовых позициях в организации колхоза «Зай». В начале 1930-х гг. Х. Рахманов работал в районных управленческих структурах: ВЛКСМ, ВКП(б), НКВД. Став председателем в 1943 г., он вокруг себя собрал команду фронтовиков. По современным меркам это были недостаточно грамотные, но дельные, работающие и упорные люди, знавшие цену четкости выполнения руководящих указаний и распоряжений.

Сосредоточение сил колхоза на одной из самых прибыльных отраслей – коноплеводстве – дал свои плоды уже в первом послевоенном году. В 1946 г. колхоз «Зай» стал единственным в респуб-

¹ Галлямова Альфия Габдульнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

лике колхозом-миллионером и сохранял славу одного из самых передовых хозяйств ТАССР до середины 1960-х гг. Стабильно высокие результаты были итогом напряженного физического труда. Вспоминая об этом в 2000-е гг., колхозники связывали причины своей тяжелой жизни с личностью овечьего в советское время славой председателя: «Новому Надырову, как и России в целом, никогда не везло с царями», «Где они были наши миллионы? Мы их не видели, не ощущали!», «Хады Рахманов был сталинистом по убеждениям, из-за него люди тяжело жили, рано умирали».

Находившийся почти 30 лет на посту председателя колхоза Х. Рахманов и себя без остатка отдавал сельскохозяйственному труду. Он мог с бутылкой молока и куском хлеба целый день носиться по полям в своем служебном «Москвиче». Ему не приходило в голову пересесть в более комфортабельную машину. Многие отмечали, что в быту председатель был аскетичен, неприспособлен. Это сказывалось и на его отношении к развитию социальной инфраструктуры колхоза. Все информанты с горечью вспоминали, что он отказался от социального пакета, включавшего крупные мероприятия по развитию социальной инфраструктуры села, серьезному улучшению бытовых условий жителей, в пользу сооружения новых производственных объектов.

Председатель соседнего колхоза «Ярыш» Шамиль Надыров также пришел в сельское хозяйство пройдя фронт. Но начиналась его трудовая биография после окончания педагогического института в школе, в которой он работал учителем физики и математики. Председателем отсталого колхоза «Ярыш» он становится в 36-летнем возрасте, сумев через 2 года превратить хозяйство в опытно-показательное. По всей республике было всего 3–4 таких хозяйства.

«Ярыш» выступал новатором в перестройке внутриколхозной организации труда. Прежде чем перейти к новым методам хозяйствования, Шамиль Хазиевич решил лично изучить передовой опыт. За этим он отправился в Рязанскую область, взявшую высокие обязательства по осуществлению лозунга «догнать и перегнать Америку по производству мяса». Поездка показала, что ря-

занские достижения – фикция. Однако неудачная поездка на Рязанщину не остановила Ш. Надырова. Он поехал на родину первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в село Калиновка Курской области. Детально вникнув в практику известного на всю страну колхоза, Ш. Надыров первым в районе внедрил полный реальный хозрасчет, а не формальный, как в большинстве хозяйств. И вскоре практика колхоза стала предметом изучения экономистов-ученых Казанского сельскохозяйственного института и была рекомендована ими к широкому применению.

Придавая первостепенное значение материальной заинтересованности работников хозяйства, Ш. Надыров проводил большую работу по совершенствованию материально-технической базы производства. За 7-летний срок пребывания Ш. Надырова на посту председателя в «Ярыше» было построено 26 хозяйственных объектов, полностью обновлены животноводческие помещения. Решимость, смелость принятие нетривиальных решений проявились во внедрении специализации производства, налаживании партнерских отношений с городскими торговыми организациями.

Большое внимание Ш. Надыров уделял и благоустройству сел. При нем началась газификация. Одним из приоритетных направлений его деятельности было предоставление крестьянам максимальных возможностей для образования и культурного развития. При нем были построены невиданная для того времени 2-этажная каменная школа на 280 учеников, один из лучших Домов культуры, гостиница, редкий социальный объект в сельской местности даже для более поздних времен.

Но в вопросах пользования общественными благами в личных целях Ш. Надыров был весьма щепетилен. При таком интенсивном строительстве семья председателя ютилась в тесной комнатухе при школе. К примеру, мясо, другие продукты питания он не покупал в своем колхозе. При этом он был весьма лоялен по отношению к тем, кто допускал некоторые проступки, закрывал глаза на факты мелких хищений другими. Об этом люди рассказывали с особой теплотой и уважением.

В заключение отметим, что с уходом председателя на пенсию колхоз «Зай» быстро вышел из разряда передовых. Колхоз «Ярыш» до конца советской эпохи оставался сильным, несмотря на то, что Ш. Надыров был переведен в отстающее хозяйство с целью поднятия его экономики еще в середине 1960-х гг. Это наводит на мысль, что в позднесоветский период более оптимальными становились методы управления, в основе которых были предприимчивость, новаторство, человечность по сравнению с приверженностью традиционными методами, в основе которых был принудительный и чрезмерно напряженный крестьянский труд.

П.П. Полх¹

**Материалы по управлению сельским хозяйством
послевоенного периода в фондах Государственного архива
Калининградской области:
к вопросу о репрезентативности**

Государственный архив Калининградской области (ГАКО), созданный в 1949 г., изначально был ориентирован на хранение документов советских органов власти, которые возникли во вновь образованной после Второй мировой войны области в первые месяцы после Победы. Сельскохозяйственное освоение территории осуществлялось в результате приема и размещения переселенцев из центральных районов РСФСР и БССР, создания колхозов, совхозов и подсобных хозяйств на месте бывших немецких поселков и усадеб, а также воспроизводства всей той системы управления аграрным сектором, которая сложилась в Советском Союзе к середине 1940-х гг.

Архивные материалы по истории социальных процессов на калининградской земле изначально организовывались в соответствии с устоявшимися принципами, при которых существовавшие государственные организации выступают фондообразователями, что и определяет порядок комплектования соответствующих архивных

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, г. Калининград.

фондов. Безусловно, далеко не все материалы были доступны исследователям в советскую эпоху, поэтому передача на государственное хранение фондов обкома и райкомов КПСС, рассекречивание фондов областного управления статистики и ряда других позволили пролить свет на многие сложности, связанные с процессом становления области: уточнение списка переселенцев (что и сегодня является основанием для социально-правовых запросов), тяготы с устройством вновь прибывшего населения на новом месте, нехватка продовольствия и спекуляция им, конфликты с военной администрацией, несанкционированные возвращения на прежние места проживания, развал немецкой системы мелиорации, противоречивые слухи о судьбе Калининграда в связи с возможностью новой войны и репрессивная политика. Существовавший в обществе интерес к таким «темным страницам» истории становления края определил появление ряда документальных публикаций и исследований в 1990–2000-е гг.

В целом, если не учитывать объективных трудностей с созданием документации и ее сохранностью, материалы ГАКО должны вполне представительно отражать управленческие процессы в послевоенном хозяйстве области. Тем не менее, определенные проблемы архивных источников обусловлены самой организацией советского делопроизводства. Если размеры землепользования колхозов, совхозов и подсобных хозяйств более или менее одинаково отражены в соответствующей документации управлений сельского хозяйства, и на их основании строились все последующие сводки и справки, представлявшиеся, в том числе, в партийные органы, то данные о продуктивности сельскохозяйственного производства (урожайности, продуктивности скота), могли по-разному фиксироваться в зависимости от ведомственной организации учета. Помимо колхозных отчетов и отчетов управлений, информацию о продуктивности земледелия и животноводства собирали плановые комиссии районного и областного уровней, статистические управления, заготовительные организации, а также существовавшие на рубеже 1940–1950-х гг. управления различных уполномоченных (по делам колхозов, по государственным закупкам) и государственная инспекция по определению урожайности. При всей бюрократизированности системы учета заметим, что многообразие

показателей, а также небольшие промежутки предоставления отчетности в ряде случаев (по пятидневкам при уборке зерновых или заготовке молока), оставляли немного возможностей для приписок (для них нужно было обладать хорошей квалификацией, что в послевоенном селе было редкостью). Если здесь репрезентативность оценивать с чисто статистической точки зрения, то проблем будет немного: отчетность, за редким исключением, сохранилась почти по всем годам и всем районам; однако значимая информация для управленческих целей в советскую эпоху, увы, не всегда удовлетворяет информационным потребностям современного исследователя.

Архивных материалов явно не достаточно, чтобы разрешить проблему самодостаточности сельского хозяйства для обеспечения нужд Калининградской области. На уровне союзной власти такая задача ставилась уже в начале 1950-х гг. (Другое дело, насколько здесь прослеживалась экономическая, а не идеологическая необходимость: убедить, что советское сельское хозяйство эффективнее, чем немецкое.) Есть все основания полагать, что завоз продовольствия в область осуществлялся всю советскую эпоху, что обуславливалось необходимостью снабжения воинских контингентов. Кроме того, архивные материалы позволяют уверенно утверждать, что вывоз продовольствия осуществлялся и за пределы СССР, в частности, через морской торговый порт. При этом не всегда удовлетворялись и местные нужды, восполнявшиеся, в том числе и рыночными торговцами из соседней Литовской ССР. Реконструировать возможные торговые балансы на уровне воспоминаний или узковедомственных материалов вряд ли возможно.

Еще одной проблемой представляется сам состав управляющих организаций с распределением функций между ними. Очевидно, что списка фондообразователей здесь недостаточно: многие организации существовали недолго, часто реорганизовывались, или изначально не предполагали передачу материалов на государственное хранение. Следовательно, такие структуры необходимо выявлять и уточнять их функционал, как на основании косвенных свидетельств в архивных материалах, так и в других источниках (воспоминаниях, прессе и т.п.). Не оспаривая значимость

документов, которые стали доступны относительно недавно, следует признать необходимость более основательной проработки имеющихся информационных массивов, отражающих историю отечественного сельского хозяйства второй половины XX в. на региональном уровне и уточняющих отдельные аспекты аграрной политики в масштабах страны.

В.Н. Томили¹

Землепользование в колхозах Черноземного центра России в первые послевоенные десятилетия

Непременным условием производительной работы всякого сельскохозяйственного предприятия (или производственной системы) является рациональное землеустройство и использование научно обоснованных севооборотов. Проблема культурного землепользования в СССР особую остроту принимает после Великой Отечественной войны, когда были нарушены границы полей, часть земель перестала обрабатываться, севообороты не соблюдались.

Землеустроительные работы в колхозах и введение правильных севооборотов производились параллельно с восстановлением посевных площадей. К началу 1950-х гг. в Черноземном центре России они были выполнены на 2/3. К 1955 г. государство планировало завершить освоение травопольных севооборотов. Кампания 1950 г. по массовому укрупнению колхозов резко сократила их численность и изменила всю конфигурацию колхозного производства. Большая работа по землеустройству колхозов, проводившаяся в первые послевоенные годы оказалась перечеркнутой.

После укрупнения колхозов встал вопрос их землеустройства. Задачи усложнились, масштаб работ увеличился. Первоочередным мероприятием, которое следовало провести в укрупненных колхозах, стал выбор и распланировка хозяйственного и жилищного центров. Без решения этого вопроса не могли решаться такие задачи развития колхозов как строительство всех видов, землеустройство.

¹ Томили^н Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тянь-Шанского, tomilin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

Предстояла огромная работа по землеустройству колхозов: следовало определить границы и площади землепользования, изготовить и выдать государственные акты на пользование землей, завести колхозные земельные шнуровые книги, провести нарезку полей, ввести травопольные севообороты. Только в Воронежской области площадь, охватываемая этими мероприятиями, превышала 4,5 млн га сельскохозяйственных угодий.

Освоение севооборотов тормозилось нехваткой семенного материала, особенно это касается семян многолетних трав. Из-за неправильного размещения культур во многих колхозах создавалось пестрополье. Прежде всего, это относится к кормовым севооборотам. Поля кормовых севооборотов заполнялись преимущественно зерновыми и техническими культурами, исходя из наличия семенного материала.

В 1951–1953 гг. практически во всех укрупненных колхозах Центрального Черноземья были завершены землеустроительные работы и введены правильные травопольные севообороты. Полевые севообороты вводились преимущественно 10–11-типольные с двумя полями многолетних трав, кормовые севообороты – 7–9-типольные с тремя-четырьмя полями многолетних трав.

Однако в самом начале 1954 г. в аграрной политике советского государства произошел очередной крутой поворот, изменивший всю систему землепользования в стране, началась кампания по освоению целинных и залежных земель. Партия подвергла острой критике сложившуюся на тот момент структуру посевных площадей, травопольную систему земледелия, которые расценивались как ошибочные и неправильные.

С 1954 г. в колхозах Центрального Черноземья начинается новый этап землеустроительных работ и введения севооборотов по новым схемам: были пересмотрены севообороты во всех укрупненных колхозах. Последовали новые директивы властей по расширению посевов паропропашных и технических культур, в первую очередь кукурузы и сахарной свеклы. Это опять вызывало необходимость уточнения структуры севооборотов. В результате непрекращающегося процесса укрупнения колхозов и указаний

властей по изменению структуры посевных площадей, агрономическая работа в колхозах была дезорганизована. Работы по «совершенствованию» структуры посевных площадей в Центральном Черноземье в 1954–1956 гг. проводились с огромным размахом, всех охватила кукурузная лихорадка.

XX съезд КПСС в директивах по VI пятилетнему плану развития народного хозяйства страны на 1956–1960 гг. в качестве одного из практических средств увеличения производства сельскохозяйственной продукции на 100 гектаров земли рассматривал внедрение рациональных севооборотов. На практике это оборачивалось расширением посевных площадей под кукурузу и сокращением чистых паров.

Проблема культурного землепользования в колхозах Центрального Черноземья в 1950-е годы осталась неразрешимой. Череда непрерывных укрупнений колхозов привела к тому, что во многих колхозах, в результате механического слияния хозяйств, образовалось по 20–25 севооборотов. Нарушение введенных севооборотов начиналось с первых дней их освоения ввиду резкого несоответствия между государственными плановыми заданиями и принятыми схемами севооборота. Под флагом огульной критики травополья страдали не только травопольные севообороты, стали проявляться факты недооценки севооборотов вообще. В середине 1950-х гг. севообороты в колхозах Центрального Черноземья оказались настолько запутанными, что они не соответствовали никаким агротехническим рекомендациям.

Таким образом, на протяжении двух послевоенных десятилетий в колхозах Черноземного центра России вопросы землеустройства, введения и освоения правильных севооборотов решены не были. Всякий раз, когда происходил «крутой поворот» аграрной политики советского государства, пересмотру подвергалась практика землепользования в колхозах: укрупнялись хозяйства, пересматривалась структура посевных площадей, менялись севообороты и т.д. В результате культура землепользования находилась на низком уровне, что отрицательно сказывалось на эффективности аграрного сектора экономики.

С.Н. Андреенков¹

**Колхозно-совхозная система СССР 1946–1964 гг.
в научных публикациях советской эпохи**

В научных публикациях по аграрной истории СССР, выходявших в свет в 1960–1980-е гг., термин «колхозно-совхозная система» встречался довольно редко. В историографии темы закрепились традиция анализировать развитие колхозов и совхозов по отдельности. Данный подход был задан властными структурами, мнение которых для исследователей являлось определяющим.

Изначально в экономической и исторической литературе доминировала колхозно-крестьянская проблематика, что обуславливалось признанием колхозов по итогам коллективизации решающей силой социалистической реконструкции села, хотя в конце 1920-х гг. властные круги считали одной из основных задач аграрных преобразований создание совхозов. В деревне следовало организовать одновременно и совхозы, и колхозы. Первые рассматривались как ведущий тип хозяйств, вторые – как ведомый. В среднесрочной перспективе колхозная собственность должна была сближаться с государственной, а в долгосрочной, то есть в коммунистической перспективе, – слиться с ней. Однако в 1930-е гг. совхозы стали для верховной власти одним из самых досадных разочарований: ведение хозяйства в них требовало вложения значительных средств и при этом не давало должного объема продукции. Поэтому на первый план вышли колхозы, которые обходились дешевле. Рост производства в них достигался с помощью жесткого диктата государства, в частности, посредством машинно-тракторных станций (МТС).

И.В. Сталин полагал, что коммунистические хозяйства вполне можно будет создавать на базе колхозной системы и без участия совхозов. Против окончательного огосударствления сельхозартелей выступил экономист В.Г. Венжер, являвшийся сторонником развития товарно-денежных отношений, усиления кооперативно-

¹ *Андреенков Сергей Николаевич*, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, andreenkov_sn@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

го начала колхозов и укрепления их собственности, в том числе путем продажи техники МТС. И.В. Сталин отрицал целесообразность проведения этой реформы.

После смерти И.В. Сталина многие идеи В.Г. Венжера были воплощены в жизнь: отменены натуральные подати, введены так называемые научно обоснованные цены, продана колхозам техника МТС. В работах экономистов 1960–1980-х гг. (В.Г. Венжер, К.И. Могильницкая, Т.И. Заславская, И.Н. Трегубов и др.) бичевались внеэкономические рычаги управления колхозами, использовавшиеся при И.В. Сталине, и обосновывалась важность шагов по либерализации аграрного строя, предпринятых в середине 1950-х гг. В первую очередь подчеркивалась целесообразность реорганизации МТС, несмотря на все ее издержки. В позитивном ключе об этой реформе, в частности, написано в 6-м томе фундаментального издания «История социалистической экономики СССР» (М., 1980/ответственный редактор доктор экономических наук И.А. Гладков). Также положительно оценивалось укрупнение колхозов, проводившееся в 1950-е гг. в целях ускорения развития в них индустриальных форм хозяйствования.

В научно-исторической литературе второй половины 1960-х – 1980-х гг. (И.М. Волков, М.А. Вылцан, Р.С. Русаков, И.Б. Карпунина и др.), в том числе в фундаментальных трудах – 4-м томе «Истории крестьянства СССР» (М., 1988), а также 4-м и 5-м томах «Истории крестьянства Сибири» (Новосибирск, 1985, 1991), даны более осторожные оценки постсталинской либерализации колхозной системы. В частности, продажа техники МТС колхозам показана как поспешное и плохо продуманное начинание, имевшее альтернативу. Низкие темпы развития колхозов в первые послевоенные годы объяснялись влиянием объективных факторов, а спад в аграрном производстве начала 1960-х гг. – в основном субъективных.

В 1960-е гг. в научную литературу по экономике и истории сельского хозяйства стремительно вошла совхозная тематика (М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин, Н.С. Погорелов, Н.С. Тонаевская и др.). Интерес к ней обуславливался масштабным строительством государственных хозяйств, инициированным Н.С. Хрущевым. Его

«совхозизация» являлась продолжением реализации программы модернизации аграрного строя СССР, разработанной в конце 1920-х гг. Во время правления Н.С. Хрущева массовое совхозное строительство, разумеется, было для исследователей важным позитивным мероприятием. Но и после октября 1964 г. его в целом считали прогрессивным шагом. К числу недостатков отнесли чрезмерные масштабы реорганизации отстающих колхозов в совхозы, во многом обусловившие низкую эффективность вновь образованных хозяйств. После отставки первого секретаря партийная верхушка заявила о том, что необходимо одновременно и соразмерно развивать и колхозную, и совхозную форму хозяйствования. Слияние двух типов хозяйств в единую общенародную собственность объявлялось делом отдаленного будущего.

Следует отметить, что к подобным выводам пришел сам Н.С. Хрущев в конце своего правления. Он признал ошибочность сплошного преобразования отстающих колхозов в совхозы и отметил важность принятия мер по оздоровлению экономики сельхозартелей. В 1964 г. в свет вышла книга Н.С. Погорелова, в которой обосновывался тезис о том, что Хрущев невиновен в издержках массовой «совхозизации» и что он всегда выступал за равномерное развитие и колхозов, и совхозов.

В годы перестройки отношение экспертных кругов к советскому строю стало более критическим. Специалисты по аграрной истории СССР стали пересматривать взгляды на колхозно-совхозную систему. Широко распространилась точка зрения о том, что она в принципе не могла быть эффективной, поскольку являлась детищем сталинской аграрной политики, ослабленной неизлечимыми родовыми травмами. При этом говорилось о существовании альтернативных путей социалистической реконструкции сельского хозяйства. Эту позицию разделял историк В.П. Данилов. Придерживались ее и многие публицисты (Ю.Д. Черниченко, А.А. Базаров и др.). Противники данной точки зрения утверждали, что в постсталинский период колхозно-совхозная система лишилась наиболее одиозных черт и была способна к дальнейшей трансформации посредством развития кооперативных, хозрасчетных и

товарно-денежных отношений (Н.Я. Гущин, И.Е. Зеленин). Первая точка зрения оказалась более популярной и доминировала в последующие годы.

В.В. Наухацкий¹

**Целинная кампания 1950-х – 1960-х годов:
современный научный дискурс**

Февральско-мартовский 1954 г. пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», что положило начало всесоюзной кампании, оказавшей существенное влияние на развитие сельского хозяйства. Выдвижение зерновой проблемы на первое место среди проблем сельского хозяйства означало смену акцентов в определении методов развития сельского хозяйства.

В регионах РСФСР и Казахстана в период до октября 1954 г. была проведена работа по обследованию земельных фондов в колхозах и совхозах и отводу целинных и залежных земель под посевы 1954–1956 гг. Однако признанные Министерством сельского хозяйства СССР целесообразными масштабы вовлечения в оборот в 1954–1956 гг. целинных и залежных земель были существенно превышены на практике. Освоение целинных и залежных земель за столь короткий срок и в таких значительных масштабах вело к изменениям в землепользовании хозяйств, нарушало сложившиеся севообороты, сопровождалось значительными потерями урожая из-за отставания в создании инфраструктуры, экологическим ущербом и т.д.

По истории освоения целины сформировалась обширная историография. В современной литературе, как и прежде, отмечаются конкретные недостатки и противоречия в освоении целины, представлены позитивные результаты и негативные последствия целинной эпопеи; подтверждаются или переосмысливаются выводы обобщающего характера по вопросу о целесообразности курса на освоение целины, его альтернативности и исторической обусловленности.

¹ *Наухацкий Виталий Васильевич*, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), naoukhatskiy@rambler.ru, Россия, г. Ростов-на-Дону.

Исследователи отмечают, что результатом целинной кампании стало увеличение производства зерна в стране, однако при этом подчеркивается, что в процессе освоения целины проявились многочисленные недостатки, трудности и противоречия. Широко распространена точка зрения о том, что освоение целинных земель ослабило внимание к развитию сельского хозяйства Нечерноземья, что негативно отразилось на его последующей судьбе. Не менее широко в литературе представлена точка зрения, согласно которой освоение целины означало курс на экстенсивное развитие сельского хозяйства и отказ от интенсивных методов его развития.

В то же время еще во второй половине 1980-х гг. Ю.П. Денисов в полемике с И.В. Русиновым обоснованно отмечал, что в 1954–1958 гг. производство продукции возросло в немалой степени за счет повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота, высказывал сомнения в возможности широкой интенсификации аграрного производства в 1950-е гг. Кроме того, следует подчеркнуть, что освоение целинных земель – это не только экстенсивное расширение посевных площадей, но и освоение (по нарастающей) интенсивных технологий (севообороты, технологии вспашки, современная техника, селекция и т.д.). Наконец, в 1962–1964 гг. актуализируется поворот в сторону интенсификации сельского хозяйства. Декабрьский пленум ЦК КПСС 1963 г. поставил вопрос об ускоренном развитии химической промышленности как важнейшем условии подъема сельского хозяйства. Февральский пленум 1964 г. рассмотрел вопрос «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрого производства сельскохозяйственной продукции».

В связи со сказанным убедительной кажется точка зрения В.А. Шестакова о том, что «противоречивые результаты «целинной эпопеи» наглядно показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского хозяйства».

Именно реализация программы освоения целины, на наш взгляд, наглядно показала необходимость практического перехода к интенсификации сельского хозяйства. До целинной кампании данная идея не была очевидной для партийно-государственного руководства, хотя и нередко декларировалась, а экстенсивные методы увеличения производства продукции были далеко не исчерпаны (что, собственно, и показало существенное увеличение производства зерна в стране в ходе освоения целинных земель). Иных путей быстрого наращивания производства зерна в тех конкретно-исторических условиях не было

В этих условиях правомерно поставить вопрос: можно ли считать научно обоснованной провозглашенную на сентябрьском пленуме 1953 г. задачу интенсификации сельского хозяйства? Курс на интенсификацию сельского хозяйства – стратегически правильный курс, но в условиях начала 1950-х гг. этот курс не мог быть магистральным. Для реализации данного курса как стратегического в стране отсутствовали необходимые предпосылки – технические, технологические, научные, организационные, кадровые и финансовые. Для решения комплекса этих задач нужны годы и стабильность аграрной политики. Не следует забывать и о том, что сколько-нибудь значительные достижения в области интенсификации сельского хозяйства в России были достигнуты только в 1965–1985 гг., т.е. в принципиально иной исторической обстановке.

Сказанное подтверждается данными официальной статистики, богатым эмпирическим материалом регионов. В этих условиях ставить в практическую плоскость задачу перевода сельского хозяйства на интенсивные рельсы – значит заниматься прожектерством даже в большей мере, чем строить завышенные планы освоения целины.

Следовательно, курс на освоение целины был реалистичен, но его реализация характеризовалась авантюризмом и волюнтаризмом; освоение целины не остановило интенсификацию сельского хозяйства, а актуализировало поворот к ней на практике, подкрепив его созданием мощной зерновой базы в стране.

Д.С. Орлов¹

Аграрная политика и сельское хозяйство Западной Сибири в 1960-х – первой половине 1980-х гг.

В начале 1960-х гг. в сельском хозяйстве Западной Сибири складывается кризисная ситуация. В 1961–1963 гг. значительно сократился валовой сбор зерна. Уменьшение валовых сборов повлекло за собой снижение объемов государственных закупок. В 1959–1963 гг. среднегодовые закупки зерна по сравнению с 1954–1958 гг. уменьшились на 37 %. Сложности в развитии полеводства сказывались на развитии животноводства. В 1963 г. произошло значительное сокращение поголовья скота.

Главной причиной аграрного кризиса 1962–1963 гг. стала разбалансировка действующего хозяйственного механизма. Неблагоприятные погодные условия начала 1960-х гг. стали катализатором и ускорили нарастание проблем. Подрыв экономического положения колхозов путем продажи им сельскохозяйственной техники МТС, несоответствие закупочных цен себестоимости произведенной продукции, рост численности убыточных хозяйств, осложнение экологических проблем, многочисленные организационные перестройки стали причиной кризисных явлений в аграрном секторе.

Очевидное банкротство административно-командных методов управления заставило руководство страны вновь обратить внимание на проблемы экономики сельского хозяйства и социальные вопросы. В 1963–1964 гг. центральная власть приняла ряд решений, направленных на повышение доходов сельхозпредприятий и их работников. В марте 1964 г. с колхозов списали задолженности за технику, приобретенную у МТС, предоставили льготы по кредитам, уменьшили подоходный налог, ввели для механизаторов ежемесячную оплату труда с доплатой до уровня совхозных тарифных ставок.

В соответствии с решениями мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС был реализован ряд мероприятий по экономическому

¹ Орлов Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, orlovd2010@mail.ru, Россия, г. Бийск.

стимулированию и финансовой поддержке сельхозпредприятий. От выплаты подоходного налога освобождались колхозы с рентабельностью менее 15 %. Работы по коренному улучшению земель в колхозах страны стали оплачиваться за счет государственного бюджета. Предусматривалось ассигнование 41 млрд руб. государственных капитальных вложений на строительство объектов производственного назначения и приобретение техники. Плановые показатели стали доводиться до хозяйств по ограниченному числу важнейших показателей (объем закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы и прибыль). Планы продажи продукции государству объявлялись твердыми, неизменными на всю пятилетку, их показатели были ниже фактических закупок предыдущих лет. Результатами реализации решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС в Западной Сибири стал значительный прирост сельхозпродукции. В восьмой пятилетке в целом продукция аграрного сектора региона выросла на 19,9 %.

С конца 1960-х гг. усиливаются административно-командные начала в управлении колхозами и совхозами, сужается их производственная самостоятельность. Налоговая система обеспечивала изъятие почти всех свободных оборотных средств сельхозпредприятий, лишая тем самым наиболее рентабельные из них заинтересованности в выполнении планов и получении высоких доходов. Продолжал усиливаться диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности. Быстрыми темпами росла себестоимость производимой продукции растениеводства и животноводства.

Отказ от установления твердых планов и переход к системе корректирования закупок произошел на рубеже 1960–1970-х гг. Планы на девятую пятилетку были сверстаны со значительным увеличением объемов государственных закупок растениеводческой и животноводческой продукции. Это уменьшало возможность хозяйств продавать государству свою продукцию по повышенным ценам и осложняло их финансовое положение. Вместо ставки на экономические реформы правящая партия вновь сделала выбор в пользу преимущественно технологической интенсификации.

В качестве базового экономического стимула развития сельхозпроизводства рассматривалось не предоставление сельхозпредприятиям хозяйственной самостоятельности, а увеличение заработной платы их работникам. Прирост валовой продукции сельского хозяйства в 1971–1975 гг. снизился до 11,4 %.

Продолжалась «совхозизация» сельского хозяйства. Во второй половине 1970-х гг. совхозы по производству валовой продукции сельского хозяйства опередили колхозы. Параллельно происходило укрупнение оставшихся колхозов. Увеличивались размеры традиционных внутрихозяйственных форм организации труда – бригад, ферм, отделений. Многие хозяйства перешли от территориальной к отраслевой структуре управления. Вместо комплексных подразделений в них создавались специализированные цеха. Прирост валовой сельхозпродукции в 1976–1980 гг. в регионе составил 2,7 %. Негативное влияние на ситуацию в аграрном секторе экономики оказывала усилившаяся сельско-городская миграция, которая приводила к сокращению сельского населения. Острый характер приобрел дефицит трудовых ресурсов.

Сформировавшаяся во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. модель аграрной экономики, сочетавшая в себе элементы экономической децентрализации и планового администрирования, позволила сельскому хозяйству быстро восстановиться в годы восьмой пятилетки и поступательно развиваться в годы девятой пятилетки. Но по мере достижения хозяйственных успехов в руководстве аграрной отраслью стала довлеть идеологическая составляющая, и главным фактором роста аграрного производства стало считаться повышение социалистической сознательности в труде колхозников и рабочих совхозов. На практике происходило усиление командно-бюрократического диктата, что вкупе с иными негативными факторами привело к снижению производственных показателей в десятой пятилетке и к кризисной ситуации в начале 1980-х гг.

Выход из аграрного кризиса начала 1980-х гг. был осуществлен с помощью механизмов, определенных в очередном программном документе – Продовольственной программе 1982 г. Большинство

предложенных мер повторяло решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС: повышение закупочных цен, списание долгов колхозов и совхозов, смягчение налогового бремени и др. В одиннадцатой пятилетке темпы прироста валовой продукции аграрного сектора Западной Сибири повысились, однако были ниже показателей второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг.

А.И. Шевельков¹

Аграрная история Нечерноземья второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. в архивных документах

Начиная с первой половины 1990-х гг. у исследователей аграрной истории России второй половины XX в. появилась уникальная возможность привлечь многочисленные рассекреченные архивные документы, которые ранее не были вовлечены в научный оборот. В первую очередь речь идет о документах ЦК КПСС, сосредоточенных в фондах РГАНИ. Историки получили богатейшую источниковую базу, которая, наряду с документами из других архивов (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ), позволяет достаточно объективно реконструировать аграрную историю и Нечерноземной зоны РСФСР в 1960–1980-е гг. Сотни рассекреченных документов, извлеченных нами из фондов этого и других архивов, помогли восстановить не только процесс формирования аграрной политики государства в середине 1960-х гг., но и ее реализацию в 1960–1980-е гг. Только по документам Президиума ЦК КПСС, рассекреченным в 2014 г., нам удалось выявить исходные решения, позволившие позднее придать аграрной политике государства в Нечерноземье целенаправленный характер.

Как свидетельствуют документы Президиума ЦК КПСС, в ходе подготовки к мартовскому (1965 г.) пленуму ЦК КПСС было определено основное содержание аграрной политики государства на длительную перспективу, которая вскоре определится термином «новая», а уже во второй половине 1970-х гг. ее «творцом» назначат

¹ *Шевельков Анатолий Иванович*, кандидат исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Shevelkov51@mail.ru, Россия, г. Коломна.

Л.И. Брежнева. На заседаниях Президиума ЦК КПСС (январь, февраль 1965 г.), материалы которых отражены в стенограммах, а также в подготовительных документах к мартовскому (1965 г.) пленуму ЦК КПСС были не только обозначены основные проблемы сельского хозяйства страны, социальной сферы села, включая российское Нечерноземье, но и определены стратегические направления аграрной политики государства на перспективу.

По итогам решений высших политических и государственных органов российские ведомства уже во второй половине 1965 г. подготовили не только объемный документ о правдивом положении в аграрной и социальной сферах Нечерноземья, но и выдвинули предложения по его развитию на десятилетнюю перспективу. К сожалению, нами не обнаружено решение Президиума ЦК или СМ СССР, которое отклонило эти предложения, а вскоре изменило первоначальный вариант проекта постановления ЦК КПСС и СМ СССР по развитию мелиорации в Нечерноземной зоне РСФСР. Он был заменен проектом постановления по развитию мелиорации в масштабах всей страны, который был принят по итогам майского (1966 г.) пленума ЦК КПСС. По нашему мнению, одной из главных причин подобного решения являлось отсутствие у государства необходимых финансовых средств.

Архивные источники подтверждают, что в середине 1960-х гг. в стране не было достаточных средств для реализации в полном объеме даже постановлений ЦК КПСС и СМ СССР по итогам мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. Этим можно объяснить и решение государства о списании только части финансовой задолженности колхозов по ссудам колхозов Госбанка СССР. Поиском источников финансирования сельского хозяйства по поручению СМ СССР специально занимались Госплан СССР и Министерство финансов СССР. В итоге, решение вопроса о дальнейшем развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны было отложено на следующую пятилетку.

Источники позволяют выявить и те усилия, которые все же предпринимались государством по изменению тяжелого положения в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР в

годы восьмой пятилетки. Анализ архивных документов, разработанных при подготовке проектов постановления ЦК КПСС и СМ СССР по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в первой половине 1970-х гг., убеждает, что с приходом (точнее, возвращением в 1965 г.) Н.К. Байбакова на должность председателя Госплана СССР после принятия пятилетнего плана, утвержденного бюджета, «выбить» деньги у бывшего «сталинского наркома» было невозможно. Тем более, что в восьмой пятилетке, когда создавался ядерный щит СССР, сельское хозяйство страны, включая Нечерноземье, недополучило 10 млрд руб. или 23 % от запланированных в Директивах XXIII съезда ЦК КПСС объемов финансирования. В результате, колхозы и совхозы не получили сотни тысяч единиц техники, сельскохозяйственных машин. И это во многом объясняет срыв заданий по производству сельскохозяйственной продукции. Утверждения отдельных авторов, не знакомых с рядом архивных источников, об «ошеломляющих» успехах отечественного аграрного производства во второй половине 1960-х гг., не соответствует действительности. Именно в них мы находим признание Л.И. Брежнева в том, что ни в одной советской пятилетке (1928–1970 гг.) задания по производству сельхозпродукции не были выполнены.

Анализ многочисленных архивных документов из фондов нескольких архивов, прежде всего ГАРФ, позволил подробно проследить разработку и принятие основополагающего постановления ЦК КПСС и СМ СССР (1974 г.) по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. По итогам июльского (1970 г.) пленума ЦК КПСС, при подготовке проекта постановления, сначала в российских ведомствах, а затем с участием Госплана СССР были подготовлены аналитические справки. Они являются наиболее ценными архивными источниками. При этом следует отметить, что в фондах ГАРФ нами было выявлено более десяти проектов постановлений, подготовленных Госпланом и Министерством сельского хозяйства РСФСР, которые сопровождались подобными документами.

И.В. Логунова¹

**Трансформация структуры землепользования
в начальный период аграрной реформы 1990-х гг.
(на материалах Центрально-Черноземного района)**

В 1990–1991 гг. в соответствии с рекомендациями II Съезда народных депутатов был принят ряд законов, положивших начало одному из основных направлений аграрной реформы – земельному: «О земельной реформе», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О плате за землю», «О собственности в РСФСР», «Земельный кодекс РСФСР». Закон «О земельной реформе» был направлен на перераспределение земли с целью создания условий для равноправного существования различных форм хозяйствования и формирования многоукладной экономики. Предлагалось поэтапное осуществление преобразований. Сначала земля переходила в федеральную собственность, выявлялась потребность в земле граждан, предприятий, организаций, формировался специальный фонд земель для их последующего перераспределения. Затем Советы народных депутатов и комитеты по земельной реформе передавали землю в собственность, владение, пользование (в т.ч. в аренду) гражданам, предприятиям и организациям.

Анализ статистических отчетов, отражающих наличие и распределение земель по категориям, угодьям, собственникам, землевладельцам, землепользователям в Центрально-Черноземном регионе (ЦЧР) за первые три года аграрной реформы, позволил сделать ряд наблюдений. В рассматриваемый период имело место изменение структуры сельхозпроизводителей. В 1991 г. (первом году активной фазы преобразований) в число сельхозпроизводителей входили колхозы, совхозы, другие государственные предприятия, сельскохозяйственные кооперативы, межхозяйственные сельхозпредприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ).

В 1992 г. из статистических отчетов исчезло понятие межхозяйственных сельхозпредприятий, вместо них появились такие

¹ *Логунова Инна Викторовна*, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, inna.logunova12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

организационно-правовые формы как акционерные общества и ассоциации крестьянских хозяйств. Категория государственных предприятий расширилась за счет включения в нее муниципальных предприятий. В 1993 г. сложившаяся структура землепользователей, землевладельцев и собственников сохранилась. Единственным новшеством стало появление такой организационно-правовой формы как товарищество.

Сокращение численности прежних (советских) форм хозяйствования происходило при одновременном увеличении предприятий новых организационно-правовых форм. За три года реформы количество колхозов сократилось в 2,3 раза, совхозов – в 3,6 раза. При этом число сельскохозяйственных кооперативов возросло в 14,4 раз, крестьянских (фермерских) хозяйств – в 8,9 раз.

Вместе с организационно-производственной структурой сельхозпроизводства менялась и структура землепользования. До 1991 г. основная часть сельхозугодий распределялась между колхозами и совхозами. В общей площади колхозно-совхозные земли составляли 96 %. По состоянию на конец 1993 г. их доля сократилась до 29 %.

Земли сельскохозяйственных кооперативов на конец 1991 г. составляли всего 0,3 % от общей площади земель сельхозпредприятий ЦЧР. К концу 1993 г. их доля увеличилась до 15 %. Аналогичная ситуация сложилась с землями, отведенными под КФХ. Если в конце 1991 г. их доля в общем объеме составляла 0,5 %, то к концу 1993 г. она возросла до 4,4 %. В 1991 г. такие формы хозяйствования как акционерные общества и товарищества совсем не предусматривались в формах статистических отчетов, тогда как к концу 1993 г. их доля в общей площади земель сельхозпроизводителей ЦЧР уже составляла 49,7 %. Общая площадь используемых сельхозпроизводителями земель в период с 1991 по 1993 г. изменилась в сторону небольшого увеличения. Если на конец 1991 г. она составляла 11349,4 тыс. га, то к концу 1993 г. – 12425 тыс. га (прирост составил 1075,6 тыс. га). Площадь пашенных земель, отведенных сельхозпредприятиям, также незначительно выросла: с 8720,6 до 9656,9 тыс. га (+936,3 тыс. га). При этом доля пашни в общей площади сельскохозяйственных угодий

дий осталась на прежнем уровне: 77–78 %. В то же время суммарное количество сельхозпроизводителей росло гораздо более быстрыми темпами. С 1991 по 1993 г. оно увеличилось с 4471 до 15914 (в 3,6 раза). Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о процессе разукрупнения сельхозпредприятий.

Структуры земельных площадей по отдельным категориям сельхозпроизводителей изменялась следующим образом: Площадь колхозных земель в период с конца 1991 по конец 1993 г. сократилась в 2,5 раза. Земельные площади совхозов уменьшились в 4,7 раза. За рассматриваемый период в 2,3 раза сократились земли иных государственных сельхозпредприятий (племенных и конных заводов, сортоиспытательных и опытных сельскохозяйственных станций, семеноводческих хозяйств). Земли сельскохозяйственных кооперативов рекордно возросли в 53,2 раза. Это свидетельствует о том, что данная форма хозяйствования была наиболее популярна в первые годы реорганизации колхозов и совхозов. КФХ увеличили свои угодья в 8,9 раз.

Такая организационно-правовая форма как ассоциация крестьянских хозяйств (АКХ) появилась в статистических отчетах только в 1992 г. Земли АКХ в ЦЧР на конец 1992 г. составляли 108,4 тыс. га, на конец 1993 г. – 122,9 тыс. га. Земли акционерных обществ и товариществ как отдельная категория появились в 1992 г. Из-за малого количества в статотчетах они были объединены с землями сельхозкооперативов. Лишь в 1993 г. земельные площади акционерных обществ и товариществ были посчитаны независимо от кооперативов и составили 6187,3 тыс. га.

Н.А. Серогодский¹

Эволюция форм и видов землепользования на Юге России в 1990-е гг.

В 1991 г. в России началась земельная реформа, которая предполагала переход от государственной собственности на землю к

¹ *Серогодский Николай Александрович*, доктор исторических наук, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru, Россия.

коллективно-долевой или частной. В результате реформы владельцы земельных долей могли объединить свои участки в товарищества, акционерные общества, кооперативы, создать крестьянские хозяйства.

Однако, земельная реформа в силу своей незавершенности не создала стимулов для эффективной работы сельскохозяйственных предприятий. Так, в Ставропольском крае 60 % земельных долей были сосредоточены у части населения, не занятой в сельскохозяйственном производстве. В Ростовской области 37–40 % земли находилось в частной собственности граждан, которые также не работали на земле. Аналогичная ситуация сложилась и в Краснодарском крае. В связи с тем, что права собственников земельных паев не получили законодательного закрепления, был принят Указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю». В этом документе отмечалось, что до принятия Земельного кодекса РФ все земельные участки, полученные гражданами до 1 января 1991 г. и находившиеся в их пожизненном наследуемом владении и пользовании, сохраняются за ними в полном размере. Запрещалось обязывать граждан, имеющих указанные земельные участки, выкупать их или брать в аренду. В 1996 г. намечалось завершить выдачу членам сельскохозяйственных организаций и другим гражданам – владельцам земельных долей свидетельств на право собственности. Все пользователи земельных участков обязывались в течение 1996 г. заключить договоры с собственниками земельных долей. Однако реализовать это право на практике было достаточно сложно, так как не были отрегулированы многие правовые условия взаимной ответственности арендодателей и арендаторов. Часто владелец не знал, какой конкретно участок земли ему принадлежит, на какой срок заключается договор аренды и как защитить свои права, которые ущемлялись почти повсеместно. В результате земля становилась бесхозной.

Таким образом, в результате преобразований в сельском хозяйстве в стране сложилась сложная и противоречивая система земельных отношений, которая не способствовала эффективному использованию земли. Подготовка Земельного кодекса в конце

1990-х гг. придала земельному вопросу большую остроту. Споры шли, в основном, вокруг земель сельскохозяйственного назначения. И здесь мнения были явно противоречивы: одни выступали за вовлечение сельхозугодий в рыночный оборот, другие – были категорически против. Это отражало и региональные особенности сельского хозяйства.

После длительных дискуссий, в июле 2002 г. был принят федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», который создал правовой механизм регулирования земельных отношений в сельском хозяйстве. В законе определялись принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения, предусматривающие сохранение их целевого использования, устанавливались размеры земельных участков, которые могли находиться в собственности граждан и юридических лиц в пределах одного административно-территориального образования. Закон давал преимущественное право субъекту РФ и органу местного самоуправления на покупку земли сельскохозяйственного назначения. Приватизация земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности должна была осуществляться с момента, установленного законом субъекта РФ.

Данный закон стал результатом компромисса между сторонниками и противниками купли-продажи земли. Фактически, земельные участки могли купить только участники долевой собственности, так как продажа земли третьим лицам серьезно затруднена. Это значит, что данный закон был принят, прежде всего, в интересах руководителей хозяйств, которые получили законное право сосредоточить в своих руках значительные земельные площади. В связи с тем, что закон носил рамочный характер, региональные особенности регулирования земельных отношений отражались в местном законодательстве. Одним из первых на Юге России и в стране был принят закон Краснодарского края «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае», согласно которому для управления и распоряжения государственными земельными ресурсами администрация края создает специальный орган, который решает вопросы, связанные с приватизацией земельных участков,

заключает договоры купли-продажи, регулирует арендные отношения. В законе предусмотрено создание казачьего земельного фонда для сельскохозяйственного производства. Приватизация и предоставление в собственность земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, согласно закону, осуществляется через 49 лет с момента вступления в силу.

В законе предусмотрены санкции за ненадлежащее использование земель сельскохозяйственного назначения. Так, если земельный участок не используется в течение двух лет, то по решению суда он переходит в собственность Краснодарского края и поступает в фонд перераспределения земель. В данном законодательном акте, в отличие от федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», не предусмотрена продажа арендного участка арендатору, что ограничивает передачу земли из государственной и муниципальной собственности в частную.

Таким образом, современное земельное законодательство является определенным шагом на пути к рыночному обороту земель сельскохозяйственного назначения. При этом свободная купля-продажа земельных участков затруднена, так как государственные и муниципальные органы власти имеют преимущественное право их приобретения. В то же время, создаются благоприятные возможности для концентрации земли у представителей сельскохозяйственной элиты, а это ведет к превращению значительной части акционеров в наемных рабочих.

В.А. Ильных¹

**Сельское хозяйство России в конце XX – начале XXI в.:
источники, динамика**

Анализ развития сельского хозяйства относится к числу базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения результативности проводимых

¹ *Ильных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

государством аграрных реформ. В современных условиях одной из наиболее значимых историографических проблем являются экономические последствия аграрной реформы начала 1990-х гг.

К изучению сельского хозяйства Сибири в конце XX – начале XXI в. историки только приступают. Анализу недостаточно исследованных проблем должно предшествовать вовлечение в научный оборот широкого круга источников, их систематизация и критика. Базовыми источниками для изучения аграрного производства является материалы опубликованной сельскохозяйственной статистики, которые позволяют реконструировать динамику изменений. Одним из интегральных показателей развития сельского хозяйства является площадь посева.

Реконструкция динамики посевных площадей, проведенная на основе материалов статистических сборников, опубликованных до 2008 г. представлена в таблице. Согласно помещенным в ней данным (см. Вариант А) общая площадь посева в 1991–1995 гг. сократилась на 8,2 п.п., в 1996–2000 гг. – на 15,3, в 2001–2005 гг. – на 7,1 п.п. Наиболее значительным было снижение посевов кормовых культур (в 2 раза за 15 лет), что определялось падением численности скота в крупных хозяйствах. Площадь, занятая зерновыми, в 1991–1995 гг. сократилась на 13,2 п.п., в 1996–2000 гг. – на 14,4 п.п., а в первое пятилетие 2001–2005 гг. – стабилизировалась. Картофелеводство и овощеводство показывали иную динамику. Посадки картофеля в первые пять лет исследуемого периода увеличились (+8,9 п.п.), а затем начали медленно уменьшаться (–5,0 и –5,6 п.п.). Посадки овощей в 1991–1995 гг. незначительно сократились (–2,8 п.п.), в 1996–2000 гг. выросли – на 12,8 п.п., в 2001–2005 гг. – стабилизировались.

Данные за 2000 и 2005 г. из статсборников, опубликованных позднее, отличаются от предшествующих (см. табл.). Для зерновых и кормовых культур отличия минимальны, а для картофеля и овощей значительны. Абсолютные показатели Варианта А больше показателей Варианта Б за 2000 г. по картофелю на 15 %, за 2005 г. – на 35 %, по овощам на 12 и 30 %. Если исходить из данных, помещенных в столбцы Варианта Б, то динамика развития картофелеводства и овощеводства в 1995–2000 гг. существенно отличается

от реконструированной выше. Сокращение посадок картофеля в последнее пятилетие XX в. и в первое пятилетие XXI в. было значительно более существенным (–21,8 и –14,3 п.п.). Площади, занятые овощами в 1990-е гг. незначительно сократились (–1,8 п.п.), в 2001–2005 гг. снижение существенно ускорилось (–13,6 п.п.).

Таблица

Динамика посевных площадей в РФ в 1990–2005 гг. (% к 1990 г.)

Культуры	Вариант А (публикации 1998–2008 гг.)			Вариант Б (публикации 2009 г.)	
	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2000 г.	2005 г.
Зерновые	86,8	72,4	72,6	72,3	69,1
Картофель	108,9	103,9	98,3	87,1	72,8
Овощи	97,2	109,9	110,0	98,2	84,6
Кормовые	83,2	65,5	49,5	64,9	48,5
Весь посев	91,8	76,5	69,4	75,8	67,9

Поправки в более поздние статсборники были внесены после того, как выявилось несоответствие между итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. и материалами текущей статистики. Данная коллизия стала следствием несовершенства текущей сельскохозяйственной статистики. В начале 1990-х гг. продолжала функционировать советская система статистического мониторинга. Посевы колхозов и госхозов устанавливалась в рамках ведомственной статистики, а в личных хозяйствах населения в сельской местности – по сведениям похозяйственных книг. Площадь посадок на дачных участках определялась на основе распространения данных бюджетных обследований на генеральную совокупность.

Прежняя схема статистического мониторинга посевов в хозяйствах населения была признана несоответствующей новым социально-экономическим реалиям. В 1996 г. ее реформировали.

Исходным пунктом определения посевных площадей должен был стать периодически проводимый сплошной учет. В межучетный период данные по ЛПХ устанавливались по результатам выборочных обследований. По коллективным садам и огородам показатели в межучетные годы рассчитывались следующим образом. По документам землеустроительных органов определялось увеличение или сокращение земель, отведенных под них. Затем на эти данные накладывались сведения сплошного учета о доле пашни и посадок отдельных культур.

Предлагаемая схема отличалась от реальной. Сплошного учета посевных площадей вплоть до 2006 г. проведено не было. В итоге в основу последующего определения посевных площадей в личных хозяйствах были положены не итоги учета всех хозяйств, а данные текущего статистического мониторинга 1995 г., проведенного по старой, признанной несовершенной, схеме. Соответственно доля посевов разных культур в коллективных садах и огородах устанавливалась на основе экспертных оценок, а не точных данных.

Как указывалось выше, сельхозперепись 2006 г. выявила несоответствие между установленными по ее итогам данными и сведениями текущей сельскохозяйственной статистики. Разница была определена лишь применительно к 2006 г. В связи с этим возникла проблема внесения ретроспективных поправок в данные за предыдущие годы. Определяя их величину специалисты Росстата исходили из того, что погрешность накапливались постепенно и равномерно, начиная с 1996 г. Поправки в статсборники внесли. При этом принципы установления размеров посевных площадей остались неизменными. По личным приусадебным хозяйствам они определяются по-прежнему по результатам выборочных обследований, а по коллективным садам и огородам – расчетным путем. Некоторые коррективы были внесены в порядок формирования выборки хозяйств для обследования и в показатели расчетной доли пашни и посадок той или иной культуры в коллективных садах.

Точность скорректированной методики могут показать лишь результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., итоги обработки которой пока не опубликованы.

В.Н. Блохин¹

**Проблемы понимания сельского образа жизни
и эффективная государственная политика
развития сельских территорий**

Сельские территории представляют собой особую социально-экономическую и социокультурную систему. Сельский социум является хранителем национальных традиций и образа жизни. Современные глобальные процессы все больше воздействуют на сельские сообщества, часто нарушая стабильность их функционирования и ставя под вопрос будущее сельского образа жизни.

Современная наука не имеет четкого теоретико-методологического аппарата для оценки ситуации в сельских территориях. Однако, для объективного анализа и понимания реального положения необходимо применение комплексного подхода, учитывающего не только экономические показатели развития села, но и социальные, демографические, экологические и иные факторы.

Важную роль в понимании специфики сельской жизни сыграли исследования А.В. Чаянова, Э.П. Томпсона, Дж. Скотта и других ученых. В их работах делается акцент на важности учета крестьянского сознания, которое обуславливает, в том числе, экономическое поведение. Сельчане отличаются осторожностью и консерватизмом мышления, многие научно-технические и социальные инновации могут быть отвергнуты или проигнорированы в силу привычки, рутинности крестьянского быта.

В работах названных ученых присутствует термин «моральная экономика», что отражает зависимость экономического поведения сельских жителей от местных традиций, обычаев, семейных и родственных связей, влияния ближайшего социального окружения на выбор жизненных стратегий. В связи с этим актуальность для осмысления ситуации в сельских сообществах имеет теория М. Грановеттера, получившая название «сила слабых связей». Эта теория объясняет ведущее значение для социального и экономического развития личности взаимодействий с относительно мало знакомыми людьми (кол-

¹ Блохин Виктор Николаевич, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, vik-1987@bk.ru, Республика Беларусь, г. Горки.

легами, приятелями). Такие контакты дают человеку больше информации и альтернативные взгляды на выбор жизненных стратегий в сравнении с ближайшим социальным окружением (родственники, друзья). Ближайшее социальное окружение, как правило, обладает примерно той же информацией, что и конкретный индивид, к тому же мнение хорошо знакомых людей может сдерживать инициативу и способствовать консерватизму мышления. Такая ситуация особенно характерна для сельских сообществ.

Трансформации, проведенные советской властью (уничтожение частной инициативы, коллективизация, тоталитаризм), стали причиной радикальных изменений в жизни сельчан и в их мировоззрении. Крах Советского Союза и рыночные реформы (шокового характера) привели к неоднозначным последствиям для сельских территорий. Возможности, которые предоставляет свободная экономика, во многих случаях остались не использованными, в то время как прежний уклад был разрушен. До сих пор сельские территории находятся в переходном состоянии, что негативно сказывается на уровне жизни сельчан.

В настоящий период состояние большинства сельских территорий Российской Федерации (и других постсоветских стран) представляет собой сочетание передового и архаичного укладов, новых и отсталых технологий, вымирающие деревни и нерентабельный общественный сектор соседствуют с внедрением инноваций. Эти проблемы типичны для многих стран и являются глобальным вызовом, который призвана решить система управления устойчивым развитием.

Устойчивое развитие можно понимать как инновационный путь, который представляет собой сложный и многосторонний процесс, требующий реализации комплексного подхода. Устойчивость предполагает рациональное использование ресурсов, развитие инфраструктуры, применение инновационных технологий, которые способствуют повышению конкуренции, научно-техническому прогрессу, улучшению экологической ситуации.

Термин «устойчивое развитие сельских территорий» используется ученым сообществом все чаще. Этим понятием обозначается

инновационный путь социально-экономической трансформации. Однако, «устойчивое развитие села» не имеет четкого содержания, до настоящего времени не определены показатели и критерии устойчивого развития, отсутствует универсальная методика оценки сельских территорий и критериев успешной модернизации.

Инновационное развитие сельских территорий предполагает интеграцию управленческих, социально-экономических и экологических аспектов, что позволяет решать ряд задач:

- улучшение качества местной власти;
- установление положительной экономической динамики;
- развитие социальной сферы села;
- обеспечение экологического контроля и безопасности;
- внедрение энергоэффективных технологий для сохранения природных ресурсов.

Таким образом, сельские территории нуждаются в комплексном подходе к их оценке. Результаты исследований ведущих социологов подтверждают необходимость использования системного социо-эколого-экономического подхода. Переход к устойчивому развитию будет возможен в случае сильной государственной приверженности. Необходима разработка стратегий устойчивого развития с учетом специфики конкретных сельских сообществ.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Акманов А.И. 29	Кабытов П.С. 159	Романченко В.Я. 165
Александров Н.М. 115	Кабытова Н.Н. 162	Рынков В.М. 98
Андреев С.Н. 203	Камараули Е.В. 45	
Артамонова Л.М. 79	Карпачёв М.Д. 112	Савинова А.И. 55
	Ковалев Д.В. 171	Сафонов Д.А. 150
Бабашкин В.В. 138	Ковалева Н.А. 153	Свердлов М.Б. 6
Барина Е.П. 84	Кознова И.Е. 156	Свиридов И.С. 135
Безгин В.Б. 168	Комиссаренко А.И. 63	Семерикова О.М. 173
Берлов А.В. 188	Кондрашин В.В. 147	Серогодский Н.А. 217
Бершадская О.В. 179	Корнилов Г.Е. 141	Сидоренко Т.Н. 101
Беспалов С.В. 109	Кузьмин А.В. 13	Синицын Р.В. 92
Блохин В.Н. 224	Кузнецов И.А. 107	Смирнов Ю.Н. 73
Будкина Ю.Б. 104	Куренышев А.А. 144	Смурова О.В. 121
Букалова С.В. 126	Кутаков С.С. 31	Соколова Н.В. 25
	Кухаренко А.А. 124	Соловьев А.А. 118
Галлямова А.Г. 194		Степанова Л.Г. 23
Горбачев О.В. 185	Логунова И.В. 215	Степанова Ю.В. 55
Грязнов А.Л. 17		
Даутов А.А. 71	Мазур Л.Н. 182	Тимошенкова З.А. 60
Дегтярев А.Я. 36	Назаров В.Д. 9	Токарев Н.В. 129
Дмитриева З.В. 33	Наушацкий В.В. 206	Томилин В.Н. 200
Дубровский А.М. 191	Никулин В.Н. 95	
		Фаткуллин И.З. 29
Житин Р.М. 90	Орлов Д.С. 209	Фролов А.А. 20
Жиров Н.А. 87	Оськин М.В. 132	
		Хитров Д.А. 40
Зайтунов Р.Б. 66	Папков А.И. 48	Черкасова М.С. 42
Иванов А.А. 176	Полх П.П. 197	Черников С.В. 58
Иванов А.Г. 68	Пшеницын Д.А. 76	
Ильиных В.А. 220	Раздорский А.И. 51	Шевельков А.И. 212
	Роднов М.И. 82	Шинаков Е.А. 3

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ Киевская Русь – середина XIX в.

Е.А. Шинаков

О «внешних» источниках пополнения населения
частновладельческих сельских поселений Древней Руси:
комплексный анализ источников по Деснинскому региону 3

М.Б. Свердлов

Соседская сельская община на Руси X–XII вв.,
ее земельная собственность, платежи и повинности 6

В.Д. Назаров

К истории светской вотчины «первой генерации»
в Северо-Восточной Руси 9

А.В. Кузьмин

Судьба поместья в Верхнем Поднепровье
в XV – первой четверти XVI в. 13

А.Л. Грязнов

Трансформация статуса княжеских владений на Белоозере в XIV–XV вв. 17

А.А. Фролов

К вопросу о необходимости кодикологического и палеографического
исследования писцовых книг 20

Л.Г. Степанова

Материалы земельных кадастров эпохи Средневековья и
Нового времени о качестве земли и расселении крестьян:
полнота и репрезентативность сведений 23

Н.В. Соколова

Полвека на сломе эпох: дворцовые земли как инструмент
«большой политики» (1578–1628) 25

А.И. Акманов, И.З. Фаткуллин

Добровольное вхождение башкир в состав Русского государства
и решение земельного вопроса во второй половине XVI века 29

С.С. Кутаков

Крупные села как хозяйственно-экономические центры сельских территорий в XVI–XVII вв. (на примере Тверского уезда) 31

З.В. Дмитриева

Фискальная система Московской Руси:
от посошного к подворному налогообложению 33

А.Я. Дегтярев

Альбом Мейерберга как свидетельство эволюции
податной системы России в XVII веке 36

Д.А. Хитров

Изучение писцовых и переписных книг Московского государства
на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы 40

М.С. Черкасова

Сельское духовенство на севере России в контексте
аграрной и социальной истории XVII в. 42

Е.В. Камараули

Проблема колонизации южных уездов России в трудах Симпозиума
по аграрной истории Восточной Европы. 45

А.И. Папков

Церковное землевладение на южной окраине России
в первой половине XVII в. 48

А.И. Раздорский

Крестьянская оптовая товарная торговля по материалам таможенных книг
городов юга и запада европейской части России XVII века 51

А.И. Савинова, Ю.В. Степанова

Правовой статус и хозяйственные практики карельских переселенцев
в Верхневолжье в XVII – начале XVIII в. 55

С.В. Черников

Правящая элита России 1700–1762 гг.: влияние демографических
факторов на развитие родовой собственности 58

З.А. Тимошенкова

К вопросу о характере землепользования
крестьян Старорусского уезда в начале XVIII в. 60

А.И. Комиссаренко

Политика Вятской администрации по предотвращению участия населения в Пугачевском восстании (1773–1774 гг.) 63

Р.Б. Зайтунов

Вклад Н.Ф. Демидовой в исследование аграрной истории Южного Урала XVI–XVIII вв. 66

А.Г. Иванов

Марийская крестьянская община в период массовой христианизации 1740–1764 гг. 68

А.А. Даутов

Вотчинное право башкир. 71

Ю.Н. Смирнов

Формирование источниковой базы по истории переселений на земли юго-востока Европейской России в XVIII – середине XIX в. 73

Д.А. Пшеницын

Брачность крестьянства на севере России в первой половине XVIII в. 76

Л.М. Артамонова

Полнота и репрезентативность преданий о крестьянах-переселенцах как источников по аграрному освоению Самарского Поволжья в XVIII в. 79

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ II СЕКЦИИ Вторая половина XIX – начало XX в.

М.И. Роднов

Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX – начала XX в. . . . 82

Е.П. Барина

Дворянство и крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: проблемы взаимоотношений. 84

Н.А. Жиров

Крестьянское землевладение в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв. . . . 87

Р.М. Житин

Некоторые особенности экономики крупного помещичьего хозяйства в конце XIX – начале XX века (по материалам Ракитянского имения Юсуповых и Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых). 90

Р.В. Синицын

Об одном неудачном опыте анализа урожайной статистики в дореволюционной России. 92

В.Н. Никулин

Крестьянские промыслы в России второй половины XIX – начала XX века в современной отечественной историографии 95

В.М. Рышков

Хлебный рынок Сибири в конце XIX – начале XX в.: итоги и перспективы изучения 98

Т.Н. Сидоренко

Агрокультурная деятельность кубанской кредитной кооперации в начале XX в. 101

Ю.Б. Будкина

Кредитная кооперация в дореволюционной России: основные направления современных исследований 104

И.А. Кузнецов

Урожайная статистика губернаторских отчетов как источник для изучения динамики зернового производства в России в XIX веке. 107

С.В. Беспалов

Проблема эффективности частновладельческих хозяйств в России начала XX века в праволиберальной общественной мысли 109

М.Д. Карпачёв

«Царь-голод» 1891–1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия. . . . 112

Н.М. Александров

Эволюция помещичьего хозяйства в пореформенной России (по материалам Верхнего Поволжья). 115

А.А. Соловьев

Мир вятской деревни в пореформенный период: традиции и новации 118

О.В. Смурова

Влияние столичного отхода на крестьянское землепользование
пореформенного времени 121

А.А. Кухаренко

Итоги реализации столыпинской аграрной реформы
на территории Беларуси 124

С.В. Букалова

Сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных
в годы Первой мировой войны 126

Н.В. Токарев

Губернская власть и столыпинская трансформация тамбовской деревни. . . 129

М.В. Оськин

Продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны
(к дискуссии о благосостоянии населения империи в начале XX века) 132

И.С. Свиридов

О сектантстве среди крестьянства
Черноземного Центра России во второй половине XIX века 135

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ
1917 г. – современность**

В.В. Бабашкин

Крестьяноведение как теоретико-методологический подход
в области аграрной истории 138

Г.Е. Корнилов

Историографическая ситуация в историко-аграрных исследованиях
России: конец XX – начало XXI в. 141

А.А. Куреньшев

Некоторые проблемы современной аграрно-крестьянской историографии. . . . 144

В.В. Кондрашин

«Даниловский сектор» Института российской истории РАН: прорыв
в исследованиях аграрной истории России первой половины XX века 147

Д.А. Сафонов

От «классовой борьбы» к крестьянским представлениям: развитие
темы крестьянского социального протеста в постсоветскую эпоху 150

Н.А. Ковалева

Эволюция теоретико-методологических подходов к исследованию
проблем крестьянской революции в Украине 1902–1922 гг. 153

И.Е. Кознова

Сельская советская и постсоветская повседневность
в новейших исследованиях 156

П.С. Кабытов

Сельская община и протестное движение в 1917 году
(историографические аспекты). 159

Н.Н. Кабытова

Перезагрузка сельского самоуправления в Российской революции 1917 года . . 162

В.Я. Романченко

Крестьянское самоуправление в российской деревне (весна – осень 1917 г.) . . . 165

В.Б. Безгин

Крестьянский «мир» в революции 1917 года
(на материалах Тамбовской губернии) 168

Д.В. Ковалев

Подворно-участковое землепользование подмосковных крестьян
в условиях «общинной революции» 1917–1920 гг. 171

О.М. Семерикова

Сельскохозяйственные трудовые коммуны как идеал жизни
и адаптационная модель к советской действительности в 1917–1920-е гг.:
причины создания и вступления в коллектив 173

А.А. Иванов

Общинное самоуправление в доколхозной деревне
по материалам Наркомата РКИ РСФСР. 176

О.В. Бершадская

Проблема социальной дифференциации крестьянских хозяйств:
теоретико-методологические подходы в отечественной науке 1920-х гг. . . . 179

Л.Н. Мазур

«Изжить предрассудки мелкого собственника»: особенности
социальной трансформации крестьянства. 1917–1930-е гг. 182

О.В. Горбачев

Сельские советы в контексте раннесоветского проектирования 185

А.В. Берлов

Частная собственность на средства производства в сельском хозяйстве
Советской России в оценках ученых-экономистов
русской эмиграции 1920–1930-х гг. 188

А.М. Дубровский

Крестьянство Брянского края и репрессии в 1937–1938 гг. 191

А.Г. Галлямова

К вопросу о поведенческих моделях руководителей передовых колхозов
(микроисторический подход) 194

П.П. Полх

Материалы по управлению сельским хозяйством послевоенного периода
в фондах Государственного архива Калининградской области:
к вопросу о репрезентативности. 197

В.Н. Томилин

Землепользование в колхозах Черноземного центра России
в первые послевоенные десятилетия 200

С.Н. Андреенков

Колхозно-совхозная система СССР 1946–1964 гг.
в научных публикациях советской эпохи 203

В.В. Наухацкий

Целинная кампания 1950-х – 1960-х годов: современный научный дискурс 206

Д.С. Орлов

Аграрная политика и сельское хозяйство Западной Сибири
в 1960-х – первой половине 1980-х гг. 209

А.И. Шевельков

Аграрная история Нечерноземья второй половины 1960-х –
первой половины 1970-х гг. в архивных документах. 212

И.В. Логунова

Трансформация структуры землепользования в начальный период
аграрной реформы 1990-х гг. (на материалах
Центрально-Черноземного района) 215

Н.А. Серогодский

Эволюция форм и видов землепользования на Юге России в 1990-е гг. 217

В.А. Ильиных

Сельское хозяйство России в конце XX – начале XXI в.:
источники, динамика 220

В.Н. Блохин

Проблемы понимания сельского образа жизни и эффективная
государственная политика развития сельских территорий 224

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ 227

Научное издание

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
В РОССИИ X–XXI вв.**

XXXVI СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Тезисы докладов и сообщений

Ответственный редактор
Швейковская Елена Николаевна

Подписано в печать 02.07.2018. Формат 60х84¹/₁₆
Усл. печ. л. 13,72. Тираж 100 экз. Заказ